

Цены на металлопродукцию на мировом рынке за тонну
(в мае соответствующего года)

Виды металлопродукции	Ед. измерения	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2015 г., %	
					к 2014 г.	к 2013 г.
«Плоский» прокат:						
Лист холоднокатаный	Долл. США	520	733	705	71,0	73,8
	Руб.	25760,8	26838,8	21671,7	96,0	118,9
Лист оцинкованный	Долл. США	728	875	865	83,2	84,2
	Руб.	36065,1	32060,0	26590,1	112,5	135,6
Лист горячекатаный	Долл. США	440	723	608	60,9	72,4
	Руб.	21797,6	26472,4	18689,9	82,3	116,6
«Длинный» прокат:						
Арматурная сталь	Долл. США	500	590	620	84,7	80,6
	Руб.	24770	21617,6	19058,8	114,6	130,0
Конструкционные профили	Долл. США	727,5	795	785	91,5	92,7
	Руб.	36040,35	29128,8	24130,9	123,7	149,4
Сортовой прокат	Долл. США	538	612,5	653	87,8	82,4
	Руб.	26652,52	22442	20073,22	118,8	132,8
Справочно: Официальный курс доллара США, по данным ЦБ РФ, в мае составлял: 2013 год – 30,74 руб., 2014 год – 36,64 руб., 2015 год – 49,54 руб.						

Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(в мае соответствующего года)

Виды металлопродукции	Ед. измерения	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2015 г., %	
					к 2014 г.	к 2013 г.
«Плоский» прокат:						
Лист холоднокатаный	Руб.	35760	25880,5	24157	138,2	148,0
Лист оцинкованный	Руб.	44112	33313	34658	132,4	127,3
Лист горячекатаный	Руб.	31108	22490,5	20878	138,3	149,0
«Длинный» прокат:						
Арматура	Руб.	27202	26540,5	25378	102,5	107,2
Балка и швеллер	Руб.	38810	31265,5	34162	124,1	113,6
Круг	Руб.	26420	24762	25180	106,7	104,9
Уголок	Руб.	17496	25072,5	25222	69,8	69,4

На мировом рынке металлопродукции в мае 2015 года по сравнению с 2014 годом цена на «плоский» и «длинный» прокат снизилась в среднем на 28,3 и 12% соответственно. При этом в рублевом эквиваленте, несмотря на снижение курса рубля, цены на все виды рассматриваемой металлопродукции ниже, чем на внутреннем рынке. На российском рынке металлопродукции наблюдается рост цен на «плоский» и «длинный» прокат в среднем на 36,3 и 0,8% соответственно.

Источники: Аналитика. Мировые цены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.metaltorg.ru; Аналитика по мировому рынку. Аналитика по российскому рынку: мониторинг металлургического рынка России. Металлургическая отрасль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rusmet.ru

Обзор подготовил

А.В. Миронов
младший научный сотрудник ФГБУН ИСЭРТ РАН

Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов

УДК 338.1:620.9

ББК 65.304.13

© Рохчин В.Е., Чекалин В.С., Костинбой А.С.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЭК РЕГИОНА

РОХЧИН ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики управления предприятием
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: rohchin@mail.ru

ЧЕКАЛИН ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в городском
хозяйстве. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: vchekalin10@list.ru

КОСТИНБОЙ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

директор филиала ООО «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» – Псковское ЛПУМГ
E-mail: kostinboy@bk.ru

В статье уточняется состав топливно-энергетического комплекса (ТЭК) региона – субъекта РФ, содержательно раскрывается сущность понятия «развитие ТЭК региона», а также основные требования, предъявляемые к такому развитию. Обосновывается целесообразность использования интегральной эффективности для оценки развития ТЭК региона, предложена система показателей для ее оценки.

Топливо-энергетический комплекс региона, развитие ТЭК, интегральная эффективность, оценка эффективности.

1. Введение

В России как в государстве, расположенном на огромной территории и устроенном на федеральных началах, региональный фактор играет весьма существенную роль в государственно-политическом устройстве и социально-экономическом развитии страны. В то же время еще не сложилось единого представления о дефиниции самого основополагающего понятия «развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) региона», базовых требованиях, предъявляемых к такому развитию, оценки его эффективности. Уже сменилось несколько поколений экономистов, рассматривающих в качестве объекта исследования «экономическое развитие», однако до сих пор теоретическая база изучения этого объекта остается весьма слабой, что подтверждается высоким уровнем расхождения, который допускают исследователи при освещении проблем хозяйственного развития. Приходится констатировать, что в настоящее время еще не сложился единый подход, прежде всего, к содержательной трактовке понятия «регион», что вполне объяснимо. Дело в том, что регион, в общем случае, обладает всеми признаками сложной социально-экономической системы, состоящей из множества взаимосвязанных элементов (подсистем, компонентов) и выступающей как определенная целостность. При этом свойства региона как единого целого определяются не только и не столько свойствами его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми интегративными свойствами рассматриваемой системы.

2. Сущность и состав

ТЭК региона – субъекта РФ

Многообразие, иногда противоречивость, в попытках определения состава ТЭК региона определяется тем очевидным обстоятельством, что одна и та же сложная

система может быть представлена разными структурами, в зависимости от стадии познания ее, от аспекта рассмотрения экономической системы [3]. Мы предлагаем определить регион как административно-территориальное образование, имеющее четко очерченные границы, совпадающие с принятым российским территориально-политическим делением, в пределах которого воспроизводятся процессы жизнеобеспечения населения, обусловленные местом региона в системе общероссийского разделения труда.

Состав региона как сложной системы в трактовке профессора И.И. Сигова [4] может быть представлен как триада «природа – население – хозяйство (экономика)» вместе с ее управляющей системой, причем под экономикой региона предлагается понимать постоянно воспроизводственную целостность производительных сил (работников, средств и предметов труда) и экономических отношений между работающими в следующих сферах его хозяйства: сферы материального производства, социальной (непроизводственной) сферы и природоформирующей сферы.

Значимой составляющей экономики региона выступает его топливно-энергетический комплекс. В традиционном понимании ТЭК – сложная межотраслевая система добычи первичных энергетических ресурсов и производства топлива и энергии (электроэнергии и тепла), их транспортировки, распределения и использования. Но в большинстве случаев в состав ТЭК включают только предприятия по производству, транспортировке и распределению энергии. Вопросы добычи и транспортировки первичных энергетических ресурсов, а также использования энергии считаются второстепенными.

Главным считается произвести и доставить энергию до потребителя, т.е. обеспечить предложение энергоресурсов.

Безусловно, что это важнейший аспект деятельности ТЭК, но в современной экономике, помимо предложения, необходимо также учитывать и другой, не менее важный фактор развития топливно-энергетического комплекса региона – спрос на энергоресурсы. Причем речь идет о платежеспособном спросе, что весьма существенно. Кроме того, на региональном (и муниципальном) уровне управления, важно не просто получить и потребить энергию, но рационально ее использовать, в том числе путем переработки на нефтеперерабатывающих и прочих предприятиях.

Поэтому, по мнению авторов работы, необходимо уточнить понятие регионального ТЭК путем более широкого толкования термина «использование», включив в его состав не только производителей, но и потребителей; речь идет в данном случае как о предприятиях и организациях, использующих энергоресурсы, так и о конечных потребителях – населении.

Таким образом, ТЭК региона представляет собой в общем случае совокупность предприятий и организаций, которые можно классифицировать по целевой направленности их деятельности:

- предприятия, добывающие первичные энергоресурсы (газ, нефть, уголь, торф, ядерное топливо и т. п.);
- предприятия, перерабатывающие (генерирующие) энергоресурсы;
- энергоснабжающие организации (топливоснабжение, теплоснабжение, энергоснабжение);
- энергопотребляющие предприятия (промышленные предприятия, предприятия производственной инфраструктуры);
- организации бюджетной сферы и ЖКХ, организации торговли, общественно-го питания, бытового обслуживания и т. п.;
- конечные потребители – жители региона (жилищный сектор).

3. Основные требования к развитию ТЭК региона

Обратимся теперь к рассмотрению понятия «развитие топливно-энергетического комплекса региона». Традиционно экономическое развитие принято трактовать как процесс чередования периодов роста и стабилизации. Поэтому не случайно в практической деятельности термины «экономический рост» и «экономическое развитие» зачастую рассматриваются как синонимы, а о состоянии экономики ТЭК регионов судят по показателям роста (спада) производимой в них продукции, услуг, зачастую не делая акцент на их качестве.

Однако развитие ТЭК региона – более широкое понятие, чем рост, оно представляет собой особый вид качественных преобразований, приводящих к возникновению нового, и включают в себя не только прирост производимой продукции и услуг, но и повышение качества работников (их квалификации, образованности, культуры), создание основных производственных фондов, увеличение объемов разведанных природных ресурсов, совершенствование отраслевой структуры комплекса и территориальных форм производства, оптимизацию соотношения различных форм собственности предприятий, функционирующих в рамках регионального ТЭК, рационализацию системы управления ТЭК региона и т. п. Развитие регионального ТЭК может происходить и в условиях общего экономического спада, который может быть результатом действия геоэкономических факторов или вследствие неэффективной политики государственных структур, когда десятилетиями не предпринимаются научно обоснованные меры по модернизации ТЭК региона, но регулярно получают и «проедаются» средства его государственной поддержки. Это особенно важно в условиях экономического спада, необходи-

мости развития в регионах собственных производственных мощностей, включая предприятия по переработке первичных энергоресурсов.

Поэтому развитие ТЭК региона можно определить как комплексный процесс изменения составляющих его элементов, приводящий к их качественным преобразованиям и в конечном счете к повышению качества жизни людей в части качества услуг ТЭК. Рассматривая такое определение как рабочее, отметим, что если общий вектор трансформаций регионального ТЭК определен, то базовые требования, предъявляемые к его перспективному развитию в современной политико-экономической ситуации, условия их реализации необходимо уточнить.

Требования и условия перспективного развития экономики исследовались в ряде работ [1; 2]. Мы полагаем, что в качестве ведущего базового требования к перспективному развитию регионального ТЭК выступает социальная направленность преобразований его экономики. Это требование вытекает из конституционно закрепленного положения, что Россия встала на путь строительства социального государства. Это означает, в частности, приоритетность задачи повышения качества жизни населения региона по отношению к задачами экономического развития регионального ТЭК.

С требованием обеспечения социальной направленности развития ТЭК региона тесно связано другое требование – обеспечение эффективности его развития. Практическая реализация такого требования актуализирует не имеющую сегодня общепринятого решения проблему оценки эффективности развития экономики региона. В связи с этим выскажем общие соображения, каким образом можно осуществить такую оценку.

Учитывая важную роль регионального ТЭК в развитии экономики региона, в обеспечении населения его услугами необхо-

димого объема и качества актуализируется проблема эффективности его функционирования. Любое хозяйство должно быть эффективным, иначе оно просто станет банкротом, прекратит свое существование. Однако необходимо уточнить, что при этом следует понимать под эффективностью деятельности ТЭК региона.

Представляется очевидным, что предприятия и организации, составляющие ТЭК региона, имеют различные характеристики результативности своей деятельности, однако их объединяет стремление приумножить получаемую прибыль. Эффективность их деятельности определяется, как правило, путем соотношения полученного эффекта с обусловившими его затратами. Такое положение представляется, вообще говоря, вполне естественным для предприятий, работающих в условиях рынка. Ведь каждое локальное предприятие (организация), входящее в состав регионального ТЭК, имеет собственные экономические интересы, свою специфическую систему индикаторов для оценки результатов производственно-хозяйственной деятельности, на основе которых и оценивает эффективность своей работы.

Схема взаимодействия предприятий топливно-энергетического комплекса региона в процессе производства, распределения, транспортировки и использования энергоресурсов представлена на рисунке. При этом отметим, что на этой схеме представлена обобщенная «модель» функционирования рассматриваемого процесса. Вопросы формирования и реализации механизма развития ТЭК региона, включающие конкретные программы и проекты строительства, реконструкции, технического перевооружения и обновления основных фондов комплекса выходят за пределы данной работы и должны быть рассмотрены отдельно.

4. Определение эффективности развития ТЭК с народнохозяйственных позиций: объективная необходимость и индикаторы для оценки

Представляется необходимым иметь характеристики эффективности деятельности ТЭК региона в целом как сложной социально-экономической системы, приняв во внимание следующие соображения принципиального порядка.

Во-первых, важнейшие первичные энергетические ресурсы, на базе которых в основном осуществляют свою деятельность

предприятия и организации регионального ТЭК (газ, нефть, уголь, уран и т. п.) – практически невозполнимые ресурсы, собственником которых в соответствии с действующим законодательством выступает население страны [5], экономический интерес которого по понятным причинам состоит в обеспечении в максимальной степени их эффективного использования.

В связи с этим логичным представляется при оценке деятельности регионального ТЭК использование методологии «народнохозяйственной эффективности», в соответствии с которой такая

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РЕГИОНА

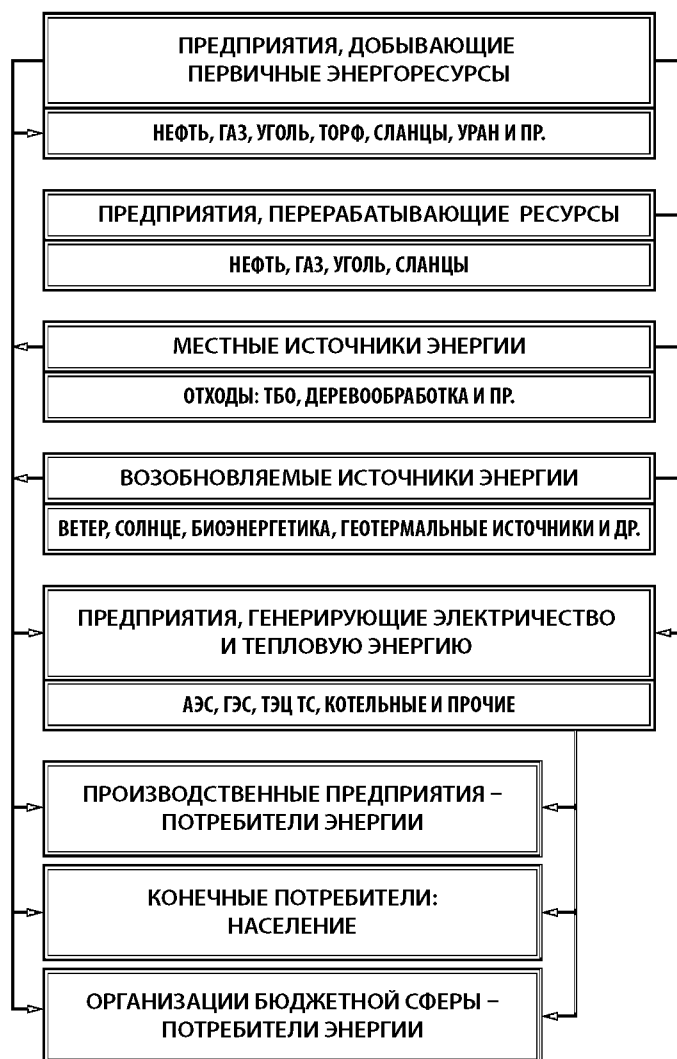

Рис. Схема взаимодействия предприятий топливно-энергетического комплекса региона

эффективность может быть определена как соотношение полученного (ожидаемого) интегрального эффекта (включая косвенный эффект) и обусловивших его всех примененных затрат ресурсов, в том числе сопряженных. Речь идет об определении эффективности, учитывающей общественные интересы жителей страны, региона и работников конкретных организаций.

Соглашаясь с существом народнохозяйственного подхода к оценке эффективности сложных социально-экономических систем, разработанного ведущими экономистами советского времени [6] отметим, что даже в тот период сам термин «народнохозяйственный» звучал как идеологическое клише, так как реально интересы жителей учитывались лишь в самую последнюю очередь. В настоящее время использование данной терминологии едва ли целесообразно. Поэтому предлагается использовать понятие интегральной эффективности, которое как раз и должно вместить в себя интересы общества в целом, жителей региона, работников рассматриваемых организаций, других заинтересованных субъектов управления и хозяйствования.

Определение общей (абсолютной) интегральной эффективности ТЭК региона как отношение достигнутого (прогнозируемого) экономического эффекта к вызвавшему этот эффект затратам необходимо на всех стадиях разработки стратегий и программ развития регионального ТЭК для организации аудита его деятельности с народнохозяйственных позиций.

Во-вторых, главная цель развития регионального ТЭК двудеина и состоит в обеспечении внутреннего спроса в энергетическом обеспечении жизнедеятельности населения и организаций (предприятий) региона энергией требуемого объема и качества при условии минимизации затрат на реализацию всех технологических пе-

ределов. Поэтому при оценке эффективности деятельности ТЭК региона речь должна идти не только о локальных эффектах, достигаемых на отдельных предприятиях ТЭК региона, но, главным образом, об интегральном эффекте и соответствующих ему затратах ресурсов. В связи с этим возникает вопрос, каковы основные составляющие такого эффекта. Мы полагаем, что региональная составляющая эффекта деятельности ТЭК состоит, с одной стороны, в удовлетворении населения региона в услугах ТЭК требуемого объема и качества, с другой стороны, в обеспечении экономических интересов региональных властных структур в сфере действия ТЭК.

Определение (прогнозирование) первой из составляющих отмеченного выше интегрального эффекта опирается на систему норм и нормативов, принятых для регионального ТЭК, и показателей численности населения региона. Здесь мы учитываем доходную базу предприятий ТЭК, а также их результирующие показатели в обеспечении потребителей энергетическими ресурсами (газом, теплом и электроэнергией) требуемого объема и качества.

Что касается определения второй из отмеченных выше составляющих регионального интегрального эффекта, то для определения его необходимо выяснить экономические интересы региона в рассматриваемой сфере его хозяйственной деятельности. Такие интересы в принципе должны отражать соответствующие региональные властные структуры, но в реальности это происходит лишь частично, так как у каждой из них существуют свои собственные экономические интересы, которые могут и не совпадать с интересами региона в целом. Поэтому здесь очень важно выявление интересов жителей региона, которые могут отражать те или иные общественные организации, включая партии, союзы, некоммерческие организации и т. п.

Выше мы уже отмечали приоритетность социальной направленности в развитии ТЭК региона по сравнению с другими возможными направлениями развития, причем мы рассматриваем ее как элемент общегосударственной экономической политики. Поэтому логично предположить, что региональные властные структуры заинтересованы в обеспечении населения региона услугами ТЭК требуемого объема и качества, а также занятости и высокой заработной платы работников в указанном секторе экономики региона. В качестве индикаторов, характеризующих результаты социальной ориентации в развитии регионального ТЭК, отметим такие, как доля занятых в ТЭК региона в общем числе работающих (%), доля высокотехнологических рабочих мест в ТЭК региона в общем их числе в промышленном секторе его экономики (этот индикатор косвенно характеризует конкурентоспособность регионального ТЭК и уровень заработной платы работающих), величина средней заработной платы занятых в ТЭК региона (тыс. руб./мес).

Общая установка на создание высокотехнологических рабочих мест во всех сферах национальной экономики содержится в майском (2012 г.) Указе Президента РФ В.В. Путина «О долгосрочной государственной экономической политике». Кроме того, в настоящее время к руководству регионов предъявляются специальные требования по энергосбережению и повышению энергоэффективности, что непосредственно связано с деятельностью регионального ТЭК.

Интересы региональных структур экономического регулирования развития ТЭК должны состоять также в увеличении объемов и качества услуг, предоставляемых им предприятиям и населению региона. Результаты такой деятельности могут быть определены с помощью индикаторов, характеризующих:

- во-первых, вклад ТЭК региона в валовой региональный продукт и в доходную часть регионального бюджета: доля ТЭК в общем объеме промышленного производства в регионе, ВРП (%); вклад ТЭК региона в доходную часть регионального консолидированного бюджета (%);

- во-вторых, в эффективном с общественных позиций обеспечении энергией внутреннего спроса населения и предприятий (организаций) региона на услуги ТЭК.

Может быть использована следующая совокупность индикаторов обеспечения энергией населения:

А. Целевые, количественные:

- уровень обеспеченности населения водой хозяйственно-питьевого назначения, л/чел. в сутки;

- уровень обеспеченности населения горячей водой, л/чел. в сутки;

- уровень обеспечения потребностей населения теплом, Гкал/чел. в год;

- уровень обеспечения потребностей населения в электроэнергии, кВт-час/чел. в год;

- прочие.

Б. Целевые, качественные:

- уровень бесперебойности поставки энергоносителей, количество отказов в год;

- уровень качества теплоснабжения, баллы;

- уровень качества электроснабжения, баллы;

и т. д.

Таким образом, показатель Э, характеризующий интегральную эффективность деятельности ТЭК региона, можно найти из соотношения вида:

$$\mathcal{E} = (E_1 + E_2 + E_3) / (C_1 + C_2 + C_3),$$

где:

E_1 – сумма локальных эффектов от деятельности предприятий ТЭК региона (например, суммарный доход предприятий и др.);

E_2 – региональный эффект от деятельности ТЭК, включающий экономическую составляющую (налоговые поступления, сокращение бюджетных расходов в результате энергосбережения), социальную – удовлетворение потребностей в энергии физических лиц, экологическую – сокращение негативной нагрузки на природную среду в результате природоохранных мероприятий;

E_3 – косвенный эффект, который выражается в расширении экономической деятельности региона, активизации процесса переработки первичных энергоресурсов, запуском процессов формирования новых видов экономической деятельности в регионе, обусловленных влиянием ТЭК и т. п.;

C_1, C_2, C_3 – затраты на обеспечение надежного функционирования регионального ТЭК на уровне входящих в его состав его предприятий и организаций, региона и страны в целом соответственно.

Таким образом, разработка и практическое использование методов интегральной оценки мероприятий по развитию ТЭК региона позволит не только расширить возможные варианты принимаемых решений, но также объективно сопоставить их между собой и выбрать наиболее рациональные из них с учетом основополагающих принципов управленческого процесса: целенаправленности, системности и комплексности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, В. Н. Развитие экономики российского региона: сущность, критериальные требования и условия [Текст] / В. Н. Андреев, В. Е. Рохчин. – Псков : ПГПИ, 2008. – 56 с.
2. Концепция стратегического развития промышленности города: научное обеспечение и опыт разработки [Текст] / под ред. д.э.н. А. Е. Карлика и д.э.н. В. Е. Рохчина. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 206 с.
3. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем [Текст] / В. Н. Садовский. – М. : Наука, 1974. – 280 с.
4. Сигов, И. И. Региональная экономика, политика и управление: российские проблемы [Текст] / И. И. Сигов. – СПб. : ИПРЭ, 2009. – 276 с.
5. Федеральный закон от 21.02.92 № 2394-1 «О недрах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zakonprost.ru/o-nedrah>
6. Хачатуров, Т. С. Советская экономика на современном этапе [Текст] / Т. С. Хачатуров. – М. : Экономика, 1973. – 368 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рохчин Владимир Ефимович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики управления предприятием. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21. E-mail: rohchin@mail.ru. Тел.: (812) 310-40-83.

Чекалин Вадим Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в городском хозяйстве. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21. E-mail: vchekalin10@list.ru. Тел.: (812) 766-01-01.

Костинбой Александр Семенович – директор филиала ООО «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» – Псковское ЛПУМГ. Россия, 180006, г. Псков, ул. Пожиговская, д. 20. E-mail: kostinboy@bk.ru. Тел.: (8112) 59-90-01.

Rokhchin V.E., Chekalin V.S., Kostinboi A.S.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX IN THE REGION

The article clarifies the composition of the fuel and energy complex (FEC) of the region – a RF subject, reveals the essence of the concept “development of the fuel and energy complex in the region” and the main requirements for such development. It substantiates the usefulness of the integral efficiency to estimate the FEC development in the region and proposes the system of indicators for its evaluation.

Fuel and energy complex of the region, FEC development, integrated efficiency, performance evaluation.

REFERENCES

1. Andreev V. N., Rokhchin V. E. *Razvitie ekonomiki rossiiskogo regiona: sushchnost', kriterial'nye trebovaniya i usloviya* [Economic Development of the Russian Region: Essence, Criteria Requirements and Conditions]. Pskov : PGPI, 2008. 56 p.
2. *Kontsepsiya strategicheskogo razvitiya promyshlennosti goroda: nauchnoe obespechenie i opyt razrabotki* [Concept of Strategic Development of the City Industry: Scientific Support and Experience of Development]. Under editorship of Doctor of Economics A. E. Karlik and Doctor of Economics V. E. Rokhchin. Saint-Petersburg : Izd-vo SPbGUEF, 2011. 206 p.
3. Sadovskii V. N. *Osnovaniya obshchei teorii sistem* [Foundations of General Systems Theory]. Moscow : Nauka, 1974. 280 p.
4. Sigov I. I. *Regional'naya ekonomika, politika i upravlenie: rossiiskie problemy* [Regional Economics, Politics and Management: Russian Problems]. Saint-Petersburg : IPRE, 2009. 276 p.
5. *Federal'nyi zakon ot 21.02.92 № 2394-1 “O nedrah”* [Federal Law of February 21, 1992 No. 2394-1 “On Subsoil”]. Available at: <http://www.zakonprost.ru/o-nedrah>
6. Khachaturov T. S. *Sovetskaya ekonomika na sovremennom etape* [Soviet Economy at the Present Stage]. Moscow : Ekonomika, 1973. 368 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rokhchin Vladimir Efimovich – Doctor of Economics, Professor at the Department of Economics of Enterprise Management. Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Saint-Petersburg State University of Economics. 21, Sadovaya Street, Saint Petersburg, 191023, Russia. E-mail: rohchin@mail.ru. Phone: +7(812) 310-40-83.

Chekalin Vadim Sergeevich – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Management in the Urban Economy. Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Saint-Petersburg State University of Economics. 21, Sadovaya Street, Saint Petersburg, 191023, Russia. E-mail: vchekalin10@list.ru. Phone: +7(812) 766-01-01.

Kostinboi Aleksandr Semenovich – Director of the Branch of Gazprom Transgaz Saint Petersburg LLC. 20, Pozhigovskaya Street, Pskov, 180006, Russia. E-mail: kostinboy@bk.ru. Phone: +7(8112) 59-90-01.

УДК 339.924(470.2+476)

ББК 65.54(2Рос-12+4Бел)

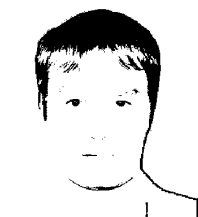
© Кашинцев Н.П., Миронов А.В.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭКОНОМИКЕ

КАШИНЦЕВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: nkashintsev@mail.ru

МИРОНОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: alexdsl2008@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования интеграционных процессов в экономике Республики Беларусь и регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации. Авторами проведена апробация разработанной экономико-математической модели развития регионов, базирующейся на комплекснозначном показателе. В результате полученных данных была проведена сортировка регионов СЗФО по уровню развития в условиях экономической интеграции и выделено четыре группы. Полученные результаты послужили основой для разработки прогноза развития регионов в условиях экономической интеграции на период до 2020 года.

Внешнеэкономическая деятельность регионов, торгово-экономическая деятельность, интеграция, товарооборот, экономико-математическое моделирование, комплекснозначный показатель.

Ключевые перемены в условиях глобализации в современном мире, связанные с быстро растущей взаимозависимостью в межгосударственных отношениях, открывают новые перспективы реализации идей интеграции на постсоветском

пространстве. Этому также способствует укрепление торговых связей между Российской Федерацией и странами СНГ, о чем свидетельствует рост внешнеторгового оборота в 2013 году по отношению к 2000 году в 4,4 раза (табл. 1).

Таблица 1. Внешнеторговый оборот со странами СНГ (в фактически действовавших ценах), млн долл. США

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2013 г. к 2000 г., раз
Российская Федерация	25428	51623	91329	112509	4,4
Центральный федеральный округ	7053,2	13252,6	28159,7	75412	10,7
Северо-Западный федеральный округ	628,8	1945,7	3189,5	13486,2	21,4
Южный федеральный округ	910,4	2907,8	4460	8114,8	8,9
Северо-Кавказский федеральный округ	119	499,3	546,5	932,8	7,8
Поволжский федеральный округ	2466,4	7100	7062	16162,4	6,6
Уральский федеральный округ	2657,3	5912,6	7653,6	10539	4,0
Сибирский федеральный округ	1941,3	4067,8	4867,5	6905,9	3,6
Дальневосточный федеральный округ	41,5	39,3	97,7	307,7	7,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 984 с.

Таблица 2. Внешняя торговля со странами СНГ (в фактически действовавших ценах), млн долл. США

Регион	Экспорт, млн долл.					Импорт, млн долл.				
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	Место	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	Место
г. Санкт-Петербург	140,4	589,1	1115,8	4280,2	1	232,2	292,7	416,1	1521,7	1
Вологодская область	12,8	177,4	379,7	824,9	2	30,2	42,6	31,8	145,6	4
Ленинградская область	27,7	267,6	307,1	500,5	3	21,6	22,3	57,7	164,7	3
Республика Коми	18,7	173,7	304,2	322,5	4	8,8	15,4	12,7	30,6	10
Псковская область	4,7	13,6	23	236,2	5	6,2	3,8	4,3	84,9	6
Новгородская область	11,9	41,7	50,1	157,6	6	7,7	17,4	9,9	117,5	5
Архангельская область	12,5	65	117	149,3	7	10,1	14,6	9,6	38,3	8
Мурманская область	4,7	3,4	52	111,3	8	4,9	6,8	4,7	31,9	9
Калининградская область	9,3	70,2	63,6	108,7	9	44,7	92,1	179,4	428,2	2
Республика Карелия	7,2	33,3	43,2	52	10	12,5	2,8	7,4	50,1	7
СЗФО	249,9	1435,1	2455,8	6743,1		378,9	510,6	733,7	2613,4	
Российская Федерация	13824	32627	59601	73922		11604	18996	31728	38587	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 984 с.

Стоит отметить, что среди регионов Российской Федерации наибольший темп роста внешнеторгового оборота со странами СНГ наблюдается в Северо-Западном федеральном округе. Достижение данного результата стало возможно благодаря активизации взаимовыгодного сотрудничества на уровне регионов. Так, между всеми регионами СЗФО и странами СНГ были установлены деловые контакты и подписаны программы сотрудничества [11]. Следствием данных решений явилось увеличение объемов экспорта и импорта со странами СНГ во всех регионах СЗФО (табл. 2).

В 2013 году лидирующие позиции по объему товарооборота со странами СНГ занимал г. Санкт-Петербург, на втором месте находилась Вологодская область

(5801,9 и 970,5 млн долл. США соответственно). Устойчивые торговые связи со странами СНГ имели также Ленинградская (665,2) и Калининградская (536,9) области, Республика Коми (353,1 млн долл.).

Одним из главных торговых партнеров России среди стран СНГ является Республика Беларусь, доля которой в товарообороте в 2013 году составила 31,7%. Для регионов СЗФО Республика Беларусь является также стратегическим партнером, ее доля в общем товарообороте превышает 90% (табл. 3). Следовательно, торгово-экономическая интеграция имеет важное значение для развития экономики регионов СЗФО и Республики Беларусь как в ближайшей, так и в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Таблица 3. Динамика внешнеторгового оборота республики Беларусь и регионов СЗФО, млн долл. США

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2013 г. к 2000 г., раз	Место
Архангельская область	13,1	18,7	91	175,9	13,43	6
Ленинградская область	49,1	155,1	322,7	543	11,06	2
Вологодская область	46,6	257,8	379,9	512,1	10,99	3
Псковская область	38	64,5	133,7	190,3	5,01	5
Новгородская область	32,7	88,8	110,1	149,9	4,58	8
г. Санкт-Петербург	451	736,5	1269	1892,6	4,20	1
Мурманская область	41,4	40,7	130,2	169,8	4,10	7
Республика Карелия	14,6	27,7	33,3	44,2	3,03	10
Калининградская область	102,3	127,7	116	294,8	2,88	4
Республика Коми	35,3	53,5	274,8	76,3	2,16	9
СЗФО	824,1	1571	2860,8	4048,7	4,91	
Российская Федерация	9314,8	15834	28034,2	39742,4	4,27	

Источник: Беларусь и Россия. 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 120 с.

В связи с этим актуальной задачей является оценка вклада интеграционных процессов в общее социально-экономическое развитие каждого из участников торгового объединения. Оценка развития регионов в условиях экономической интеграции – это количественная характеристика уровня развития, которая выступает итогом прямого или косвенного воздействия органов власти.

Для моделирования интеграционных процессов между субъектами СЗФО РФ и Республикой Беларусь можно использовать комплекснозначные модели, предложенные в работах С.Г. Светунькова [8; 9; 10]. При их адаптации к задаче моделирования развития регионов в условиях экономической интеграции появляется возможность рассчитать значения комплекснозначного показателя на основе сравнения частных индексов экономического и интеграционного развития регионов и проанализировать его модуль и полярный угол.

Нельзя не согласиться с мнением авторов данной методики в том, что тенденции экономического развития региона возможно определить с помощью анализа уровня дохода его жителей. То есть чем выше доходы жителей региона, тем больше своих потребностей они могут удовлетворить при определенном уровне цен. Потребитель-

ская корзина дает представление об этом уровне цен, а отношение среднего дохода жителя региона к потребительской корзине дает представление о том, насколько высоки доходы жителей региона [8].

Для выявления тенденции развития интеграционного объединения, на наш взгляд, целесообразно использовать динамическое сравнение объемов производства товаров и услуг внутри регионального интеграционного объединения, вычисляя индекс совместной торговли субъектов интеграции в объеме их ВРП. Для этого определяется доля в суммарном валовом региональном продукте, приходящаяся на экспорт, импорт или товарооборот внутри объединения.

Расчет показателя производится по формуле:

$$P = \frac{X_i + M_i}{T_{\text{внеш}}}, \quad (1)$$

где:

P – индекс совместной торговли субъектов интеграции в объеме их ВРП;

X_i – объем экспорта внутри интеграционного объединения, в стоимостном выражении;

M_i – объем импорта внутри интеграционного объединения, в стоимостном выражении.

Динамика рассматриваемого показателя свидетельствует об усилении или ослаблении интенсивности экономи-

ческого взаимодействия, а абсолютное значение показывает важность межрегионального экспорта (импорта, товарооборота) для экономики участника интеграционных связей. Вместе с тем индекс совместной торговли может применяться для оценки уровня как интеграции, так и интернационализации, а также для оценки вовлеченности региона в процессы глобализации.

Таким образом, в действительную часть ($\text{Re } Z$) комплекснозначного показателя (Z) включается отношение среднедушевого дохода (C) к прожиточному минимуму (LV) (уровень достатка d), а в мнимую часть ($\text{Im } Z$) – доля в суммарном валовом региональном продукте (F), приходящаяся на товарооборот внутри объединения (T) (уровень включения s):

$$Z = \frac{C}{LV} + i \cdot \frac{T}{F} = d + i \cdot s, \quad (2)$$

где:

i – мнимая единица.

Поскольку комплексная переменная может быть записана не только в арифметической, но и в экспоненциальной, и в тригонометрической формах, это дает дополнительные возможности для интерпретации полученных результатов [8]. Для комплексной переменной выполняются равенства, связывающие разные формы ее записи:

$$\begin{aligned} Z &= \frac{C}{LV} + i \cdot \frac{T}{F} = d + i \cdot s = \\ &= \text{Re}^{i\theta} = R \cos \theta + i \cdot R \sin \theta \end{aligned} \quad (3)$$

В этом случае дополнительными характеристиками комплекснозначного показателя развития регионов в условиях экономической интеграции выступают модуль комплексной переменной:

$$|Z| = \sqrt{d^2 + s^2} \quad (4)$$

и ее полярный угол (рисунок):

$$\theta = \arg Z = \arctg \frac{s}{d} \quad (5)$$

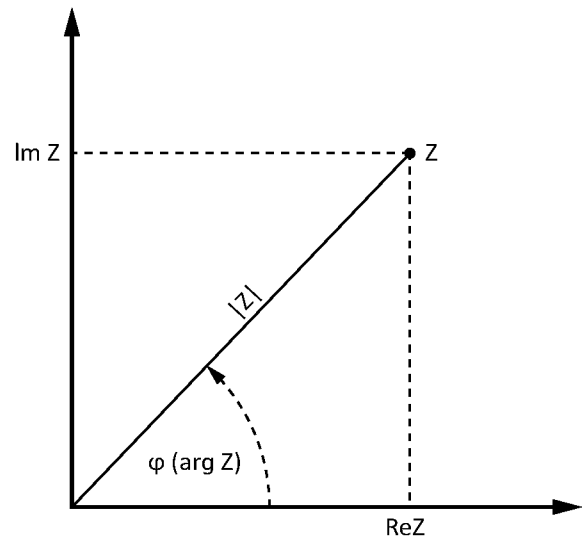

Рис. Модуль, полярный угол, вещественная и мнимая часть в полярной системе координат

Угол φ (в радианах) радиус-вектора точки, соответствующей числу Z , называется аргументом числа Z и обозначается $\arg Z$.

Поскольку модуль при рассмотрении комплексной переменной на плоскости означает длину вектора, который проведен из начала координат к точке с координатами d и s , то он отражает масштаб этой переменной на комплексной плоскости [8]. Применительно к комплексной переменной развития регионов в условиях экономической интеграции модуль будет характеризовать именно уровень одновременно интеграционного и экономического развития региона. Иначе говоря, модуль комплексной переменной развития регионов в условиях экономической интеграции представляет собой своеобразную компоновку показателей в единый индекс.

Стоит отметить, что снижение значений модуля может произойти только в том случае, если снизится хотя бы одна его составляющая, характеризующая уровень экономического или ин-

теграционного развития. Постоянство модуля может свидетельствовать как о стабильности ситуации, так и об одновременном росте одного показателя и снижении другого. Диагностировать одно из этих состояний можно по динамике полярного угла (формула 5). Так, если полярный угол уменьшается, то это свидетельствует о том, что числитель уменьшается по сравнению со знаменателем, то есть уровень интеграционного развития меньше уровня экономического развития. Поскольку в числителе находится показатель интеграционного развития, полярный угол будет расти в том случае, когда уровень интеграционного развития растет более быстрыми темпами, чем уровень экономического развития. Следовательно, комплекснозначный показатель (формула 3) позволяет анализировать дополни-

тельные характеристики уровня развития региона, которые в области действительных переменных не имеют [8].

Апробация методического инструментария оценки развития регионов в условиях экономической интеграции проведена по данным статистической отчетности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь. Так, динамика комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции дает общее представление об изменении их развития. Для целей анализа сравнительного уровня развития регионов необходимо отдельно исследовать действительную и мнимую составляющие комплекснозначного показателя (табл. 4, 5).

В 2011 году относительно кризисного периода 2008 года в целом для всех регионов СЗФО характерно увеличение действительной части комплекснозначного показателя

Таблица 4. Динамика действительной части комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции с Республикой Беларусь

Регион	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2008 г., %
Республика Карелия	3,207	3,116	3,092	3,212	100,2
Республика Коми	3,410	3,478	3,557	3,680	107,9
Архангельская область	3,339	3,325	3,177	3,130	93,7
Вологодская область	3,412	3,145	3,203	3,283	96,2
Калининградская область	3,222	3,005	3,280	3,603	111,8
Ленинградская область	4,152	3,860	3,986	4,223	101,7
Мурманская область	3,524	3,507	3,568	4,205	119,3
Новгородская область	3,013	3,013	3,079	3,279	108,8
Псковская область	2,793	2,750	2,883	2,667	95,5
г. Санкт-Петербург	4,823	4,607	4,851	4,966	103,0

Таблица 5. Динамика мнимой части комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции с Республикой Беларусь

Регион	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2008 г., %
Республика Карелия	0,000738	0,000485	0,000541	0,000354	41,9
Республика Коми	0,001565	0,006328	0,003964	0,003166	214,1
Архангельская область	0,000854	0,001050	0,001301	0,000869	167,4
Вологодская область	0,006429	0,004128	0,005733	0,005097	73,1
Калининградская область	0,006582	0,002811	0,001812	0,001166	30,1
Ленинградская область	0,005515	0,003965	0,004368	0,003224	77,7
Мурманская область	0,002499	0,001736	0,001994	0,001396	119,3
Новгородская область	0,001655	0,001734	0,001783	0,000541	19,7
Псковская область	0,003795	0,001941	0,002214	0,002981	145,6
г. Санкт-Петербург	0,013369	0,010398	0,011100	0,009688	70,9

теля, за исключением Вологодской (96,2%), Псковской (95,5%) и Архангельской (93,7%) областей. В то же время наибольшее значение роста отмечалось в Мурманской области (+19,3%), а наименьшее – в Республике Карелия (+0,2% соответственно). Следует отметить, что лидерами экономического развития в СЗФО в последние годы являются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, которые в 2010 и 2011 году показывали наивысшие значения уровня достатка (d). Вологодская область, достигнув пика своего экономического развития по данному показателю в 2008 году, в 2009 году демонстрирует его снижение на 7,8%.

Анализ мнимой части комплекснозначного показателя за весь период показывает ослабление интеграционных процессов. Кроме того, большинство регионов имели отрицательную динамику индекса совместной торговли субъектов интеграции в объеме их ВРП в кризисный период 2008–2009 гг. с дальнейшим снижением в 2011 году. Среди положительных тенденций стоит отметить рост индекса в Республике Коми и Архангельской области: в 2011 году относительно 2008 года он составил 214,1 и 167,4% соответственно. Ведущие позиции по индексу совместной торговли на протяжении рассматриваемого периода уверенно занимал г. Санкт-Петербург, но, несмотря на это, в последние годы начали лидировать Республика Коми, Вологодская и Ленинградская области.

Для того чтобы определить, какие переменные повлияли на увеличение, стагнацию или сдерживание уровня развития регионов за анализируемый период, следует исследовать дополнительные характеристики комплекснозначного показателя. Так, анализ динамики модуля комплекснозначного показателя выявил тенденцию роста уровня экономического и интеграционного развития для всех регионов СЗФО (табл. 6).

Однако мировой кризис 2008 года прервал эту тенденцию практически для всех регионов и привел в некоторых случаях к снижению уровня. Исключением являются Республика Коми и Новгородская область, в которых наблюдается рост данного показателя.

Тем не менее по масштабу развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции к 2011 году выделяются Мурманская и Ленинградская области и г. Санкт-Петербург. Эти регионы показали наивысшие значения данного показателя за исследуемый период. Самый низкий уровень, который демонстрирует комплекснозначный показатель (2), имеет Псковская область (2,667). При этом наименьшее значение полярного угла комплекснозначного показателя из всех рассматриваемых регионов наблюдается в Мурманской области и Республике Карелия (табл. 7).

Таблица 6. Динамика модуля комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции с Республикой Беларусь

Регион	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2008 г., %
Республика Карелия	3,207	3,116	3,092	3,212	100,2
Республика Коми	3,410	3,478	3,557	3,680	107,9
Архангельская область	3,339	3,325	3,177	3,130	93,7
Вологодская область	3,412	3,145	3,203	3,283	96,2
Калининградская область	3,222	3,005	3,280	3,603	111,8
Ленинградская область	4,152	3,860	3,986	4,223	101,7
Мурманская область	3,524	3,507	3,568	4,205	119,3
Новгородская область	3,013	3,013	3,079	3,279	108,8
Псковская область	2,793	2,750	2,883	2,667	95,5
г. Санкт-Петербург	4,823	4,607	4,851	4,966	103,0

Таблица 7. Динамика полярного угла комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции с Республикой Беларусь

Регион	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2008 г., %
Республика Карелия	0,000230	0,000156	0,000175	0,000110	47,8
Республика Коми	0,000459	0,001819	0,001115	0,000860	187,4
Архангельская область	0,000256	0,000316	0,000409	0,000278	108,6
Вологодская область	0,001884	0,001312	0,001790	0,001553	82,4
Калининградская область	0,002043	0,000936	0,000552	0,000324	15,9
Ленинградская область	0,001328	0,001027	0,001096	0,000763	57,5
Мурманская область	0,000709	0,000495	0,000559	0,000257	36,2
Новгородская область	0,000549	0,000576	0,000579	0,000426	77,6
Псковская область	0,001359	0,000706	0,000768	0,001118	82,3
г. Санкт-Петербург	0,002772	0,002257	0,002288	0,001951	70,4

Кроме того, анализ динамики полярного угла комплекснозначного показателя г. Санкт-Петербурга показал, что его значение имеет тенденцию снижения. Это говорит о более быстрых темпах развития в регионе экономической сферы, чем интеграционных процессов. Все остальные регионы СЗФО имели нестабильную тенденцию роста значений полярного угла комплекснозначного показателя, которая сменилась его снижением в период кризиса 2008 – 2009 гг. с последующим восстановительным ростом в 2010 году.

Таким образом, проведенное ранжирование развития в условиях экономической интеграции показало, что за исследуемый период в значительной части регионов в той или иной степени преобладали процессы торгово-экономического взаимодействия разного уровня и направления. В целом можно выделить четыре группы регионов по уровню развития. К первой относятся регионы с ростом экономического развития и интеграционных процессов (Республика Коми). Ко второй – с ростом экономики, но снижением интеграционных процессов (Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Калининградская, Ленинградская, Мурманская и Новгородская области). В третью группу входят районы со снижением экономической составляющей и ростом интеграционной (Архангельская область). В четвертую – со снижением как экономи-

ческого развития, так и интеграционного (Вологодская и Псковская области). Из этого можно заключить, что Республика Беларусь по-прежнему остается стратегическим партнером регионов СЗФО РФ, однако в большинстве из них наблюдается ослабление интеграционных процессов. Регионы переориентируются на новые рынки, о чем свидетельствует многочисленность второй группы.

Полученные результаты послужили основой для разработки прогноза развития регионов СЗФО РФ в условиях экономической интеграции. Прогноз включает в себя прогнозные модели, описывающие вероятные направления развития с учетом воздействия основных факторов прогнозного окружения и комплекс действий управленческого характера, направленный на минимизацию последствий кризисных ситуаций и повышение эффективности функционирования социально-экономических систем. В связи с этим благодаря использованию моделей линейных трендов (6) были смоделированы интеграционные процессы в регионах СЗФО РФ на период до 2020 года.

$$Z_t = (a_0 + ia_1) + (b_0 + ib_1) \cdot t \quad (6)$$

С помощью вычисленных коэффициентов комплексных показателей комплекснозначных трендов можно определить, какие интеграционные тенденции с республикой Беларусь будут происходить в регионах СЗФО РФ.

В таблице 8 приведены результаты прогноза действительной части комплекснозначного показателя на период до 2020 года. Действительная часть характеризует уровень достатка населения региона.

Стоит отметить, что максимальное значение действительной части комплекснозначного показателя приходится в 2020 году на г. Санкт-Петербург (7,861), Мурманскую (5,902), Ленинградскую (5,794) и Калининградскую (5,613) области. Это свидетельствует о том, что за рассматриваемый период эти четыре региона будут динамично развиваться в экономической сфере. Самая низкая динамика экономического развития за рассматриваемый период у Вологодской области (102,2%).

Исходя из прогнозных значений уровня мнимой части комплекснозначного

показателя, большинство регионов покажут к 2020 году снижение объемов совместной торговли (табл. 9). Исключение составят Республика Коми (увеличение в 2,5 раза), Архангельская (+41,2%) и Новгородская (+40,4%) области. По нашим расчетам, практически не изменится ситуация к 2020 году в Псковской области (100,3%).

Расчетные значения динамики полярного угла на период до 2020 года имеют тенденцию снижения, что говорит о более быстрых темпах развития в регионах экономической сферы, чем интеграционных процессов, за исключением Республики Коми (увеличение в 2,3 раза), Архангельской (+28,2%) и Новгородской (+6,4%) областей (табл. 10).

Таким образом, в большинстве регионов СЗФО РФ интеграционные процессы

Таблица 8. Прогнозные значения действительной части комплекснозначного показателя регионов СЗФО в условиях экономической интеграции

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2011 г., %
Республика Карелия	3,212	3,340	3,423	3,505	3,587	3,670	3,752	3,835	3,917	3,999	124,5
Республика Коми	3,680	3,714	3,785	3,856	3,927	3,998	3,633	3,966	4,013	4,061	110,4
Архангельская область	3,130	3,270	3,293	3,315	3,337	3,359	3,381	3,403	3,425	3,447	110,1
Вологодская область	3,283	3,281	3,290	3,300	3,309	3,318	3,328	3,337	3,347	3,356	102,2
Калининградская область	3,603	3,816	4,040	4,265	4,490	4,714	4,939	5,164	5,389	5,613	155,8
Ленинградская область	4,223	4,441	4,610	4,779	4,949	5,118	5,287	5,456	5,625	5,794	137,2
Мурманская область	4,205	4,223	4,433	4,643	4,853	5,063	5,273	5,483	5,692	5,902	140,4
Новгородская область	3,279	3,383	3,500	3,618	3,736	3,853	3,971	4,089	4,206	4,324	131,9
Псковская область	2,667	2,878	2,928	2,978	3,029	3,079	3,129	3,179	3,229	3,279	122,9
г. Санкт-Петербург	4,966	5,490	5,786	6,083	6,379	6,675	6,972	7,268	7,564	7,861	158,3

Таблица 9. Прогнозные значения мнимой части комплекснозначного показателя регионов СЗФО в условиях экономической интеграции*

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2011 г., %
Республика Карелия	0,354	0,397	0,355	0,313	0,271	0,230	0,188	0,146	0,105	0,063	17,8
Республика Коми	3,166	4,717	5,134	5,551	5,968	6,384	6,801	7,218	7,635	8,051	254,3
Архангельская область	0,869	0,512	0,601	0,691	0,780	0,869	0,958	1,048	1,137	1,226	141,2
Вологодская область	5,097	4,699	4,413	4,127	3,840	3,554	3,268	2,982	2,696	2,410	47,3
Калининградская область	1,166	1,658	1,404	1,383	1,316	1,248	1,180	1,112	1,045	0,977	83,8
Ленинградская область	3,224	3,863	3,751	3,639	3,527	3,416	3,304	3,192	3,080	2,968	92,1
Мурманская область	1,082	0,652	0,677	0,702	0,728	0,753	0,778	0,804	0,829	0,854	79,0
Новгородская область	1,396	2,010	0,982	1,333	1,296	1,463	1,620	1,686	1,848	1,959	140,3
Псковская область	2,981	2,713	2,747	2,782	2,816	2,851	2,885	2,919	2,954	2,988	100,3
г. Санкт-Петербург	9,688	9,592	8,989	8,386	7,783	7,180	6,576	5,973	5,370	4,767	49,2

* - 10⁻³.

Таблица 10. Прогнозные значения полярного угла комплекснозначного показателя развития регионов СЗФО в условиях экономической интеграции*

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2011 г., %
Республика Карелия	0,110	0,119	0,104	0,089	0,076	0,063	0,050	0,038	0,027	0,016	14,3
Республика Коми	0,860	1,270	1,356	1,440	1,520	1,597	1,872	1,820	1,902	1,983	230,4
Архангельская область	0,278	0,157	0,183	0,208	0,234	0,259	0,283	0,308	0,332	0,356	128,2
Вологодская область	1,553	1,432	1,341	1,250	1,161	1,071	0,982	0,894	0,806	0,718	46,3
Калининградская область	0,324	0,434	0,347	0,324	0,293	0,265	0,239	0,215	0,194	0,174	53,8
Ленинградская область	0,763	0,870	0,814	0,762	0,713	0,667	0,625	0,585	0,548	0,512	67,1
Мурманская область	0,257	0,154	0,153	0,151	0,150	0,149	0,148	0,147	0,146	0,145	56,3
Новгородская область	0,426	0,594	0,281	0,368	0,347	0,380	0,408	0,412	0,439	0,453	106,4
Псковская область	1,118	0,943	0,938	0,934	0,930	0,926	0,922	0,918	0,915	0,911	81,5
г. Санкт-Петербург	1,951	1,747	1,554	1,379	1,220	1,076	0,943	0,822	0,710	0,606	31,1

* - 10⁻³.

с Республикой Беларусь будут ослабевать к 2020 году. В то же время в Республике Коми и Архангельской области будут наблюдаться высокие темпы роста как экономической, так и интеграционной составляющей.

Представленный методический инструментарий оценки развития регионов в условиях экономической интеграции способствует определению уровня и направления торгово-экономических взаимодействий, корректировке стратегического вектора развития в сторону укрепления торговых связей. Дальней-

шее развитие взаимоотношений между Белоруссией и российскими регионами зависит от целенаправленности политики центральных и региональных органов власти двух государств, а также от наличия политической воли. Взаимовыгодное сотрудничество на региональном уровне способствует модернизации и качественным переменам в экономике торговых партнеров, развитию соглашений между крупными промышленными предприятиями, межкадаемического и межвузовского сотрудничества, а также ярмарочно-выставочных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырь, Т. В. Развитие экономической интеграции территорий региона (на примере Вологодской области) [Текст] : автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н. : 08.00.05 / Т. В. Богатырь. – Вологда, 2005. – 22 с.
2. Кашинцев, Н. П. Оценка социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст] / Н. П. Кашинцев // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 11 (40). – С. 394–400.
3. Либман, А. М. Модели региональной интеграции [Текст] : монография / А. М. Либман, Б. А. Хейфец. – М. : Экономика, 2011. – 333 с.
4. Межрегиональное сотрудничество как фактор интеграционных процессов России и Республики Беларусь [Текст] / Т. В. Ускова, С. М. Дедков, Т. Г. Смирнова, Р. Ю. Селименков, В. Я. Асанович. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. – 176 с.
5. Моделирование глобальных экономических процессов [Текст] : уч. пос. для студентов вузов, обуч. по спец. «Экономическая кибернетика» / под ред. В. С. Дадаяна. – М. : Экономика, 1984. – 320 с.
6. Национальная академия наук Беларуси. Важнейшие научные результаты 2012 года [Текст] : сб. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 118 с.
7. Проблемы интеграции России и Республики Беларусь в союзное государство (экономика и энергетика) [Текст] / под ред. А. И. Татаркин, А. А. Куклин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 298 с.
8. Светуных, С. Г. Комплекснозначный анализ и моделирование неравномерности социально-экономического развития регионов России [Текст] / С. Г. Светуных, А. В. Заграновская, И. С. Светуных. – СПб., 2012. – 129 с.

9. Светуных, С. Г. Прогнозирование социально-экономического развития регионов с помощью моделей комплекснозначной экономики [Текст] / С. Г. Светуных, И. С. Светуных, Н. А. Кизим, Т. С. Клебанова // Проблемы экономики. – 2011. – № 2. – С. 83–90.
10. Светуных, С. Г. Экономическое прогнозирование с помощью линейной производственной функции комплексных переменных [Текст] / С. Г. Светуных, И. С. Абдуллаев // Вестник ОГУ. – 2010. – № 8. – С. 190–195.
11. Селименков, Р. Ю. Оценка развития регионов в условиях экономической интеграции [Текст] / Р. Ю. Селименков, Н. П. Кашинцев // Вестник ЧГУ. – 2014. – № 2 (55). – С. 54–58.
12. Смирнова, Т. Г. Оценка торгово-экономической интеграции регионов СЗФО с Республикой Беларусь [Текст] / Т. Г. Смирнова, Р. Ю. Селименков // Проблемы развития территории. – 2010. – № 5. – С. 20.
13. Состояние и перспективы развития экономики России и Республики Беларусь в рамках союзного государства [Текст] : монография / под ред. А. И. Татаркин, А. А. Куклин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 535 с.
14. Ускова, Т. В. Прогнозирование торгово-экономических отношений регионов СЗФО РФ с Республикой Беларусь [Текст] / Т. В. Ускова, Р. Ю. Селименков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 3. – С. 97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашинцев Николай Павлович – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: nkashintsev@mail.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Мионов Алексей Викторович – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: alexdsl2008@yandex.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Kashintsev N.P., Mironov A.V.

MODELING OF INTEGRATION PROCESSES IN ECONOMY

The article presents the results of a research into integration processes in the economy of the Republic of Belarus and regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The authors tested an economic-mathematical model of regional development based on a complex-valued indicator. On the basis of the data obtained, the authors arranged the regions of the Northwestern Federal District by level of development in the context of economic integration; they allocated four groups. The results served as the basis for the development of a forecast of development of the regions under the conditions of economic integration for the period up to 2020.

Foreign economic activity of regions, trade and economic activities, integration, trade turnover, economic-mathematical modeling, complex-valued indicator.

REFERENCES

1. Bogatyr' T. V. *Razvitie ekonomicheskoi integratsii territorii regiona (na primere Vologodskoi oblasti): avtoref. dis. na soisk. uch. st. k.e.n. : 08.00.05* [Development of Economic Integration of the Territories of the Region (Case Study of the Vologda Oblast): Ph.D. in Economics Dissertation Abstract]. Vologda, 2005. 22 p.
2. Kashintsev N. P. *Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga* [Evaluation of Socio-Economic Development of the Regions of the Northwestern Federal District]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2013, no. 11 (40), pp. 394–400.

3. Libman A. M., Kheifets B. A. *Modeli regional'noi integratsii: monografiya* [Models of Regional Integration: Monograph]. Moscow: Ekonomika, 2011. 333 p.
4. Uskova T. V., Dedkov S. M., Smirnova T. G., Selimenkov R. Yu., Asanovich V. Ya. *Mezhregional'noe sotrudnichestvo kak faktor integratsionnykh protsessov Rossii i Respubliki Belarus'* [Interregional Cooperation as a Factor in Integration Processes of Russia and Belarus]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 176 p.
5. *Modelirovanie global'nykh ekonomicheskikh protsessov: uch. pos. dlya studentov vuzov, obuch. po spets. "Ekonomicheskaya kibernetika"* [Modeling of Global Economic Processes: Textbook for University Students with Specialty "Economic Cybernetics"]. Ed. by V. S. Dadayan. Moscow: Ekonomika, 1984. 320 p.
6. *Natsional'naya akademiya nauk Belarusi. Vazhneishie nauchnye rezul'taty 2012 goda: sb.* [National Academy of Sciences of Belarus. Important Scientific Results of 2012: Collection]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2013. 118 p.
7. *Problemy integratsii Rossii i Respubliki Belarus' v soyuznoe gosudarstvo (ekonomika i energetika) [Problems of Integration of Russia and Belarus within the Union State (Economy and Power)]*. Ed. by A. I. Tatarkin, A. A. Kuklin. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. 298 p.
8. Svetun'kov S. G., Zagranovskaya A. V., Svetun'kov I. S. *Kompleksnoznachnyi analiz i modelirovanie neravnomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii* [Complex-Valued Analysis and Modeling of Uneven Socio-Economic Development of Russia's Regions]. Saint Petersburg, 2012. 129 p.
9. Svetun'kov S. G., Svetun'kov I. S., Kizim N. A., Klebanova T. S. *Prognozirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov s pomoshch'yu modelei kompleksnoznachnoi ekonomiki* [Forecasting of Socio-Economic Development of Regions with the Use of the Models of Complex-Valued Economy]. *Problemy ekonomiki* [Problems of Economy], 2011, no. 2, pp. 83–90.
10. Svetun'kov S. G., Abdullaev I. S. *Ekonomicheskoe prognozirovanie s pomoshch'yu lineinoi proizvodstvennoi funktsii kompleksnykh peremennykh* [Economic Forecasting with a Linear Production Function of Complex Variables]. *Vestnik OGU* [Herald of OSU], 2010, no. 8, pp. 190–195.
11. Selimenkov R. Yu., Kashintsev N. P. *Otsenka razvitiya regionov v usloviyakh ekonomicheskoi integratsii* [Evaluation of Regional Development in the Context of Economic Integration]. *Vestnik ChGU* [Herald of ChSU], 2014, no. 2 (55), pp. 54–58.
12. Smirnova T. G., Selimenkov R. Yu. *Otsenka torgovo-ekonomicheskoi integratsii regionov SZFO s Respublikoi Belarus'* [Assessment of Trade and Economic Integration of Regions of the Northwestern Federal District and the Republic of Belarus]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2010, no. 5, p. 20.
13. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya ekonomiki Rossii i Respubliki Belarus' v ramkakh soyuznogo gosudarstva: monografiya* [The State and Prospects of Development of Economy of Russia and Belarus within the Union State: Monograph]. Ed. by A. I. Tatarkin, A. A. Kuklin. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 535 p.
14. Uskova T. V., Selimenkov R. Yu. *Prognozirovanie torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii regionov SZFO RF s Respublikoi Belarus'* [Forecast of Trade and Economic Relations in the Regions of Russia's Northwestern Federal District and the Republic of Belarus]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 3, p. 97.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kashintsev Nikolai Pavlovich - Junior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: nkashintsev@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Mironov Aleksei Viktorovich - Junior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: alexdsl2008@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

УДК 631.145:633.521(470)

ББК 65.30

© Маклахов А.В., Живетин В.В.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЬНЯНОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МАКЛАХОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

доктор экономических наук
профессор Вологодского государственного университета
председатель Ассоциации легкой промышленности
и народно-художественных промыслов Вологодской области

ЖИВЕТИН ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор
лауреат премии Правительства Российской Федерации
ОАО «Инновационный научно-производственный центр текстильной
и легкой промышленности», г. Москва

В статье рассматриваются проблемы развития льняного комплекса России, выявляются причины сокращения уровня производства льняного сырья и продуктов его переработки в последние годы, снижения эффективности комплекса. Предлагаются мероприятия, которые, по мнению авторов, могут способствовать преодолению сложившихся тенденций, увеличению востребованности льнопродукции, росту эффективности комплекса на всех стадиях его функционирования – выращивания льна, его первичной переработки и увеличения выпуска в стране изделий из льна.

Льняной комплекс России, государственная программа развития, направления повышения эффективности.

Возделыванием льна-долгунца в мире занимаются 14 стран. Площадь посева культуры в них превышает 0,5 млн гектаров. Ежегодный объем производства льняного волокна составляет более 0,5 млн тонн. Основными центрами выращивания и переработки льна являются такие страны как Китай, Франция, Россия и Беларусь.

В связи со сложным финансово-экономическим состоянием промышленности и нарушением межотраслевых связей в льняном комплексе Российской Федерации с 90-х годов наблюдается устойчивое снижение объемов производства льноволокна. За последние 15 лет количество текстильных предприятий сократилось более чем в

8 раз со 100 в 2000 году до 12 в 2014 году. Причиной стремительного снижения объемов производства льняной продукции текстильной промышленности является падение внутреннего потребительского спроса и падение дохода от экспорта в результате вступления Китая в ВТО и вытеснения России с мирового рынка льняной продукции, поэтому продукция сельскохозяйственных товаропроизводителей стала мало востребованной. Только за последние 10 лет производство льняных и полульняных тканей сократилось более чем в 4,2 раза с 157,0 млн кв. м в 2003 году до 37,3 млн кв. м в 2013 году, при этом экспорт тканей снизился в 9 раз с 67 млн кв. м в 2003 году до 7,5 млн кв. м в 2013 году (табл. 1).

С целью сохранения отрасли льноводства и с учетом социальной значимости данного производства для нечерноземной зоны России поддержка производства льноволокна стала приоритетным направлением Госпрограммы 2008 – 2012 гг. Меры господдержки продолжены в новой Госпрограмме на 2013 – 2020 годы.

Учитывая сложившуюся ситуацию, желание и заинтересованность сельскохозяйственных товаропроизводителей в выращивании и переработке лубяных культур, Минсельхоз России инициирует и поддерживает создание новых инновационных производств по глубокой переработке льна и конопли.

В 2014 году возделывание льна-долгунца в Российской Федерации осуществлялось в 19 регионах нечерноземной зоны. В настоящее время действуют 69 льнозаводов, 9 пенькозаводов и 12 льноперерабатывающих комбинатов и фабрик.

За последние 5 лет посевные площади в Российской Федерации остались на уровне 50,0 – 55,0 тыс. га, валовой сбор льноволокна – на уровне 40,0 тыс. тонн, при этом увеличилась урожайность льноволокна с 8,2 ц/га в 2010 году до 9,0 ц/га в 2014 году. Затраты на возделывание 1 гектара

льна-долгунца возросли более чем в 1,3 раза (с 13,7 тыс. руб. в 2010 году до 18,6 тыс. руб. в 2013 году), а рентабельность с учетом субсидий осталась на уровне 15,0 – 18,0% (табл. 2). Основное производство льноволокна переместилось с Центрального региона в Сибирский регион, где наблюдается устойчивый сбор льноволокна на уровне 17,0 – 18,0 тыс. тонн.

В рамках действующей Госпрограммы 2013 – 2020 гг. предусмотрены следующие меры государственной поддержки льносеющих и льноперерабатывающих предприятий:

- развитие элитного семеноводства;
- поддержка экономически значимых программ субъектов Российской Федерации в области развития производства и переработки льна и конопли;
- государственная поддержка кредитования подотрасли растениеводства;
- поддержка доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в области растениеводства.

Общий прогнозный объем государственной поддержки льносеющих и льноперерабатывающих предприятий к 2020 году составит 696,2 млн рублей (табл. 3).

Поддержка экономически значимых программ субъектов Российской Федерации в области развития производства и переработки льна и конопли становится действенным стимулом для сельскохозяйственных товаропроизводителей. С каждым годом растет число регионов, участвующих в экономически значимых программах в области растениеводства (в 2012 году – 8 регионов, в 2013 году – 9 регионов, на 2015 год – подали заявки 15 регионов).

Результатом реализации экономически значимых программ развития льноводства субъектов Российской Федерации стало увеличение валового сбора льноволокна. Речь, в частности, идет о таких регионах, как Брянская, Смоленская, Тверская,

Таблица 1. Производство и экспорт льняных тканей в Российской Федерации

Наименование показателя	Год						
	2003	2005	2007	2009	2011	2012	2013
Производство тканей, млн кв. м	157,0	122,0	101,0	47,0	46,9	46,6	37,3
Экспорт тканей, млн кв. м	67,0	58,0	30,0	13,0	10,0	9,3	7,5

Таблица 2. Динамика производственных показателей по выращиванию льна-долгунца в Российской Федерации за 2008 – 2014 гг.

Наименование показателя	Год							
	1990	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Посевная площадь, тыс. га	418,0	77,0	69,45	51,2	55,5	57,2	55,3	50,5
Валовой сбор льноволокна, тыс. т	71,3	52,48	52,26	35,2	43,4	46,1	39,04	37,2
Урожайность льноволокна, ц/га	3,0	7,8	8,2	8,2	9,0	9,1	8,5	9,0
Затраты на возделывание 1 га, тыс. руб.*	-	10,9	14,6	13,7	18,9	19,4	18,6	-
Рентабельность, %* без субсидий	-	-7,3	-1,8	-0,2	-5,0	-3,9	-10,0	-
Рентабельность, % с субсидиями	-	12,5	15,6	8,4	18,5	24,3	16,2	-

*По данным 9 АПК.

Таблица 3. Прогнозная поддержка развития льноводства в рамках Госпрограммы 2013 – 2020 гг.

Наименование	Год								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2013 – 2020
Валовой сбор волокна, тыс. тонн	51,5	54,7	58,7	61,5	63,8	66,9	69,1	72,0	498,2
Субсидирование части затрат на приобретение элитных семян, млн руб.	6,4	6,5	6,6	6,7	6,8	6,9	7,0	7,1	54,0
Поддержка экономически значимых региональных программ, млн руб.	300,0	250,0	300,0	400,0	500,0	550,0	600,0	625,0	3525,0
Поддержка кредитования (субсидирование ² / ₃ ставки), млн руб.	18,0	18,0	30,0	31,44	33,0	34,5	36,0	37,5	238,44
Поддержка доходов (несвязная поддержка), млн руб.	20,16	11,8	11,9	15,17	17,86	22,7	25,63	26,6	151,82
ВСЕГО, млн руб.	344,56	286,3	348,5	453,31	557,66	614,1	668,63	696,2	3969,26
ВСЕГО, на 1 га тыс. руб.	5,68	4,6	5,58	6,78	8,22	8,44	9,3	9,38	7,49
ВСЕГО, на 1 тонну тыс. руб.	6,69	5,23	5,93	7,37	8,74	9,17	9,67	9,67	7,96

Вологодская области, Республика Татарстан. В Вологодской области в 2013 году был реализован проект по производству из льнопродукции медицинской ваты на ООО «АПК Вологодчина» с объемом производства до 2,2 тыс. тонн в год. Налажено производство нетканых материалов в ООО «Сабылен» Республики Татарстан. В 2014 году – организовано производство однотипного волокна в ООО «Деснянский лен» Брянской области и производство котонизированного льноволокна в ООО «Вяземский льнокомбинат» Смоленской области. В 2015 году – планируется запуск производства объемных утеплителей из льноволокна на МУП «Ржевский лен» Тверской области.

Тем не менее, до настоящего времени сохраняются сдерживающие факторы развития льноводства в Российской Федерации.

В области выращивания льна:

1. Устаревшая материально-техническая база (отсутствие современной уборочной техники).

2. Сокращение семеноводческих предприятий и хозяйств, ведущих семеноводство и районирование новых сортов.

3. Дефицит кадров.

В области переработки льна:

1. Износ основных фондов.

2. Устаревшая материально-техническая база.

Таблица 4. Годовой прогноз потребности в льноволокне с учетом ГОСЗАКАЗА

Наименование	Ткани (млн кв. м)			Вата (тыс. т)		Стройка (тыс. т)
	Бельевые (140 гр/кв. м)	Костюмные (250 гр/кв. м)	Брезенты (450 гр/кв. м)	ИПП	Перевязка	Объемный утеплитель
Минобороны РФ	30,0	9,0	9,0	30,0	5,0	-
МВД РФ	30,0	9,0	3,0	-	2,0	-
Минздрав РФ	21,0	-	-	-	10,0	-
Минтранс РФ (РЖД)	700,0	-	-	-	-	-
Гражданское направление	30,0	20,0	3,0	-	15,0	60,0
ИТОГО	811,0	38,0	15,0	30,0	32,0	60,0
В пересчете на волокно (тыс. т)	162,3	13,6	9,6	46,1	49,2	70,6
в т. ч. длинного (тыс. т)	175,9			-		
короткого (тыс. т)	-			175,9		
всего льноволокна (тыс. т)	351,8					

3. Нарушение технологии (отсутствие современных сушильных комплексов и перерабатывающего оборудования).

В области текстильного производства:

1. Медленное техпереворужение производств (устаревшая техническая и технологическая оснащенность, отсутствие машиностроения по изготовлению прядильного, ткацкого и отделочного оборудования).

2. Отсутствие господдержки.

Для устойчивого развития льноводства в Российской Федерации предлагается следующий комплекс мер:

1. Создание селекционно-семеноводческих центров по льну и конопле в рамках подпрограммы «Поддержка племенного дела, селекции и семеноводства».

2. Субсидирование части затрат на производство специализированной техники для выращивания и уборки льна и конопли в рамках подпрограммы «Техническая и технологическая модернизация и инновационное развитие».

3. В рамках реализации Государственной программы «Развитие промыш-

ленности и повышение ее конкурентно-способности», подпрограмма «Легкая промышленность и народные художественные промыслы» включить мероприятия по направлению «Поддержка экономически значимых программ технического перевооружения текстильных предприятий».

4. Включить продукцию из льнопеньковолокна в перечень комплектующих продуктов для нужд предприятий ВПК в рамках программы импортозамещения.

5. Расширить область применения льносодержавшей продукции для других государственных нужд.

По расчетам специалистов, прогнозная потребность страны в льноволокне с учетом госзаказа оценивается показателями, представленными в *таблице 4*.

Как видно из данных таблицы, по мнению экспертов, годовая прогнозная потребность в льноволокне в Российской Федерации при условии выполнения 100% госзаказа может составлять более 350 тыс. тонн в год, чтократно превосходит уровень, существующий в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупнов, Ю. Сеющий лен – пожнет золото [Текст] / Ю. Крупнов // Литературная газета. – 8 апреля 2015 года. – № 14 (6504).
2. Льноводство в России: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.modanews.ru>
3. Чубаров, Б. Песенное одеяние Руси [Текст] / Б. Чубаров // Советская Россия. – 17 марта 2015 года. – № 26 (14124).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маклахов Алексей Васильевич – доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного университета, председатель Ассоциации легкой промышленности и народно-художественных промыслов Вологодской области.

Живетин Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации. ОАО «Инновационный научно-производственный центр текстильной и легкой промышленности», г. Москва.

Maklakhov A.V., Zhivetin V.V.

CONDITION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RF FLAX COMPLEX

The article discusses development of the flax complex in Russia, identifies the causes for recent reduced production of raw flax and its products, declined effectiveness of the complex. The authors offer the measures to overcome the prevailing trends, increase the demand for flax products, boost the complex productivity at all stages of its functioning – cultivation of flax, its primary processing and rise in production of the country's linen products.

Flax complex of Russia, state development program, directions to increase efficiency.

REFERENCES

1. Krupnov Yu. Seyushchii len – pozhnet zoloto [Sowing Flax – Reap Gold]. *Literaturnaya gazeta* [Literature Newspaper], no. 14, 2015.
2. *L'novodstvo v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Flax Growing in Russia: Problems and Prospects]. Available at: <http://www.modanews.ru>
3. Chubarov B. Pesennoe odevanie Rusi [Song Garment in Russia]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], no.26, 2015.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maklakhov Aleksei Vasil'evich – Doctor of Economics, Professor at the Vologda State University, Chair of the Association of Light Industry and Folk Arts and Crafts of the Vologda Oblast.

Zhivetin Valerii Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Laureate of the RF Government Prize. OJSC “Innovative Research and Production Center of Textile and Light Industry”, Moscow.

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

УДК 316.422

ББК 60.5

© Гужавина Т.А.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

отдела исследования уровня и образа жизни населения

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Формирующаяся кризисная ситуация актуализирует интерес к концепту гражданского общества. История идеи позволяет увидеть ряд реконструкций, осуществленных с различных теоретических позиций. Среди них интерес представляют опыты А. Грамши, А. Селигмена, Ю. Резника. В отечественной науке, несмотря на чрезвычайно широкий разброс определений, критериев и признаков, сложилась трактовка гражданского общества как внесударственной сферы социума. Явление это многогранное. В масштабах страны оно представляет собой некоторую целостность. В масштабах региона оно – продукт жизнедеятельности регионального социума. Оно предстает как поливариантная система взаимодействий между субъектами и институтами данного региона. Их деятельность создает то социокультурное пространство, в котором и достигается определенный баланс интересов: индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных. В деятельности структур гражданского общества в регионе отражается логика его формирования – снизу. Повседневные практики гражданского общества разворачиваются в пространстве, получившем название «третьего сектора». В условиях такого региона, как Вологодская область, существуют условия для функционирования гражданского общества. Анализ этих условий позволяет получить представление о возможностях и перспективах развития гражданского общества в регионе, о проблемах в данной сфере. Автор приходит к выводу о наличии значительных резервов для развития регионального гражданского общества.

Гражданское общество, регион, НКО, добровольчество, вовлеченность.

Идея гражданского общества продолжает оставаться одной из важнейших среди политических идей современности. Исторический анализ проблемы гражданского общества позволяет выявить возникновение интереса к исследованию этого вопроса еще в период античности. При изучении данного феномена сегодня решаются различные познавательные-теоретические задачи, такие как придание онтологического смысла категории «гражданское общество», анализ его сущности, выделение критериев для его определения, изучение взаимодействия гражданского общества и государства, изучение влияния экономических, политических, социальных, культурных факторов на его становление и функционирование.

Историческая траектория развития концепции гражданского общества показывает, как его значение изменялось со временем, получая совершенно разные и даже противоречивые трактовки в разных теоретических традициях и исторических контекстах. В XX веке некоторые исследователи провели реконструкцию данной концепции [3; 14; 21; 31; 32]. Одним из первых был Антонио Грамши. Он не просто оживил данное понятие, но на основе изучения исторического опыта общественной жизни Европы начала XX века разработал свою концепцию. Методологической основой его анализа стал марксизм. Гражданское общество Грамши связывает, прежде всего, с правящим классом. Через сеть частных организаций господствующий класс насаждает свою идеологию, свое мировоззрение, развивает и укрепляет свое политическое влияние среди союзников и подчиненных социальных групп, добиваясь пресловутого консенсуса, короче говоря – «концентрирует согласие» [5, с. 123]. Анализ концепции применительно к условиям общества модерна дал американский ученый Адам Селигмен. Его позиция относительно дан-

ного концепта оказалась весьма критической. Так, по мнению исследователя, для истолкования событий в Восточной Европе концепция гражданского общества вряд ли уместна. А. Селигмен полагает, что, «как ни привлекательна идея гражданского общества в качестве политического лозунга, мы должны выразить серьезные сомнения по поводу ее эффективности в качестве конкретной модели для социальной и политической практики» [33, с. 168].

В отечественной науке удачным можно считать опыт реконструкции концепции, осуществленный Ю. М. Резником [24]. Отметив монодисциплинарность существующих подходов к проблеме гражданского общества, он высказал утверждение о том, что сама концепция все еще находится на стадии разработки. Это порождает потребность в новом, более продуктивном подходе. По мнению Резника, это должен быть интегративный подход. С позиций данного подхода гражданское общество рассматривается им как особая область социального пространства, возникающая на стадии индустриального развития стран Запада и Востока и создающая реальные культурные, личностные и социально-организационные предпосылки для динамического, сбалансированного взаимодействия «системного» и «жизненного» миров современного социума. Изучая процесс формирования гражданского общества, Ю. Резник опирается на социокультурный анализ, который, по его мнению, выходит за узкие дисциплинарные рамки отдельных социальных наук. Данный подход позволяет взглянуть на гражданское общество, с одной стороны, как на форму организации социальной жизни, а с другой стороны, как на результат процесса системообразования, совершаемого эволюционным путем при активном участии различных субъектов. В своих изысканиях Ю. Резник опирается на идеи Хабермаса, Гидденса, Бурдьё.

В существовании и востребованности концепта явно заметны колебания. Интерес к данному понятию то возникает, то исчезает. По мнению Б. Капустина [12, с. 42], причина в том, что наиболее мощные явления гражданского общества дают о себе знать в периоды глубоких общественных кризисов. Оно становится «ненужным» в периоды спокойствия. Б. Капустин выдвигает гипотезу, согласно которой гражданское общество оказывается не постоянным структурным компонентом современного общества, а «возникающей и исчезающей характеристикой способа его деятельного самопреобразования (изменения некоторых институтов, процедур, норм, существенных на определенной стадии его развития). Гражданское общество может возникать для решения проблем, с которыми современное общество сталкивается. Но может и не возникнуть, даже когда нужда в нем велика, или не суметь решить задачи, вызвавшие его к жизни» [12, с. 36].

При характеристике сущности гражданского общества наибольшее распространение получила его интерпретация как внесударственной сферы социума, обладающей своими специфическими признаками и характеристиками, прежде всего, плюралистичностью, открытостью, личной автономией, демократичностью и т. д. [1; 10; 13; 16; 27]. Часть исследователей интерпретирует его как частную сферу социума, независимую от государства и общественных структур, таких как социальные движения, общественные организации и т. п. При этом под частной сферой понимается все многообразие индивидуальных и групповых интересов, а также способы их реализации [15].

Таким образом, знание и перипетий истории понятия, и обстоятельств его появления вновь на политической сцене указывает лишь на многообразие толкований и проявлений, а содержание по-

нятия все еще остается недостаточно ясным. В итоге наблюдается чрезвычайно широкий разброс определений, критериев и признаков, которые пытаются выявить различные авторы.

Разногласия теоретического характера не означают, что в реалиях современной России отсутствуют практики гражданского общества. Гражданское общество следует рассматривать как универсальную социальную практику, позволяющую социальным субъектам реализовывать свои права и свободы. А это значит, что налицо устойчивая тенденция формирования гражданского общества в рамках модернизационного типа развития.

Гражданское общество, как и любой социальный феномен, может рассматриваться как многоуровневое явление. Российское гражданское общество представляет собой некую целостность в масштабах российского общества. Продуктом жизнедеятельности регионального социума становится региональное гражданское общество. Современное региональное гражданское общество представляет собой поливариантную систему взаимодействий и взаимосвязей, возникающих между социальными, экономическими, идеологическими и культурными субъектами и институтами данного региона, которая имеет своей целью защиту интересов граждан от авторитаризма государства [6, с. 42]. В условиях региона гражданское общество предстает в виде специфического социального, экономического, культурного пространства, в котором достигается определенный баланс различных (индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм коллективной жизни. От характера и уровня развития этих форм во многом зависит эффективность функционирования гражданского общества в том или ином регионе.

Формирование регионального гражданского общества можно рассматривать как часть процесса регионализации, представляющего собой последовательные демократические изменения в обществе, государстве, на местах, направленные на повышение роли регионов в жизни всего общества [29, с. 5]. Регион представляет собой динамическую самоорганизующуюся, самовоспроизводящуюся систему (автопоэсис), включающую территорию, территориальную общину, социально-экономическую инфраструктуру, органы местного самоуправления и выступающую в качестве субъекта социально-экономических и политических отношений в пределах государства [28, с. 30].

Сегодня во всех регионах страны существует институциональная структура гражданского общества. Данная институциональная система предполагает консолидацию индивидов, социальных групп, т. е. создание общественных объединений, заинтересованных во всеобщем благе, способных противостоять бюрократии номенклатуры. С помощью институтов гражданского общества становится возможным не только активизировать участие граждан, привлечь их к процессу принятия властных решений, но и включить в практику работы органов власти эффективные формы взаимодействия с третьим сектором.

Несмотря на неоднозначность позиций исследователей гражданского общества относительно его структуры, а также места и роли в ней некоммерческих организаций (далее – НКО), стало общепринятым рассматривать их как наиболее заметное проявление функционирования гражданского общества. Их взаимодействие с властью составляет «практическую» сторону гражданского общества. НКО – это, по сути, организационно оформленное гражданское общество, которое не относится к ком-

петенции государства и служит иным интересам. Деятельность НКО становится важной для региональной власти в связи с происходящей трансформацией политической системы [23]. Причина – в изменении самого механизма легитимации власти. Для демократических систем легитимность произрастает «снизу» и обеспечивается, прежде всего, выборностью и гражданской активностью населения. В конкурентной системе взаимодействие с гражданским обществом становится дополнительным источником легитимности власти, роста доверия к ней со стороны населения региона.

Для установления между властью и обществом отношений диалогического типа необходимо наличие нескольких условий. К числу наиболее важных из них, по мнению экспертов, следует отнести:

- 1) наличие и структурированность участников социального партнерства;
- 2) готовность представителей гражданских организаций и органов власти к ведению диалога и сотрудничеству;
- 3) наличие условий для реализации социального партнерства – правовых, информационных, организационных.

Анализ этих условий позволит получить представление о возможностях и перспективах развития гражданского общества в регионе, о проблемах в данной сфере. Рассмотрим некоторые из них.

К категории информационных условий относятся наличие представлений об отнесении организации к категории НКО или третьего сектора, наличие информации о деятельности таких организаций. Согласно результатам общероссийского исследования, проведенного в 2004 и 2012 гг. частной исследовательской группой «Циркон», у большинства россиян нет ясного представления о том, какие организации составляют «третий сектор». Как было выявлено, значительную часть общественных объединений, таких как профсо-

юзы, партии, клубы, россияне не относят к НКО [19]. Тем не менее, за последние несколько лет уровень информированности россиян о деятельности НКО вырос. По сравнению с 2004 годом в 2012 году доля граждан, ничего не знавших об НКО, снизилась с 58 до 44%, и они перестали составлять большинство. Однако это «пассивная» информированность («знаю об НКО» и «что-то слышал»). Она выросла с 22 до 35%. «Активная» информированность (связанная с личным опытом взаимодействия граждан с НКО) почти не изменилась и сохранилась на уровне 5 – 6% [19].

В регионе последняя группа немного больше по своему объему. Так, по результатам исследования ИСЭРТ РАН¹, в Вологодской области в период с 2008 по 2014 год определенно осведомлены о деятельности некоммерческих организаций или имели личный опыт взаимодействия с ними от 7 до 13% населения (табл. 1).

При этом доля населения, достаточно хорошо информированного о деятельности НКО, существенно различается в зависимости от уровня образования, дохода, территориальной принадлежности. Вологжане с высшим или незаконченным высшим образованием почти в три раза более информированы, чем лица с неполным средним – средним специальным образованием – 13 против 5% (табл. 2). Существенно различается уровень информированности в зависимости от места проживания. В Вологде и Череповце

удельный вес информированного об НКО населения составил 8 – 9% против 3% в районах области. Есть определенная зависимость и от уровня благосостояния населения. Так, в группе 20% наиболее обеспеченных жителей разница показателя по сравнению с 20% наименее обеспеченных достигала 6 раз (12 против 2%), с категорией 60% населения со средними доходами – 1,8 раза.

В то же время за последний год в наиболее информированных категориях населения зафиксированы самые значительные негативные изменения. Так, в высокодоходной группе уровень осведомленности снизился на 13 п. п., в категории высокообразованных – на 11 п. п., в то время как в среднем по области – на 6 п. п. Вот почему принципиально важно, насколько полно в информационном поле представлена проблематика гражданского общества, в том числе и информация о развитии некоммерческого сектора, добровольчества, неформальных гражданских инициатив [8]. Современные СМИ как на уровне страны, так и в регионе внимания деятельности НКО уделяют явно недостаточно. Эта информация не является приоритетной для них. Так, за 2014 год на сайтах областных СМИ удалось обнаружить всего лишь 15 информационных сообщений о событиях, связанных с НКО области².

Характеризуя деятельность НКО нельзя обойти вниманием и основной принцип их деятельности – социальное партнерство. Социальное партнерство предполагает добровольность участия, равноправие сторон, гуманизм, социальную солидарность и т. д. [18; 22]. Акторами в рамках социального партнерства со стороны гражданского общества выступают добровольные помощники НКО и специалисты. Как отмечает И.В. Мерсиянова,

² См. сайты: Официальный сайт города Череповца [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cherinfo.ru>; Медиа-Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.35media.ru>

¹ В статье использованы данные за период с 2000 по 2013 год. Опрос проводился ИСЭРТ РАН (г. Вологда) по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры населения. В выборке участвовали города Вологда и Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Всего опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки составляет 3%.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций (регионального отделения партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т. д.)?», % от числа опрошенных

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.		
						к 2013 г.	к 2009 г.	к 2008 г.
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	-6	-5	-2
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	35,9	+1	-4	-5
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	35,5	+2	+11	-3
Индекс осведомленности о работе НКО (в пунктах)*	110,9	128,1	113,8	113,8	107,5	-6	-21	-3
Затрудняюсь ответить	11,8	22,9	18,2	19,0	21,5	+3	-1	+10

*Индекс осведомленности о работе НКО рассчитывается в процентах как разница между долей положительных и долей отрицательных ответов на вопросы-индикаторы. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных величин: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации равновесия, когда доли положительных и отрицательных ответов совпадают.
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008 – 2014 гг.

Таблица 2. Динамика удельного веса тех, кто «лично сталкивался, определенно знает» о деятельности НКО*, % от числа опрошенных

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.		
						к 2013 г.	к 2011 г.	к 2008 г.
Пол								
Мужской	8,3	12,0	7,3	11,2	6,6	-5	-1	-2
Женский	9,3	12,6	8,8	13,9	7,5	-6	-1	-2
Возраст								
До 30 лет	10,2	9,2	8,3	12,4	6,4	-6	-2	-4
30 – 55 лет	9,3	13,8	7,2	12,6	8,2	-4	+1	-1
Старше 55 лет	7,0	12,7	9,4	13,0	5,8	-7	-4	-2
Образование								
Среднее и н/среднее	4,1	7,4	3,8	4,7	4,7	0	+1	0
Среднее специальное	6,9	11,0	7,7	10,1	4,5	-6	-3	-2
Высшее и н/высшее	17,6	18,5	12,1	23,9	12,6	-11	+1	-5
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	2,9	5,2	4,0	5,6	1,9	-4	-2	-1
60% среднеобеспеченных	7,7	12,6	8,6	11,6	7,0	-5	-2	0
20% наиболее обеспеченных	18,1	19,2	10,6	25,3	12,4	-13	+2	-6
Территории								
Вологда	16,7	10,2	14,1	16,5	11,2	-5	-3	-4
Череповец	9,3	17,3	7,5	13,0	9,9	-3	+2	0
Районы	5,1	10,9	5,7	10,6	3,3	-7	-2	-2
Область	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	-6	-1	-1

*Вопрос задается 1 раз в год.
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008 – 2014 гг.

труд добровольцев используется в деятельности более 75% НКО. При этом общий уровень вовлеченности в добровольческую деятельность в некоммерческом секторе составляет 3,02% численности экономически активного населения [17]. По данным различных научных центров (ФОМ, ВЦИОМ), использующих разную методику, отмечается, что в той или иной форме в добровольческой деятельности

участвуют от 40 до 60% россиян [22; 30]. По количеству волонтеров Россия входит в десятку лидеров. По данным ВЦИОМ, в 2011 году добровольчеством занимался 21 миллион человек [11]. При этом в России наиболее развито неформальное добровольчество. Неинституционализированными добровольцами являются 38% россиян, т. е. они не связаны организационно-правовыми отношениями с НКО, но

включены в самоорганизацию по месту жительства. Добровольцы же, включенные в деятельность тех или иных НКО, составляют лишь 4% [8].

Ситуация с добровольчеством среди вологжан в целом соответствует общероссийским характеристикам. Волонтерами является около 6% жителей области. И доля тех, кто не участвует в деятельности общественных структур, стабильно превышает за период наблюдения 80%.

На участии в добровольчестве сказываются социальные характеристики, такие как уровень образования и уровень дохода. Среди волонтеров и членов НКО суммарно доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием составила в 2014 году 17% против 8 и 10% лиц со средним и средним специальным образованием соответственно. 16,5% принимающих участие в волонтерском движении относят себя к категории наиболее обеспеченных. В других доходных группах их меньше – 10%. Безусловно, НКО активнее в городах, чем в сельской местности. Так, в городах Вологде и Череповце доля участников составляет 27%. Фактически каждый третий горожанин так или иначе был связан с деятельностью НКО. В сельской местности их численность составляет около 9% от числа опрошенных.

Но имеющиеся данные высвечивают целый ряд проблем в сфере добровольчества, а следовательно, и в функционировании НКО как структур гражданского

общества. Прежде всего, это снижение за последние годы доли тех, кто лично участвовал в работе некоммерческих организаций. Так, если в 2008 – 2009 гг. их число составляло 7 – 8%, то на протяжении 2011 – 2014 гг. доля населения области, подтверждающего личное участие в работе некоммерческих организаций, снизилась до 5% (табл. 3). По сравнению с предыдущими годами в 2013 – 2014 гг. снизилась и доля добровольных участников (с 10 до 6%). В период с 2008 по 2014 год индекс участия уменьшился с 39 до 24 пунктов. Это говорит о снижении эффективности и результативности в деятельности структур НКО, а также о росте недоверия к ним.

Немаловажную роль в снижении активности организаций третьего сектора и падении доверия к ним сыграло появление правовых норм, обозначивших часть НКО как «выполняющих функции иностранных агентов». Имелись в виду те организации, которые получали гранты из иностранных фондов на поддержку своей деятельности. Проводившиеся прокурорские проверки, тенденциозное освещение их в СМИ, ряд негативных комментариев со стороны политических лидеров нанесли ощутимый удар по их репутации в общественном мнении. «Третий сектор» возник в России недавно, и его общественная репутация по-прежнему неустойчива и чувствительна к влиянию внешних факторов [8]. Тем

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь членом какой-либо из них?», % от числа опрошенных

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г. к			
						2013 г.	2011 г.	2009 г.	2008 г.
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	0	0	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	0	-4	-4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	-1	+4	+6	+2
Индекс участия в работе НКО*	26,0	35,9	32,9	22,5	24,3	+1	-9	-12	-2

*Индекс участия в работе НКО рассчитывается в процентах как разница между долей положительных и долей отрицательных ответов на вопросы-индикаторы. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных величин: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации равновесия, когда доли положительных и отрицательных ответов совпадают.
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008 – 2014 гг.

более что структуры гражданского общества являются более слабыми по своей самоорганизации. В этом отношении они серьезно отстают от бизнес-среды. В частности это проявляется в том, что в стране, в ее регионах отсутствуют крупные корпоративные ассоциации, призванные осуществлять внутренние коммуникации и внешнее представительство НКО. Слабой стороной существования и функционирования НКО эксперты считают использование отраслевого принципа функционирования. Либо региональных отделений мало, либо организации имеют узкую направленность (в рамках одной предметной области – благотворительность, защита детства и т. п.). Взаимодействие же реализуется в основном в виде неформального общения, хотя существует и официальная коммуникация (собрания, конференции). Более широкие и глубокие связи, направленные на консолидацию сектора, такие как совместные проекты НКО, альянсы для решения каких-либо проблем, общение в рамках профессиональных ассоциаций, распространены в меньшей степени. Даже среди наиболее активной части НКО от 30 до 40% организаций не включены в процесс внутрисекторного сотрудничества, почти половина (45%) НКО не принимает участия в объединениях внутри некоммерческого сектора (как формальных, так и неформальных) [8].

Оценки влияния организаций третьего сектора на жизнь региона его жителями являются достаточно стабильными. В 2009 – 2014 гг. индекс влияния НКО находился в пределах 79 – 84 пунктов (табл. 4). При этом за последние три года наблюдается снижение удельного веса тех, кто отмечает влияние в той или иной степени (с 36 до 27%), при одновременном росте неопределенных суждений (с 37 до 49%). Возможно, это свидетельствует о росте «закрытости» людей в связи с законами, направленными на увеличение прозрачности деятельности НКО, в том числе с усложнением отчетности и количества проверок, которые могут восприниматься как рост недоверия к их работе со стороны государства, которому население доверяет в большей степени. Возможной причиной может быть и снижение уровня активности в деятельности НКО либо отсутствие достаточного объема информации в СМИ.

Позитивной тенденцией, характеризующей состояние регионального сообщества, следует считать тот факт, что в период с 2013 по 2014 год существенно возросла доля жителей области, отмечающих согласие и сплоченность в обществе на уровне страны, региона, места проживания, личного окружения. Увеличилась также доля тех, кто выразил готовность к объединению с целью защиты общих интересов. Это говорит о том, что среди

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?», % от числа опрошенных

Показатель	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.		
					к 2013 г.	к 2011 г.	к 2009 г.
Оказывают большое влияние	5,8	6,5	4,7	5,3	0	-2	-1
Оказывают незначительное влияние	18,4	29,7	22,4	21,5	0	-8	+4
Не оказывают никакого влияния	22,3	26,5	26,0	24,6	-1	-2	+3
Индекс влияния НКО*	83,5	80,0	78,7	80,7	+2	+1	-3
Затрудняюсь ответить	57,0	37,3	46,9	48,6	+2	+12	-8

*Индекс влияния НКО рассчитывается в процентах как разница между долей положительных и долей отрицательных ответов на вопросы-индикаторы. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных величин: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации равновесия, когда доли положительных и отрицательных ответов совпадают.
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008 – 2014 гг.

граждан немало тех, кто хотел бы приносить пользу, заниматься общественно значимыми проектами на уровне своего дома, микрорайона, поселка, города.

Однако, несмотря на некоторые позитивные тенденции, по большинству показателей оценки 2014 года несущественно отличаются от уровня предыдущего года, а по сравнению с 2011 годом изменения зачастую носят негативный характер. Так, снизился индекс ответственности людей за происходящее на работе (со 125 до 117 п.), в доме/во дворе (с 97 до 95 п.), в городе/районе (с 59 до 54 п.), в области (с 46 до 42 п.), стране (с 47 до 42 п.), а также возможности повлиять на происходящее на работе (со 121 до 103 п.), в доме/во дворе (с 93 до 86 п.), городе/районе (с 50 до 41 п.), области (с 41 до 31 п.), стране (с 39 до 30 п.).

Доля негативных суждений («не оказывают никакого влияния») заметно выросла в период с 2009 по 2011 год (с 22 до 27%), оставаясь примерно на том же уровне в последующие годы (25 – 26%).

Еще одним условием успешного функционирования структур гражданского общества является взаимопонимание и взаимодействие с властью. Государство оказывает финансовую поддержку НКО. Так, в 2013 году государственное финансирование НКО было увеличено более чем в три раза. Только для реализации социально значимых проектов было выделено более 3,2 млрд рублей [9]. В 2014 году в тех же целях в виде грантов из федерального бюджета НКО получили 2,7 млрд рублей [20]. Но, по мнению экспертов, полная зависимость НКО от государственного финансирования превращает их в структуры, близкие по содержанию деятельности к государственным агентствам или коммерческим организациям [4]. Должны существовать и негосударственные фонды для финансирования их деятельности. Ситуация усугубляет-

ся еще и тем, что большинство механизмов общественного участия (референдумы, собрания, конференции, сходы, публичные слушания, опросы граждан, правотворческая инициатива) зачастую остаются невостребованными или превращаются из формы народного волеизъявления в его имитацию [26]. Сказывается и безденежье местных бюджетов, что не позволяет не только поддерживать инициативы граждан, но и достойно выполнять существующие публичные обязательства. Одним из возможных путей решения проблем подобного рода могла бы стать более активная работа Общественных палат [2]. Опыт подобного взаимодействия демонстрирует Общественная палата Вологодской области. Так, в ходе обсуждения проблем и трудностей региональных НКО, прежде всего финансовых, на ее заседаниях не раз вносились конструктивные предложения, например, об уменьшении до 10% налогооблагаемой прибыли предприятий, отчисляющих средства на благотворительные цели [7]. Формой материальной поддержки гражданских инициатив могли бы стать фонды местных сообществ, создаваемые на условиях паритетного участия органов местного самоуправления, граждан и местных предпринимателей [25].

В целом уровень развития гражданского общества в регионе остается невысоким. Доля вологжан, которые понимают необходимость занять гражданскую позицию, готовы проявить себя полноценными гражданскими субъектами через участие в повседневных практиках и событиях общественной жизни, еще недостаточна. Зачастую таким людям не хватает знаний и опыта, они не всегда понимают, как можно реализовать тот или иной проект. Они не видят перед глазами успешных примеров подобной деятельности и перспектив лично для себя – система кадровых «лифтов» практически

не работает, а значит, добиться повышения социального статуса и общественного признания, занимаясь общественной деятельностью, очень непросто. Продолжают оставаться нерешенными проблемы юридического (несовершенство нормативно-правового поля), организационно-экономического (слабость ресурсной обеспеченности некоммерческого сектора) и социального (неразвитость гражданской активности населения) характера. Подобная ситуация имеет место не только в рамках области, но и на уровне России в целом.

В связи с этим возникает ряд исследовательских задач по изучению и оценке развитости такого феномена, как региональное гражданское общество, опреде-

лению его социальной базы, выявлению тех практик, которые оказываются наиболее востребованными и приемлемыми в обществе. Требуется изучения характера взаимоотношений гражданского общества с региональной властью, нужен анализ тенденций, проявляющихся в ее политике по отношению к структурам гражданского общества. Не изучено коммуникационное пространство региона с точки зрения взаимодействия гражданского общества, власти и населения. Его изучение позволит понять механизмы формирования процессов и норм гражданского общества. Необходима и количественная информация о степени развитости регионального гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Р. Г. Гражданское общество [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян. – Режим доступа : <http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/2.html>
2. Афанасьев, Д. В. О роли и месте Общественных палат в контексте концепций гражданского общества и социального капитала [Текст] / Д. В. Афанасьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6. – С. 100-109.
3. Гаджиев, К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования [Текст] / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 30-36.
4. Гражданское общество перед выбором [Электронный ресурс] / Экспертный сайт Высшей школы экономики. – Режим доступа : <http://ores.ru/1469385.html>
5. Грамши, А. Тюремные тетради [Текст] / А. Грамши. – М., 1991. – 224 с.
6. Гужавина, Т. А. Гражданское общество: вопросы самоорганизации на региональном уровне [Текст] / Т. А. Гужавина // Вестник Поморского университета. – 2010. – № 3. – С. 42-45.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области за 2013 год [Текст]. – Вологда, 2013. – С. 4.
8. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oprf.ru/documents>
9. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.kremlin.ru/news/19146>
10. Ильин, В. А. На трудном пути к сильному гражданскому обществу [Текст] / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 9-29.
11. История добровольчества в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113665>
12. Капустин, Б. Г. Критика политической философии: Избранные эссе [Текст] / Б. Г. Капустин. – М. : Издательский дом Территория будущего, 2010. – 424 с.
13. Кочетков, А. П. О формировании гражданского общества [Текст] / А. П. Кочетков // Социально-политические науки. – 1992. – № 1. – С. 18.
14. Кравченко, И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии [Текст] / И. И. Кравченко // «Полис» («Политические исследования»). – 1991. – № 5. – С. 128-138.

15. Красин, Ю. Государство и гражданское общество [Электронный ресурс] / Ю. Красин. – Режим доступа : <http://www.soc-eco.ru/docs/krasin.doc>
16. Магомедов, К. О. Гражданское общество [Текст] / К. О. Магомедов, В. Г. Смальков / Рос. Акад. Управл., Моск ин-т приборостр. – М. : МИП, 1993. – С. 21.
17. Мерсиянова, И. В. Повседневные практики гражданского общества в образе жизни россиян [Текст] / И. В. Мерсиянова // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 книгах. – 2012. – № 1. – С. 207–216.
18. Михеев, В. А. Основы социального партнерства [Текст] / В. А. Михеев. – М., 2001. – 448 с.
19. Мойсов, В. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях [Электронный ресурс] / В. Мойсов, Л. Шубина. – Режим доступа : <http://www.zircon.ru>
20. Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента РФ от 17.01.2014 № 11-рп // Система ГАРАНТ. – Режим доступа : <http://www.garant.ru>
21. Остроумов, С. В. История идеи гражданского общества в англо-американской либеральной политической традиции [Текст] / С. В. Остроумов. – Монреаль : Accent Graphics Communications, 2013.
22. От редакции: Почему россияне не помогают убирать снег [Электронный ресурс] // Ведомости. – 26 марта 2013 года. – Режим доступа : <http://www.vedomosti.ru>
23. Проблемы регионального развития 2009 – 2012 [Текст] : монография / В. А. Ильин, К. А. Гулин, М. Ф. Сычев [и др.] ; под ред. В. А. Ильина. – Вологда : Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2009. – 216 с.
24. Резник, Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации [Текст] : в 2 ч. / Ю. М. Резник. – М. : Изд-во МГСУ «Союз», 1993 – 1998. – Ч. 2 : Теоретико-методологические аспекты исследования. – 1998. – 560 с.
25. Резолюция второго Гражданского форума Вологодской области «Сильное гражданское общество – основа устойчивого развития региона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.op35.ru/?module=Articles&action=view&aid=431>
26. Ресурсы российского добровольческого движения [Электронный ресурс] : аналитический доклад по результатам исследований Фонда «Общественное мнение» 2012 – 2013 гг. – Режим доступа : <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija>
27. Рябев, В. В. Российское государство и процесс становления гражданского общества и политической культуры гражданственности в современных условиях [Текст] / В. В. Рябев // Вестник МГТУ. – Том 10. – 2007. – № 3. – С. 445–452.
28. Рязанцев, И. П. Территориальное поведение россиян [Текст] / И. П. Рязанцев, А. Ю. Завалишин. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 456 с.
29. Северо-регионоведение в современной регионологии [Текст] : монография / отв. ред. Ю. Ф. Лукин. – Архангельск : Высшая школа делового администрирования ИУППК имени М. В. Ломоносова, 2005. – 449 с.
30. Формы общественной активности граждан [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). – 26 июня 2013 года. – Режим доступа : <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005>
31. Ehrenberg, J. Civil Society: The Critical History of an Idea [Text] / J. Ehrenberg. – New York : New York University Press, 1999.
32. History of an Idea [Text]. – New York : New York University Press, 1999.
33. Seligman, A. B. The Idea of Civil Society [Text] / A. B. Seligman. – The Free Press, 1992.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 162622, г. Череповец, пр-т Победы, д. 78. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: (8202) 55-79-23.

REGIONAL CIVIC SOCIETY: CONDITIONS AND FACTORS OF EXISTENCE

The emerging crisis situation actualizes interest in the concept of civic society. The history of the idea reveals a number of reconstructions performed from different theoretical points of view. The experiments of A. Gramsci, A. Seligman and Yu. Reznik are most interesting. The domestic science, despite the wide variation of definitions, criteria and indicators, interprets civic society as a non-state sphere of the community. The phenomenon is multi-faceted. Across the country it represents certain integrity. In the region it is a product of the regional society's activity. It is a polyvariant system of interaction between actors and institutions in this region. Their activity creates the socio-cultural space where there is a balance of interests: individual and group, informal and institutional. The civic society's activities in the region reflect the logic of its formation – from below. Everyday practices of civic society take place in the space, called a “third sector”. In the Vologda Oblast there are conditions for the civic society functioning. The analysis of these conditions indicates the possibilities and prospects to develop civic society in the region and discloses the problems in this area. The author comes to the conclusion that there are significant reserves for the development of regional civic society.

Civic society, region, NGO, voluntary work, involvement.

REFERENCES

1. Apresyan R. G. *Grazhdanskoe obshchestvo* [Civic society]. Available at: <http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/2.html>
2. Afanas'ev D. V. O roli i meste Obshchestvennykh palat v kontekste kontseptsii grazhdanskogo obshchestva i sotsial'nogo kapitala [The role and Place of the Public Chambers in the Context of Civil Society and Social Capital]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 6, pp. 100–109.
3. Gadzhiev K. S. Kontsepsiya grazhdanskogo obshchestva: ideinye istoki i osnovnye vekhi formirovaniya [Concept of Civic Society: Ideological Origins and Major Milestones of Its Formation]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Issues], 1991, no. 7, pp. 30–36.
4. *Grazhdanskoe obshchestvo pered vyborom* [Civic Society before Selection]. Ekspertnyi sait Vysshei shkoly ekonomiki [Expert Web-Site of the Higher School of Economics]. Available at: <http://opec.ru/1469385.html>
5. Gramshi A. *Tyuremnye tetradi* [Prison Notebooks]. Moscow, 1991. 224 p.
6. Guzhavina T. A. *Grazhdanskoe obshchestvo: voprosy samoorganizatsii na regional'nom urovne* [Civil society: questions of self-organization at the regional level]. *Vestnik Pomorskogo universiteta* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University], 2010, no. 3, pp. 42–45.
7. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Vologodskoi oblasti za 2013 god* [Report on the State of Civic Society in the Vologda Oblast for 2013], Vologda, 2013, p. 4.
8. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2013 god* [Report on the State of Civic Society in the Russian Federation for 2013]. Available at: <http://www.oprf.ru/documents>
9. *Zasedanie Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [Meeting of the Council for Civil Society and Human Rights Development]. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/19146>
10. Ilyin V. A. Na trudnom puti k sil'nomu grazhdanskomu obshchestvu [On the Difficult Way to Strong Civil Society]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 6 (24), pp. 9–29.
11. *Istoriya dobrovol'chestva v Rossii* [History of Volunteer Work in Russia]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113665>
12. Kapustin B. G. *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Criticism of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Izdatel'skii dom Territoriya budushchego, 2010. – 424 s.
13. Kochetkov A. P. O formirovanii grazhdanskogo obshchestva [On the Formation of Civic Society]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-Political Sciences], 1992, no. 1, p. 18.

14. Kravchenko I. I. Kontsepsiya grazhdanskogo obshchestva v filosofskom razvitii [Concept of Civic Society in the Philosophical Development]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis Journal. Political Studies], 1991, no. 5, pp. 128–138.
15. Krasin Yu. *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [State and Civic Society]. Available at: <http://www.soc-eco.ru/docs/krasin.doc>
16. Magometov K. O., Smal'kov B. G. *Grazhdanskoe obshchestvo* [Sivic Society]. Moscow : MIP, 1993, p. 21.
17. Mersiyanova I. V. Povsednevnye praktiki grazhdanskogo obshchestva v obraze zhizni rossiyan [Everyday Practices of Civic Society in the Lifestyle of the Russians]. *XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 knigakh* [XII International Scientific Conference on the Problems of Economy and Society Development: 4 books], 2012, no. 1, pp. 207–216.
18. Mikheev V. A. *Osnovy sotsial'nogo partnerstva* [Basis of Social Partnership]. Moscow, 2001. 448 p.
19. Moisev V., Shubina L. *Otnoshenie rossiyan k uzhestocheniyu zakona o nekommercheskikh organizatsiyakh* [The Russians' Attitude to the Non-Profit Organization Law Enforcement]. Available at : <http://www.zircon.ru>
20. *Ob obespechenii v 2014 godu gosudarstvennoi podderzhki nekommercheskikh nepravitel'stvennykh organizatsii, uchastvuyushchikh v razviti i institutov grazhdanskogo obshchestva, realizuyushchikh sotsial'noznachimye proekty i proekty v sfere zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 17.01.2014 № 11-rp* [Instruction On Providing State Support in 2014 for Non-Profit Non-Governmental Organisations Involved in Developing Civil Society Institutions and Implementing Socially Important Projects and Projects in Protection of Human and Civil Rights and Freedoms: the Order of the RF President of the Russian Federation of January 17, 2014 No. 11-rp]. Sistema GARANT [GARANT System]. Available at: <http://www.garant.ru>
21. Ostroumov S. V. *Istoriya idei grazhdanskogo obshchestva v anglo-amerikanskoj liberal'noi politicheskoi traditsii* [History of the Idea of Civic Society in the Anglo-American Liberal Political Tradition]. Monreal: Accent Graphics Communications, 2013.
22. Ot redaktsii: Pochemu rossiyanе ne pomogayut ubirat' sneg [From the Editorial Board: Why Russians do not Help Shovel Away Snow]. *Vedomosti* [Bulletin], March 26, 2013. Available at: <http://www.vedomosti.ru>
23. Ilyin V. A., Gulin K. A., Sychev M. F. *Problemy regional'nogo razvitiya 2009–2012: monografiya* [Problems of Regional Development 2009–2012: Monograph]. Under editorship of V. A. Ilyin. Vologda: Vologodskii nauchno-koordinatsionnyi tsentr TsEMI RAN, 2009. 216 p.
24. Reznik Yu. M. *Grazhdanskoe obshchestvo kak fenomen tsivilizatsii: v 2 ch. Ch. 2: Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya* [Civic Society as a Phenomenon of Civilization. Part 2: Theoretical and Methodological Aspects of Research]. Moscow: Izd-vo MGSU "Soyuz", 1998. 560 p.
25. *Rezolyutsiya vtorogo Grazhdanskogo foruma Vologodskoi oblasti "Sil'noe grazhdanskoe obshchestvo – osnova ustoychivogo razvitiya regiona"* [Resolution of the Second Civic Society Forum of the Vologda Oblast "Strong Civil Society is a Basis for Sustainable Development of the Region"]. Available at: <http://www.op35.ru/?module=Articles&action=view&aid=431>
26. *Resursy rossijskogo dobrovol'cheskogo dvizheniya: analiticheskii doklad po rezul'tatam issledovaniya Fonda "Obshchestvennoe mnenie" 2012–2013 gg.* [Resources of the Russian Volunteer Movement: Analytical Report on the Results of the Research Carried Out by the Public Opinion Fund in 2012–2013]. Available at: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizheniya>
27. Ryabev V. V. Rossijskoe gosudarstvo i protsess stanovleniya grazhdanskogo obshchestva i politicheskoi kul'tury grazhdanstvennosti v sovremennykh usloviyakh [The Russian State and the Process of Establishment of Civic Society and Political Culture of Citizenship in Modern Conditions]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of MSTU], vol. 10, 2007, no. 3, pp. 445–452.
28. Ryazantsev I. P., Zavalishin A. Yu. *Territorial'noe povedenie rossiyan* [Territorial Behavior of the Russians]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2006. 456 p.
29. *Severnoe regionovedenie v sovremennoi regionologii: monografiya* [Regional Studies of the North in the Modern Research in the Region: Monograph]. Executive editor Yu. F. Lukin. Arkhangel'sk : Vysshaya shkola delovogo administrirovaniya IUPPK imeni M.V. Lomonosova, 2005. 449 p.
30. *Formy obshchestvennoi aktivnosti grazhdan* [Forms of public activity]. Fond "Obshchestvennoe mnenie" (FOM) [Public Opinion Fund (POF)]. Available at: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005>
31. Ehrenberg J. *Civil Society: The Critical History of an Idea*. New York : New York University Press, 1999.
32. *History of an Idea*. New York : New York University Press, 1999.
33. Seligman A. B. *The Idea of Civil Society*. The Free Press, 1992.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 78, Pobedy Avenue, Charepovets, 162622, Russia. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.

УДК 316.4 (470.12)

ББК 60.561.7

© Кондакова Н.А.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ¹

КОНДАКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук

E-mail: natalirus87@yandex.ru

Современная социальная политика государства в последние годы направлена на социальную поддержку семьи, материнства и детства и призвана смягчить существующие демографические проблемы в стране. В результате проведенного анализа выявлено, что в России основной формой социальной поддержки семей с детьми является денежная, которая осуществляется преимущественно через пособия, ежемесячные выплаты и компенсации, материальную помощь и др. При этом она носит фрагментарный характер: финансовая поддержка в основном направлена на стимулирование рождения ребенка, а не на оказание поддержки в процессе его последующего воспитания и развития. Несмотря на то что с 2007 года отмечаются позитивные сдвиги в сфере поддержки семей с детьми, установлено, что результативность действующих программ низкая, одновременно с этим наблюдается постепенное сокращение доли расходов на социальные обязательства в отношении защиты и поддержки семьи и детей. Существующие единовременные выплаты при рождении ребенка и материнский капитал носят краткосрочный характер и не способны устранить масштабы детской бедности (появление даже первого ребенка в семье повышает риск бедности, а многодетность приводит к ней в подавляющем числе случаев). Также ситуация усугубляется нестабильной экономической ситуацией в стране, которая снижает возможность качественной жизни населения, особенно наиболее уязвимых категорий населения – детей, многодетных семей, малоимущих семей с детьми. Поэтому необходимо предусмотреть следующие направления совершенствования социальной поддержки семей с детьми: введение в практику социального пакета для семей с детьми (продуктовые наборы, покупка одежды и обуви, товаров длительного пользования и др.), адресная поддержка на основе проверки нуждаемости, повышение эффективности сектора социальных услуг, предоставляе-

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

мых населению, повышение уровня информационной поддержки при принятии решений (проведение панельных исследований, расширение практики выборочных обследований населения), активное привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций, развитие направления поддержки семей с детьми через систему налоговых вычетов, продление действия программы «Материнский капитал» после 2016 года, решение проблемы обеспечения местами в детских садах детей ясельного возраста, повышение информированности семей с детьми в вопросах обеспечения их законных прав.

Социальная политика, формы социальной поддержки, семьи с детьми, бедность семей с детьми.

Поддержка семьи, материнства и детства провозглашена одним из приоритетных направлений современной социальной политики в России. Комплекс мер государственной поддержки семей с детьми отражен в ряде документов стратегического развития страны, таких как Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., Концепция демографического развития РФ до 2025 г., Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг., Концепция государственной семейной политики в РФ до 2025 г.

Социальная политика государства, направленная на поддержку семей с детьми, подразумевает осуществление социальных программ, обеспечивающих благосостояние и социальные гарантии.

При этом одной из основных задач социальной политики является устранение существующих демографических проблем. Для России и Вологодской области 1992 год стал переломным: с этого момента отмечалось снижение коэффициентов рождаемости (с 13,4 в 1990 году до 10,7‰ в 1992 году) и увеличение коэффициентов смертности (с 11,2 в 1990 году до 12,2‰ в 1992 году), что стало причиной естественной убыли населения. Начиная с 2000-х гг., уровень рождаемости в стране стал постепенно повышаться, при этом наиболее выраженный рост по сравнению с предыдущим годом наблюдался в 2007 году (по России на 0,9‰, в Вологодской области на 0,7‰) (рисунки).

Данные тенденции улучшения демографической ситуации связаны как с активной политикой государства (введение ежемесячного пособия по уходу за ребенком неработающим женщинам, увеличение размера пособия по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, введение родового сертификата и материнского капитала), так и с благоприятной структурой населения (вхождение в репродуктивный возраст многочисленных поколений женщин 1980-х годов рождения) [1; 10; 12].

Несмотря на указанные положительные тенденции, уровень рождаемости остается стабильно не обеспечивающим простого воспроизводства населения. Как в стране в целом, так и в отдельных регионах (Вологодская область) наблюдается сокращение доли детей и подростков в общей численности населения: за 2000 – 2013 гг. в России удельный вес детей (в возрасте от 0 до 17 лет) уменьшился на 4 процентных пункта (с 23 до 19%).

Целью данной работы послужило выявление проблем социальной поддержки семей с детьми. Для ее достижения были проанализированы особенности материального положения семей с детьми, изменения в расходах на выплату пособий и социальную помощь данной категории населения, основные меры социальной поддержки семьям, осуществляемые как в России, так и на уровне регионов (на примере Вологодской области).

Рис. Естественное движение населения в Вологодской области (ВО) и Российской Федерации (РФ), ‰

Источник: Российский статистический ежегодник. 2014 [Электронный ресурс] : стат. сб. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/year14.rar

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в России доля семей с детьми младше 18 лет в общем числе домохозяйств, состоящих из двух и более человек, была равна 44%, снизившись с момента предыдущей переписи 2002 года на 8 п. п. Аналогичная ситуация сложилась и в Вологодской области.

При этом доля многодетных семей (с тремя и более детьми) находилась на уровне 7% от общего числа семей с детьми (в Вологодской области – 5%; табл. 1).

В 2006 году в стране был принят ряд документов, которые определили новые меры государственной социальной политики поддержки семей с детьми

Таблица 1. Численность домохозяйств с детьми моложе 18 лет

Год	Число частных домохозяйств, состоящих из 2-х и более чел., тыс. ед.	Из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет							
		всего		с 1 ребенком		с 2 детьми		с 3 и более детьми	
		тыс. ед.	%	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%
Российская Федерация									
2002	40969,9	21195,9	100	13829,1	65	5970,6	28	1396,1	7
2010	40541,9	17877,2	100	11705,2	65	4922,3	28	1249,7	7
Вологодская область									
2002	364,0	189,3	100	125,3	66	54,4	29	9,6	5
2010	355,5	156,1	100	105,9	68	42,6	27	7,6	5

Источники: Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>; Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

[14; 16; 19; 24]. Нововведения особенно коснулись пособий по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, компенсаций части родительской платы за содержание ребенка в образовательных учреждениях, единовременных выплат за рождение (усыновление) второго и последующего ребенка.

В РФ государственная социальная поддержка различается по формам (денежная, натуральная, услуги, льготы) и получателям (дети, многодетные семьи, беременные женщины, малоимущие, сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей). Основная доля помощи семьям с детьми приходится на денежную форму, которая осуществляется преимущественно через пособия, ежемесячные денежные выплаты и компенсации, материальную помощь и пр. В России согласно Федеральному закону от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» основными видами являются пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие по уходу за ребенком; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную

службу по призыву; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву. Согласно поправкам к данному закону, с 2008 года в стране подлежат индексации пособия граждан, имеющих детей. Так, в 2014 году ежегодная индексация государственных пособий была осуществлена на 5% (в 2010 году – на 10%, в 2011 году – на 6,5%, в 2012 году – на 6%, в 2013 году – на 5,5%). Единовременное пособие при рождении ребенка составляло в среднем 13741,97 руб. (2010 год – 10988,9 руб., 2011 год – 11703,2 руб., 2012 год – 12405,32 руб., 2013 год – 13087,61 руб.) [25]. Ежемесячное пособие по уходу за первым ребенком составляло не менее 2576,62 руб., за вторым и последующими детьми – 5135,24 руб. Для сравнения: до 2007 года размер пособия составлял 700 руб. и не зависел от количества и очередности родившегося ребенка [15].

Также с 2007 года в стране и регионах начала свое действие государственная материальная поддержка при рождении (усыновлении) второго или последующего ребенка в виде материнского (семейного) капитала. Первоначальный размер семейного капитала составлял в 2007 году 250 тыс. руб. и достиг в 2015 году 453,026 тыс. руб. [21].

Одной из самых острых проблем семей с детьми является повышенный риск попадания в число бедных. В настоящее

время появления даже первого ребенка в семье повышает риск бедности, а многодетность делает ее бедной в подавляющем числе случаев [9].

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [6], за 2009 – 2013 гг. на 9 п. п. увеличилась доля малоимущих семей с детьми в общей численности малоимущих домашних хозяйств. Так, в 2013 году в России наибольшую долю малоимущих домашних хозяйств составляли семьи с детьми в возрасте до 16 лет (64%), в том числе домохозяйства с одним ребенком – 33%, с двумя детьми – 22%, с тремя и более детьми – 9% (табл. 2). В Вологодской области среди всех малоимущих семей с детьми до 16 лет составляют 55% [18].

Также сохраняется тенденция увеличения имущественного разрыва между однодетными и многодетными семьями. Так, в России располагаемые ресурсы в домохозяйствах, имеющих одного ребенка в возрасте до 16 лет, в 2012 году составили 17664 руб. на человека, что почти в два раза выше, чем в домохозяйствах с тремя детьми. Аналогичная ситуация сложилась и в Вологодской области, где в 2010 году семьи с тремя детьми имели самый низкий уровень располагаемых ресурсов в среднем на члена семьи в месяц (5460 руб.), который в 2,2 раза ниже, чем в семьях с одним ребенком (12071 руб.), и в 1,6 раза – с двумя детьми (8716 руб.; табл. 3).

Низкая покупательная способность доходов семей с детьми сказывается на качестве питания, возможностях приобретения лекарств и витаминов, оздоровления в санаторно-курортных условиях и т. д. Если большая часть доходов используется только на приобретение минимально необходимого набора продуктов и самые неотложные платежи, то семья не в состоянии удовлетворить другие свои потребности (медицинские, образовательные, культурные, рекреационные). В структуре

потребительских расходов семей с детьми в стране значительную долю занимают расходы на питание: в 2010 году около 30% потребительских расходов семей с одним ребенком уходило на приобретение продуктов питания, 40% – у семей с тремя детьми [6]. Поэтому различные формы социальной поддержки являются значимым и необходимым источником помощи категориям населения, наиболее подверженным попаданию в число бедных.

Согласно опросу, проведенному в 2014 году среди родильниц в роддомах Вологодской области, около 44% семей с детьми тратят большую часть своего дохода (60% и более) на питание². Результаты мониторинга показали, что за 1995 – 2014 гг. благосостояние семей с детьми повысилось. Однако у 7% семей с детьми денег не хватает даже на продукты питания, а появление ребенка еще больше усугубит материальное положение (табл. 4).

Предпринимаемые в регионах меры помощи детям дополняют мероприятия федерального уровня. Так, в Вологодской области в 2003 году был принят закон «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Вологодской области» [22], в котором отражены основные правовые, социально-экономические и организационные основы государственной политики в сфере охраны семьи, направленные

² Опрос был проведен в марте 2014 года (в рамках ежегодного мониторинга когорт «Изучение условий формирования здорового поколения», который проводится в ИСЭРТ РАН с 1995 года) среди женщин, родивших детей и находящихся в учреждениях родовспоможения Вологодской области. Объем выборки составил 370 человек. Территория исследования – города Вологда (административный центр Вологодской области), Череповец (экономический центр), Великий Устюг, Кириллов, п.г.т. Вожега. Метод исследования – социологический опрос по формализованной анкете. Подробнее о мониторинге см.: Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 33–54.

Таблица 2. Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств в Российской Федерации, %

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Все обследованные домашние хозяйства с детьми*	54,6	57,5	59,7	62,2	64,0
с 1-м ребенком	30,3	31,2	32,7	33,4	32,7
с 2-мя детьми	18,6	20,3	20,6	21,3	22,3
с 3-мя детьми	5,7	6,0	6,5	7,5	9,0

* По материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, которые проводятся органами государственной статистики во всех субъектах Российской Федерации по выборочному методу и строятся на принципах добровольного участия домохозяйств. Объем выборки: по России 47765 домохозяйств (в Вологодской области – 505) ежеквартально.
Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/1-3.xlsx

Таблица 3. Располагаемые ресурсы* домашних хозяйств в Российской Федерации и Вологодской области в зависимости от наличия и числа детей (на члена домохозяйства), руб. в месяц

	2007 г.		2009 г.		2010 г.		2012 г.	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Все обследованные домашние хозяйства**	9157	9343	10667	11527	12051	13257	16251	15896
в том числе:								
Домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет:								
с 1-м ребенком	9306	8862	11314	9762	12756	12071	17664	н. д.
с 2-мя детьми	7724	7822	10215	7504	11822	8716	15261	н. д.
с 3-мя детьми	4468	4926	7464	9106	6947	5460	9605	н. д.

* Располагаемые ресурсы домашних хозяйств – объем денежных и натуральных (в стоимостной оценке) средств, которыми располагали домашние хозяйства для финансирования своего потребления и создания сбережений в период обследования. Для РФ в данный показатель включены домашние хозяйства только с детьми, для Вологодской области – как с детьми, так и без детей.
** По материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, которые проводятся органами государственной статистики во всех субъектах Российской Федерации по выборочному методу и строятся на принципах добровольного участия домохозяйств. Объем выборки: по России 47765 домохозяйств (в Вологодской области – 505) ежеквартально.
Источники: Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ. 2012 год / Министерство труда и социальной защиты РФ. – М., 2013. – 464 с.; О положении детей Вологодской области в возрасте до 16 лет в 2010 году : стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 17 с.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из ее совокупного дохода», % от числа опрошенных респондентов с новорожденными детьми

Оценка	Когорта				
	1995 г.р.	1998 г.р.	2001 г.р.	2004 г.р.	2014 г.р.
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	0	2	5	9	23
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	27	38	39	42	35
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	53	37	35	27	31
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится «влезать» в долги	12	14	7	6	7

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

на улучшение демографического неблагополучия, повышение качества жизни семей с детьми. Стоит отметить, что данный закон действует еще только в 10 регионах России (Республики Адыгея, Башкортостан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Чеченская Республика, Пермская, Брянская, Воронежская, Омская области) и является положительным примером

в части предоставления мер социальной поддержки для проживающих на территории области детей, матерей, отцов (усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей), молодых семей, семей, имеющих детей.

Необходимо отметить, что на региональном уровне осуществляется раз- работка и реализация дополнительных

механизмов материальной поддержки семей, способствующих повышению уровня жизни семей с детьми. К примеру, в Вологодской области, кроме пособий, установленных федеральным законодательством (пособия по беременности и родам, по уходу за ребенком, единовременные выплаты в связи с беременностью и рождением ребенка), установлена единовременная выплата в размере 100 тыс. рублей при рождении (усыновлении) третьего ребенка после 1 января 2011 года [22]. Также многодетным семьям бесплатно выделяются земельные участки [13] (табл. 5). Кроме того, в Вологодской области принимаются дополнительные меры поддержки отдельных категорий семей (многодетные, малоимущие), включающие различные пособия и компенсации затрат на приобретение школьной одежды, лекарственных средств, на проезд в общественном транспорте, оплату коммунальных услуг, льготное питание.

Анализ основных мер социальной поддержки, осуществляемых как в России, так и на уровне регионов (на примере Вологодской области) семьям с детьми, показал, что основная материальная поддержка семей приходится на период рождения и до достижения ребенком 1,5 лет (ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет) [7; 8].

Если сравнивать объемы финансирования материальной поддержки семей с детьми с европейскими странами, то они в разы отличаются в пользу последних. Так, в 2013 году уровень расходов на семейные и материнские пособия по отношению к ВВП в России составляет 0,5% (табл. 6), а в объеме денежных доходов населения – 0,7%, что меньше, чем в европейских странах. К примеру, в 2011 году на прямые выплаты семьям с детьми в Португалии расходовалось 1,76% ВВП, в Люксембурге – 3,65% ВВП, во Франции

(самый высокий уровень рождаемости в континентальной Европе) – 3,8% ВВП. Всего по странам ОЭСР на государственную поддержку семей с детьми расходуется в среднем 2,6% ВВП [31].

Наблюдается сокращение доли расходов на социальные обязательства государства в отношении защиты и поддержки семьи и детей. В 2013 году семейные и материнские пособия (табл. 7) в общих расходах на выплату пособий и социальную помощь составляли 16%, снизившись за 6 лет на 5 п. п. Снижение произошло по всем видам пособий, за исключением пособия по уходу за детьми-инвалидами.

В России программы социальной поддержки функционируют на основе заявительного принципа и во многом зависят не только от активности самих семей с детьми при сборе необходимых документов, но и от их информированности в вопросах обеспечения законных прав.

Как показало исследование, проведенное в 2014 году в роддомах Вологодской области, почти 10% женщин не знали о единовременном пособии при постановке на учет в ранние сроки беременности, столько же имели проблемы и с получением единовременного пособия на ребенка.

Таким образом, анализ состояния социальной поддержки семей с детьми в России показал, что она носит фрагментарный характер: финансовая помощь в основном направлена на стимулирование рождения ребенка и поддержку до достижения им возраста 1,5 лет, а не на оказание поддержки в процессе его последующего воспитания и развития. Одновременно с этим исследование подтвердило недостаточную развитость системы оповещения населения о действующих социальных программах. Перечисленные обстоятельства дают основание полагать, что полученные в ходе исследования научно-практиче-

Таблица 5. Формы социальной поддержки семей с детьми в Вологодской области, предусмотренные региональным законодательством (2014 год)

Мера социальной поддержки	Размер	Категория
Денежная форма		
1. Единовременное пособие при рождении ребенка	4500 руб.	Малоимущие
2. Дополнительное единовременное пособие (при рождении 2, 3-го ребенка после 01.06.2012)	2000 руб.	
3. Ежемесячное пособие на ребенка (до 16 лет на учащегося до окончания им обучения, но не более возраста 18 лет)	от 150 руб. (172,5 руб. с РК* 1,15) (187,5 руб. с РК 1,25)	
4. Единовременное пособие на детей, идущих в 1 класс	3000 руб.	
5. Компенсации стоимости проезда (к месту лечения и обратно детям, а также одному из родителей)	50% от стоимости	
6. Компенсация транспортных расходов беременным женщинам (направляемым для диспансеризации, консультации, лечения и родов)	100% от стоимости	
7. Ежемесячная денежная выплата на третьего и каждого последующего ребенка (родившегося после 01.01.2013)	7196 руб.	
8. Ежемесячное пособие в повышенном размере (до 16 лет на учащегося до окончания им обучения, но не более возраста 18 лет)	345 руб. (с РК 1,15), 375 руб. (с РК 1,25)	Малоимущие многодетные
9. Ежемесячная денежная компенсация расходов на оплату коммунальных услуг (при отсутствии центрального отопления)	30%	Многодетные
10. Ежегодная денежная компенсация семьям, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, на приобретение твердого топлива	1440 руб. (на семью)	
11. Ежегодная денежная компенсация семьям, не пользующимся ежемесячной мерой социальной поддержки по оплате газа в размере 30%, на приобретение сжиженного газа	133 руб. (на каждого члена семьи)	
12. Ежемесячная компенсация на проезд	150 руб.	
13. Ежемесячное пособие семьям с детьми большими целиакией	1200 руб.	
14. Ежемесячное пособие на ребенка-инвалида, ребенка, являющегося ВИЧ-инфицированным (до 18 лет)	1000 руб.	Независимо от доходов семьи
15. Единовременная денежная выплата (на третьего ребенка, рожденного после 01.01.2011)	100 000 руб.	
16. Единовременное вознаграждение при награждении медалью Вологодской области «Медаль материнства» 3-х степеней (1 степень – 10 и более детей; 2 степень – 7-9 детей; 3 степень – 5-6 детей)	1 степень – 20 000 руб. 2 степени – 15 000 руб. 3 степени – 10 000 руб.	
17. Единовременное пособие отцам, воспитывающим 5 и более детей	10 000 руб. (5-6 детей); 15 000 руб. (7-9 детей); 20 000 руб. (10 и более)	
Натуральная форма		
18. Обеспечение новорожденных детей средствами ухода	до 1500 руб.	Малоимущие
19. Приобретение комплекта детской одежды, спортивной формы (один раз в 2 года)	1500 руб.	Многодетные
20. Предоставление в собственность земельных участков		
21. Обеспечение лекарственными препаратами (до 6 лет по рецептам врачей)		Все
22. Компенсация за содержание ребенка в дошкольных государственных образовательных учреждениях	от 20% до 70%	
Форма услуг		
23. Бесплатное посещение музеев, выставок, парков культуры и отдыха один раз в месяц		Многодетные
24. Обеспечение бесплатными путевками	Путевки в оздоровительные лагеря на безвозмездной основе. 100% оплата питания в лагерях с дневным пребыванием	Дети в трудной жизненной ситуации
25. Прием в детские дошкольные учреждения (первоочередной прием)		Многодетные
26. Обеспечение детей (в возрасте от 4 до 18 лет) бесплатными (частично оплаченными) санаторно-курортными путевками		Все
Форма льгот		
27. Обеспечение льготным питанием детей, обучающихся в общеобразовательных организациях	Не менее 25 руб. в учебный день на одного обучающегося	Многодетные/ Малоимущие
<p>*РК (районный коэффициент). На территории Вологодской области в Бабаевском, Вологодском, Грязовецком, Кадуйском, Междуреченском, Сокольском, Устюженском, Чагодощенском, Череповецком, Шекснинском районах и г. Вологде РК составляет 1,15, в г. Череповце – 1,25.</p> <p>Источники: О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс; О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в целях реализации права на образование [Электронный ресурс] : Закон области от 17 июля 2013 года № 3140-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс; О порядке предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан в целях реализации ими права на образование, их размере, а также порядке возмещения расходов [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Вологодской области от 25.02.2005 № 199 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс; Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Вологодской области [Электронный ресурс] : Закон Вологодской области от 29.12.2003 № 982-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс; Об утверждении положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс] : Постановление Правительства от 30.12.2006 № 865 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.</p>		

Таблица 6. Доля семейных пособий в ВВП и общем объеме денежных доходов и заработной платы, %

Доля семейных пособий	Год				
	2008	2010	2011	2012	2013
В ВВП	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5
В объеме денежных доходов населения	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7

Источник: Российский статистический ежегодник. 2014 [Электронный ресурс] : стат. сб. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/year14.rar

Таблица 7. Расходы на выплату пособий и социальную помощь семьям с детьми в России

Показатель	Год									
	2008		2010		2011		2012		2013	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Расходы на выплату пособий и социальную помощь	829995	100	1522664	100	1831351	100	1935941	100	2076185	100
в том числе:										
семейные и материнские пособия	178786	21,5	264544	17,4	293590	16,0	322738	16,7	336783	16,2
из них:										
по беременности и родам*	44222	5,3	67317	4,4	75632	4,1	86636	4,5	82448	4,0
при рождении ребенка*	14158	1,7	18737	1,2	21311	1,2	23350	1,2	24792	1,2
по уходу за ребенком до 1,5 лет*	75210	9,1	121797	8,0	139802	7,6	152059	7,9	169580	8,2
по уходу за детьми-инвалидами*	912	0,1	760	0,0	938	0,1	1159	0,1	1417	0,1
ежемесячное пособие на ребенка**	32611	3,9	43607	2,9	45228	2,5	48846	2,5	46601	2,2
прочие семейные и материнские пособия	11673	1,4	12326	0,8	10679	0,6	10688	0,6	11945	0,6

*По данным Фонда социального страхования Российской Федерации.
 **По данным Минтруда России.
 Источник: Российский статистический ежегодник. 2014 [Электронный ресурс] : стат. сб. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/year14.rar

ские результаты дополняют ключевые направления развития современных гуманитарных научных исследований социальной политики в области семьи и детства.

В 2014 году Исследовательский центр ИТАР-ТАСС составил рейтинг регионов России по условиям благоприятствования рождению ребенка «Где на Руси рожать хорошо» [4]. Оценка производилась за счет двух вспомогательных рейтингов – «материального стимулирования» (основу составили показатели ежемесячного регионального пособия на ребенка, единовременного пособия при рождении первого ребенка, единовременного пособия на второго ребенка, регионального материнского капитала) со стороны региональных властей и «нематериального благоприятствования» (коэффициенты младенческой и детской смертности до 5 лет, разводов, социального сиротства,

обеспеченности детскими дошкольными учреждениями). Вологодская область в итоговом рейтинге с 32 баллами заняла 32 – 34 место из 83 возможных (количество регионов России, участвующих в исследовании), разделив его с Новгородской и Челябинской областями³. Первое место в рейтинге досталось Московской области (59 баллов), далее следуют Ленинградская область (58), г. Санкт-Петербург (57), Воронежская область (54) и г. Москва (46).

Среди рейтинга «материального стимулирования» Вологодская область заняла 26 – 32 место⁴, набрав в сумме 10 баллов, что на 25 баллов меньше, чем в регионе-лидере (Московская область).

³ Данные регионы набрали одинаковое количество баллов (32).

⁴ Такое же количество баллов имеет Амурская, Владимирская, Калужская, Костромская, Орловская, Тюменская области.

Несколько ниже оказалась позиция по рейтингу «нематериального благоприобретения», всего лишь 44 – 51 место (22 балла)⁵ и 10 баллов отставание от лидера (Чувашская республика).

Большое практическое значение в повышении эффективности государственной политики и в практике защиты прав детей оказало введение в стране должности уполномоченного по правам ребенка (Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 года № 986 «Об уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка»), который работает более чем в 60 регионах страны.

В 2013 году в Вологодской области также была официально введена должность уполномоченного по правам ребенка при Губернаторе Вологодской области [23]. В 2014 году в службе по правам ребенка было рассмотрено 671 обращение граждан. Основными вопросами, с которыми обращается население, являются нарушение жилищных прав семей с детьми (24% обращений за 2014 год), нарушение прав детей в сфере образования (22%), здравоохранения (7%) [23] и др. В службе по правам ребенка работает всего два специалиста. Несмотря на то что они являются компетентными и имеют большой стаж работы в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, указанное количество сотрудников недостаточно для решения такого большого круга проблем в данной области.

Сегодня правительство региона старается привлечь бизнес-структуры, гражданское общество к работе в области социальной поддержки семей с детьми. Положительным примером государственно-частного партнерства в рамках взаимодействия власти и бизнес-струк-

тур, нашедшим свое отражение в госпрограмме «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014 – 2018 годы» [5], является подпрограмма «Дорога к дому», которая работает в Вологодской области с 2006 года при софинансировании ОАО «Северсталь». Ее основными направлениями являются профилактика социального сиротства и детской безнадзорности. Кроме указанной подпрограммы региональные бизнес-структуры и некоммерческие общественные организации участвуют в подпрограмме «Дополнительные мероприятия, направленные на повышение качества жизни детей, семей с детьми Вологодской области». В 2014 году на реализацию указанных подпрограмм было потрачено более 67 млн руб., в том числе половина (52%) расходов из бюджета ОАО «Северсталь», около 21% – средства Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (г. Москва), 24% – областной бюджет, 3% – средства некоммерческих общественных организаций области [11].

В 2014 году Минтрудом России совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ был разработан комплекс мер по улучшению демографической ситуации в субъектах России, имеющих отрицательные демографические показатели, в части поддержания позитивной динамики рождаемости [27]. В число 27 регионов, имеющих низкие показатели рождаемости, вошла и Вологодская область.

Руководителям высших исполнительных органов государственной власти предлагаются на проработку следующие меры по социальной поддержке семей с детьми: увеличение ежемесячной денежной выплаты на второго ребенка в возрасте от 1,5 до 3 лет в размере половины прожиточного минимума ребенка, установленного в регионе; разработка программы развития системы услуг по уходу и при-

⁵ Такое же количество баллов имеет Ивановская, Калининградская, Кировская, Нижегородская, Омская области, а также Республика Карелия и Республика Коми.

смотрю за детьми в возрасте до 3-х лет, в том числе без оказания образовательных услуг. Принятие дополнительных мер по повышению информированности населения о федеральных и региональных мерах по поддержке семей с детьми и др. [27].

Данные инициативы в области государственной поддержки детства, безусловно, будут способствовать росту инвестиций в детей, но они не в состоянии обеспечить выведение большинства семей с детьми из бедности.

Сегодня Россия переживает нелегкую экономическую ситуацию. Серьезную обеспокоенность вызывает ситуация в социальной сфере: за 11 месяцев 2014 года относительно аналогичного периода 2013 года реальные располагаемые денежные доходы населения не изменились. В то же время в декабре 2014 года (к декабрю 2013 года) цены и тарифы на потребительском рынке Вологодской области выросли на 12% (по России – на 11,4%), в том числе продовольственные товары подорожали на 16,4%, непродовольственные – на 7,6%, платные услуги населению – на 10,5% [30].

На фоне разворачивающегося внутри страны кризиса Правительством РФ утвержден план первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности (распоряжение Правительства РФ от 27.12.2015 № 98-р). В перечне первоочередных мероприятий в социальной сфере особо стоит отметить возможность семьям, для которых предусмотрен материнский капитал, получить единовремен-

ную выплату за счет средств капитала в размере 20 тыс. руб. При этом семья вправе его потратить на любые нужды. Однако на этом круг помощи семьям с детьми со стороны государства ограничился.

В период нестабильной экономической ситуации, которая снижает возможность качественной жизни населения, актуализируются проблемы социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения, а именно: детей, многодетных семей, малоимущих семей с детьми. В связи с этим на данный период времени следует предусмотреть следующие направления совершенствования социальной поддержки семей с детьми: введение в практику социального пакета для семей с детьми (продуктовые наборы, покупка одежды и обуви, товаров длительного пользования и др.), адресная поддержка на основе проверки нуждаемости, повышение эффективности сектора социальных услуг, предоставляемых населению, повышение уровня информационной поддержки при принятии решений (проведение панельных исследований, расширение практики выборочных обследований населения), привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций, развитие направления поддержки семей с детьми через систему налоговых вычетов, продление действия программы «Материнский капитал» после 2016 года, решение проблемы обеспечения местами в детских садах детей ясельного возраста (до 3-х лет), повышение информированности семей с детьми в вопросах обеспечения их законных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский, В. Н. [Текст] / В. Н. Архангельский // Демографические перспективы России / под ред. Осипова Г. В., Рязанцева С. В. – М. : Экон-Информ, 2008. – С. 253–265.
2. Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>
3. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

4. Где на Руси рожать хорошо. Рейтинг регионов России по условиям благоприятствования рождению ребенка [Электронный ресурс] / Исследовательский центр ИТАР-ТАСС. – Режим доступа : <http://videocdn.itar-tass.com/data/files/gde-na-rusi-rozhat-horoshho.pdf>
5. Государственная программа «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014 – 2018 годы [Электронный ресурс] : Постановление Правительства области от 28.10.2013 № 1098 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
6. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ. 2012 год [Текст] / Министерство труда и социальной защиты РФ – М., 2013. – 464 с.
7. Гришина, Е. Е. Совершенствование социальной поддержки малоимущих в России [Текст] / Е. Е. Гришина // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 1 (191). – С. 83–89.
8. Доброхлеб, В. Г. Региональные возможности регулирования репродуктивного поведения населения [Текст] / В. Г. Доброхлеб, А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3. – С. 108–119.
9. Законодательное обеспечение государственной политики поддержки многодетных семей: аналитический обзор. Серия: Социальная политика. – М., 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4691/16760>
10. Калачикова, О. Н. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) [Текст] / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 5. – С. 129–136.
11. Каманина, Л. В. Публичный доклад «О результатах деятельности Департамента социальной защиты населения Вологодской области за 2014 год» [Текст] / Л. В. Каманина. – Вологда, 2014. – 37 с.
12. Население России 2009 [Электронный ресурс] : Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. – М. : НИУ-ВШЭ, 2011. – С. 85–86. – Режим доступа : http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_09/acrobat/glava3.pdf
13. О бесплатном предоставлении в собственность гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных на территории Вологодской области [Электронный ресурс] : Закон Вологодской области от 22.11.2011 № 2650-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части государственной поддержки граждан, имеющих детей [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 05.12.2006 № 207-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
15. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
16. О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
17. О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в целях реализации права на образование [Электронный ресурс] : Закон области от 17 июля 2013 года № 3140-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
18. О положении детей Вологодской области в возрасте до 16 лет в 2010 году [Текст] : стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 17 с.
19. О порядке выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 30.12.2006 № 873 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
20. О порядке предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан в целях реализации ими права на образование, их размере, а также порядке возмещения расходов [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Вологодской области от 25.02.2005 № 199 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
21. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс] : ФЗ от 01.12.2014 № 384-ФЗ / Система ГАРАНТ. – Режим доступа : http://base.garant.ru/70810756/1/#block_81#ixzz3SHbtpEFG
22. Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Вологодской области [Электронный ресурс] : Закон Вологодской области от 29.12.2003 № 982-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
23. Об уполномоченном при губернаторе Вологодской области по правам ребенка [Электронный ресурс] : Закон Вологодской области от 14.01.2013 № 2953-03 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

24. Об утверждении положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс] : Постановление Правительства от 30.12.2006 № 865 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
25. Официальный сайт Центра Экономического анализа и Экспертизы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=2534>
26. Российский статистический ежегодник. 2014 [Электронный ресурс] : стат. сб. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/year14.rar
27. Руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (О комплексе мер по улучшению демографической ситуации) [Электронный ресурс] : Письмо Минтруда России от 26.03.2014 № 12-6/10/П-1444 / Министерство труда и социального развития РФ. – Режим доступа : <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/80>
28. Смирнова, О. А. О результатах деятельности Службы по правам ребенка Правительства Вологодской области за 2014 год [Текст] : публичный доклад / О. А. Смирнова. – Вологда, 2015. – 18 с.
29. Шабунова, А. А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга [Текст] / А. А. Шабунова, Н. А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 33–54.
30. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gks.ru>
31. OECD Family database (Public spending on family benefits) [Electronic resource]. – Available at : http://www.oecd.org/els/soc/PF1_1_Public_spending_on_family_benefits_Oct2013.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондакова Наталья Александровна – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: natalirus87@yandex.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Kondakova N.A.

MODERN SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN

Current social policy is focused on supporting families, motherhood and childhood and mitigating vital demographic problems in the country. The conducted analysis reveals that in Russia money allocation is the main form of social support of families with children, primarily through benefits, monthly payments, compensation, financial aid, etc. However, it is fragmentary: financial support is mainly aimed at stimulating the birth of a child, but not at supporting a child in the process of education and development. Despite the fact that since 2007 there have been positive shifts in this sphere the effectiveness of existing programs has been low; besides, there has been a gradual reduction in the share of expenditure on social obligations regarding the protection and support of families and children. Lump-sum payment for child birth and maternity capital are short-term and unable to eliminate child poverty (even the appearance of the first child in the family increases the risk of poverty and a number of children involve it in the majority of cases). Also the situation is aggravated by the unstable economic situation in the country, which reduces the quality of life of the population, especially the most vulnerable – children, large families, poor families with children. Therefore, it is necessary to provide for the following areas of improvement of social support of families with children: introduction of social package for families with children (food parcels, purchase of clothing and footwear, durable goods, etc.), targeted support on the basis of means-testing, raising the efficiency of social sector services provided to the population, increasing

the level of information support in decision making (conducting panel research, encouraging the practice of sample surveys of the population), active involvement of socially oriented non-profit organizations, development of projects aimed at supporting families with children through the system of tax deductions, extension of the maternity capital program after 2016, solution of the problem of providing toddlers with places in kindergartens, raising the awareness of families with children about their legal rights.

Social policy, forms of social support, families with children, poverty among families with children.

REFERENCES

1. Arkhangel'skii V. N. *Demograficheskie perspektivy Rossii* [Demographic prospects of Russia]. Under editorship of Osipov G. V., Ryazantsev S. V. Moscow: Ekon-Inform, 2008, pp. 253–265.
2. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 g. [All-Russia Population Census 2002]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Web-Site of Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>
3. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g. [All-Russia Population Census 2002]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Web-Site of Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
4. Gde na Rusi rozhat' khorosho. Reiting regionov Rossii po usloviyam blagopriyatstvovaniya rozhdeniyu rebenka [Where Is It Good to Give Birth in Russia. The Rating of Russian Regions by the Conditions Favorable for the Birth of a Child]. *Issledovatel'skii tsentr ITAR-TASS* [ITAR-TASS Research Center]. Available at: <http://videocdn.itar-tass.com/data/files/gde-na-rusi-rozhat-horosho.pdf>
5. Gosudarstvennaya programma "Sotsial'naya podderzhka grazhdan v Vologodskoi oblasti na 2014 – 2018 gody": Postanovlenie Pravitel'stva oblasti ot 28.10.2013 № 1098 [The State Program "Social Support of Citizens in the Vologda Oblast for 2014–2018: Resolution of the Regional Government of October 28, 2013 № 1098]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
6. Gosudarstvennyi doklad o polozhenii detei i semei, imeyushchikh detei, v RF 2012 god [State Report on the Situation of Children and Families with Children in the Russian Federation. 2012]. *Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity RF* [Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation]. Moscow, 2013. 464 p.
7. Grishina E. E. Sovershenstvovanie sotsial'noi podderzhki maloimushchikh v Rossii [Improving Social Support of the poor in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standard of the Population of Regions of Russia], 2014, no. 1 (191), pp. 83–89.
8. Dobrokhleb V. G., Shabunova A. A., Kalachikova O. N. Regional'nye vozmozhnosti regulirovaniya reproduktivnogo povedeniya naseleniya [Regional Opportunities for the Regulation of Reproductive Behavior of the Population]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economy and Sociology], 2012, no. 3, pp. 108–119.
9. *Zakonodatel'noe obespechenie gosudarstvennoi politiki podderzhki mnogodetnykh semei: analiticheskii obzor. Seriya: Sotsial'naya politika* [Legislative Support of the State Policy to Support Large Families: Analytical Review. Series: Social Policy]. Moscow, 2010. Available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4691/16760>
10. Kalachikova O. N., Shabunova A. A. O prichinakh rosta rozhdanosti naseleniya v period aktivizatsii demograficheskoi politiki Rossii (na primere Vologodskoi oblasti) [Reasons for the Growth of Birth Rate of the Population during the Activation of Demographic Policy of Russia (on the Example of the Vologda Oblast)]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecast Issues], 2013, no. 5, pp. 129–136.
11. Kamanina L. V. *Publichnyi doklad "O rezul'tatakh deyatelnosti Departamenta sotsial'noi zashchity naseleniya Vologodskoi oblasti za 2014 god"* [Public Report "On the Results of the Activities of the Department of Social Protection of the Vologda Oblast Population in 2014"]. Vologda, 2014. 37 p.
12. *Naselenie Rossii 2009: Semnadtsatyi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [Population of Russia 2009: Seventeenth Annual Demographic Report]. Executive editor A. G. Vishnevskii. Moscow: NIU-VShE, 2011, pp. 85–86. Available at: http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_09/acrobat/glava3.pdf
13. O besplatnom predostavlenii v sobstvennost' grazhdanam, imeyushchim trekh i bolee detei, zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoi ili munitsipal'noi sobstvennosti, raspolozhennykh na territorii Vologodskoi oblasti: Zakon Vologodskoi oblasti ot 22.11.2011 № 2650-OZ [On Providing Citizens Having Three and More Children with Land Plots, which are in State or Municipal Property, Located on the Territory of the Vologda Oblast: Law of the Vologda Oblast of November 22, 2011 No. 2650-OZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].

14. O vnesenii izmenenii v ot-del'nye zakonodatel'nye akty RF v chasti gosudarstvennoi podderzhki grazhdan, imeyushchikh detei: Federal'nyi zakon ot 05.12.2006 № 207-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of State Support for Citizens with Children: Federal Law of December 5, 2006 No. 207-FZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
15. O gosudarstvennykh posobiyakh grazhdanam, imeyushchim detei: Federal'nyi zakon ot 19.05.1995 № 81-FZ [On State Benefits to Citizens with Children: Federal Law of May 19, 1995 No. 81-FZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
16. O dopolnitel'nykh merakh podderzhki semei, imeyushchikh detei: Federal'nyi zakon ot 29.12.2006 № 256-FZ [On Additional Measures to Support Families with Children: Federal Law of December 29, 2006 No. 256-FZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
17. O merakh sotsial'noi podderzhki ot-del'nykh kategorii grazhdan v tselyakh realizatsii prava na obrazovanie: Zakon oblasti ot 17 iyulya 2013 goda № 3140-OZ [On Measures of Social Support for Separate Categories of Citizens in order to Implement the Right to Education: Law of the Oblast of July 17, 2013 No. 3140-OZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
18. O polozhenii detei Vologodskoi oblasti v vo-zraste do 16 let v 2010 godu: stat. byulleten' [Children of the Vologda Oblast at the Age of 16 in 2010: Statistical Newsletter]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast], Vologda, 2011. 17 p.
19. O poryadke vydachi gosudarstvennogo sertifikata na materinskii (semeinyi) kapital: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2006 № 873 [On Issue of the State Certificate on the Maternal (Family) Capital: Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2006 No. 873]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
20. O poryadke predostavleniya mer sotsial'noi podderzhki ot-del'nym kategoriyam grazhdan v tselyakh realizatsii imi prava na obrazovanie, ikh razmere, a takzhe poryadke vozmeshcheniya raskhodov: Postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 25.02.2005 № 199 [On Granting Measures for Social Support of Separate Categories of Citizens in order to Implement their Right to Education, their Size and the Reimbursement of Costs: Decree of the Government of the Vologda Oblast of February 25, 2005 No. 199]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
21. O federal'nom byudzhete na 2015 god i na planovyi period 2016 i 2017 godov: FZ ot 01.12.2014 № 384-FZ [On the Federal Budget for 2015 and the Planning Period of 2016 and 2017: Federal Law of December 1, 2014 No. 384-FZ]. *Sistema GARANT* [GARANT System]. Available at: http://base.garant.ru/70810756/1/#block_81#ixzz3SHbtpEFG
22. Ob okhrane sem'i, materinstva, otsovstva i detstva v Vologodskoi oblasti: Zakon Vologodskoi oblasti ot 29.12.2003 № 982-OZ [On the protection of family, motherhood, paternity and childhood in the Vologda Oblast: Law of the Vologda Oblast of December 29, 2003 No. 982-OZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
23. Ob upolnomochennom pri gubernatore Vologodskoi oblasti po pravam rebenka: Zakon Vologodskoi oblasti ot 14.01.2013 № 2953-OZ [On the Commissioner of the Vologda Oblast Governor on the Rights of a Child: Law of the Vologda Oblast of January 14, 2013 No. 2953-OZ]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
24. Ob utverzhdenii polozheniya o naznachenii i vyplate gosudarstvennykh posobii grazhdanam, imeyushchim detei: Postanovlenie Pravitel'stva ot 30.12.2006 № 865 [On Approval of the Regulation on the Appointment and Payment of State Allowances to Citizens with Children: the Government Resolution of December 30, 2006 No. 865]. *Spravochno-poiskovaya sistema Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System Consultant Plus].
25. *Ofitsial'nyi sait Tsentra Ekonomicheskogo analiza i Ekspertizy* [Official Web-Site of the Economic Analysis and Expertise Center]. Available at: <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=2534>
26. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2014: stat. sb. [Russian Statistical Yearbook. 2014: Statistics Digest]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Web-Site of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/year14.rar
27. Rukovoditel'yam vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii (O komplekse mer po uluchsheniyu demograficheskoi situatsii): Pis'mo Mintruda Rossii ot 26.03.2014 № 12-6/10/P-1444 [To Heads of the State Highest Executive Bodies of Subjects of the Russian Federation (On Measures on Improvement of the Demographic Situation): Letter of Ministry of Labor of Russia of March 26, 2014 No. 12-6/10/P-1444]. *Ministerstvo truda i sotsial'nogo razvitiya RF* [Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/80>

28. Smirnova O. A. *O rezul'tatakh deyatel'nosti Sluzhby po pravam rebenka Pravitel'stva Vologodskoi oblasti za 2014 god: publichnyi doklad* [On the Performance of the Service on Children's Rights of the Vologda Oblast Government for 2014: Public Report]. Vologda, 2015. 18 p.
29. Shabunova A. A., Kondakova N. A. Zdorov'e i razvitie detei: itogi 20-letnego monitoringa [Health and Development of Children: Results of the 20 Year Monitoring]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 33–54.
30. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>
31. *OECD Family Database (Public Spending on Family Benefits)*. Available at: http://www.oecd.org/els/soc/PF1_1_Public_spending_on_family_benefits_Oct2013.pdf

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kondakova Natal'ya Aleksandrovna – Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, Russia, 160014. E-mail: natalirus87@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

УДК 314.7

ББК 60.5

© Шарова Е.Н.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ШАРОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Мурманский государственный гуманитарный университет
E-mail: kateshar1@yandex.ru

Проблема удержания и привлечения молодежи является чрезвычайно актуальной для периферийных территорий российского общества. Мурманская область является одним из регионов, наиболее быстро теряющих население, особенно молодого возраста. Причиной значительной убыли молодежи являются интенсивные миграционные процессы, которые связаны не только с групповой спецификой молодежи (ее мобильностью), но и с особенностями условий социализации и самореализации в регионе. Миграционные установки и соответствующее поведение являются показателем благополучия и потенциала развития той или иной территории.

В научной литературе по миграционным процессам достаточно много внимания уделено их результатам, отраженным в статистических показателях. В данном исследовании предпринят комплексный анализ проблематики, учитывающий не только объективные последствия миграционных процессов, но и их предпосылки. Миграционные установки понимаются как субъективные факторы формирования территориальной мобильности, отражающие ее потенциал. Эмпирическую базу исследования составили региональные статистические данные за 2009 – 2013 годы, а также материалы анкетного опроса, проведенного научно-исследовательской лабораторией Мурманского государственного гуманитарного университета с участием автора весной 2014 года. В результате анализа были выявлены структура миграций молодежи по потокам, направлениям и типам населенного пункта, ориентация различных социально-демографических групп молодежи на эмиграцию в системе планов на переезд, субъективные причины эмиграции, а также факторы оттока и закрепления молодежи, рассмотренные в структуре ее регио-

¹ Полевые работы данного исследования выполнены при поддержке INPOINT (Оценка населением социально-экономического значения проектов развития Северо-Запада России, 2011 – 2015), NFR Проект № 209372.

нальной идентичности. Особенностью миграционных установок молодежи Мурманской области является доминирование внешней, прежде всего, российской межрегиональной территориальной мобильности, которая в большинстве своем определяется субъективной оценкой социально-экономических условий жизни в регионе.

Молодежь, миграция, миграционные процессы, миграционные установки, регион, региональное развитие, региональная идентичность.

Переход к новой социально-экономической модели развития современного российского общества актуализировал вопрос о конкретных ресурсах проводимой модернизации. Разработка наукоемких инновационных технологий, становление экономики знаний невозможны без опоры на соответствующий человеческий потенциал. В частности, значимую роль в формировании такого потенциала играет молодежь, представляющая собой особую социально-демографическую группу. Количественные и качественные характеристики молодых людей, проживающих на той или иной территории, определяют возможности и перспективы ее развития. Так, например, территории, теряющие население (преимущественно молодежь), характеризуются депрессивностью и упадком в различных сферах жизнедеятельности в целом, особенно если причиной демографической убыли становятся миграционные процессы. Соотношение выбывших и прибывших, или сальдо миграции, считается показателем благополучия той или иной территории.

Миграционные процессы являются объектом изучения для многих наук. В социологии данная тема достаточно разработана и представлена корпусом как теоретических, так и эмпирических исследований.

В частности, проблема миграции раскрывается на общетеоретическом уровне в трудах следующих классиков зарубежной мысли: Э. Равенштейна, У. Томаса и Ф. Знанецки, представителей Чикагской школы (Р. Парка, Э. Берджеса, Р. Маккен-

зи), В. Зомбарта и других. Исследование миграций в отечественной науке берет свое начало с конца XIX – начала XX века и находит отражение в трудах известных ученых и государственных деятелей (среди них С.Ю. Витте, И.А. Гурвич, А.А. Кауфман, П.А. Столыпин, С.Л. Чудновский, Э.Ю. Янсон и др.).

Современный этап в изучении миграций характеризуется многоаспектностью проблематики. Весомый вклад в теоретико-методологический фундамент социологических исследований внесли следующие зарубежные и отечественные ученые: М. Критц, Д. Массей, С. Каслз, Ш. Глик, М.С. Блинова, П.В. Василенко, Т.И. Заславская, Ж.А. Зайончковская, Е.С. Красинец, Н.И. Лапшина, И. Молодикова, В. Мукомель, Л.Л. Рыбаковский, Т.Н. Юдина и другие.

Особый интерес представляют работы, отражающие региональную специфику миграционных процессов в России с привлечением обширного массива статистических и эмпирических данных. Среди них можно отметить исследования И. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна, Ж.А. Зайончковской, Л.Б. Карачуриной, Л.А. Глазковой, О.В. Реш. Изучению миграций молодежи уделено внимание в работах И. Кашницкого и Н.В. Мкртчяна, Е.А. Горбачевой и др.

При анализе миграционного процесса большинство исследователей опираются на данные статистики как основной источник информации о его результатах. Отталкиваясь от трехфазной модели миграционного процесса [10, с. 226], мы

предлагаем рассмотреть первую и вторую фазы: формирование территориальной мобильности (предпосылки миграции) и само перемещение (его результаты). При этом сначала представляется необходимым изучить объективно сложившуюся ситуацию с опорой на данные статистики, фиксирующей результаты миграционного поведения в регионе. Далее на основе первичных социологических данных речь пойдет о так называемых субъективных факторах перемещений людей, выраженных в понятии миграционной установки. Под миграционной установкой понимается внутренняя предрасположенность личности к сохранению или изменению места и условий проживания, готовность к определенному результату миграционного поведения.

Таким образом, настоящее исследование нацелено на комплексный анализ проблемы, учитывающий не только объективные показатели миграционного процесса, но и субъективные. Более того, преобладающее внимание при анализе миграционных процессов к субъективным факторам обусловлено спецификой молодежи как особой социально-демографической группы, отличающейся наибольшим потенциалом мобильности (в том числе территориальной). Анализ проективной ситуации через выявление установок на закрепление в регионе или отток позволит определить перспективы развития территории в целом.

Эмпирическую базу исследования составили региональные статистические данные за 2009 – 2013 гг. и материалы анкетного опроса, проведенного научно-исследовательской лабораторией Мурманского государственного гуманитарного университета с участием автора весной 2014 года.

Мурманская область представляет собой один из самых сложных в миграционном отношении регионов, имея при-

граничный статус, дополненный особым расположением в районе Крайнего Севера. Многие исследователи характеризуют современную социальную ситуацию в Мурманской области как нестабильную [5; 12]. К числу наиболее острых проявлений такой нестабильности в регионе можно отнести демографические процессы. Кольский Север продолжает оставаться одним из самых быстро теряющих население регионов. В частности, актуализирована потребность в сохранении численности молодежи в Мурманской области. С 2009 по 2011 годы общая численность населения здесь сократилась почти на 55 тысяч человек, причем в основном за счет группы молодых людей (16 – 29 лет): данная группа сократилась более чем на 40 тысяч человек за указанный период [1, с. 7, 16; 11].

По данным на 1 января 2014 года [8], доля молодежи Мурманской области в возрасте 16 – 29 лет составила 19,4% (149693 чел.). При сохранении существующей тенденции к оттоку численность молодежи (16 – 29 лет) в соответствии со статистическим прогнозом к 2025 году сократится еще почти на 60 тысяч и составит 90545 человек [9].

Анализ миграций молодежи в возрасте 16 – 29 лет по направлениям, потокам и типам населенного пункта проводился на основе статистических данных о распределении мигрантов по возрастным группам за 2009 – 2013 годы по Мурманской области. Эти данные предоставлены территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Таблицы 1 – 7 самостоятельно разработаны автором на основании имеющейся статистической информации. В связи с тем что с 2011 года Росстатом были внесены изменения в методологию разработки сведений о миграции населения, данные за 2009 – 2010 гг. значительно отличаются от последующих.

Интересным показателем миграционной активности молодежи является доля молодежи в структуре прибывших и выбывших из региона (табл. 1).

Так, в среднем за 2009 – 2013 гг. практически половину иммигрантов, приезжающих в Мурманскую область, составляет молодежь (48,6%), что в целом отражает специфику молодежи как высококомобильной социально-демографической группы. При этом мы видим значительные различия в структуре иммигрантов города и села: если в город едут преимущественно молодые люди (51,2% составляют лица в возрасте 16 – 29 лет), то в сельскую местность, что вполне закономерно, – представители старшего поколения (молодежь составляет не более трети).

Анализируя долю молодежи в структуре выбывших, мы видим, что нет различий значения данного показателя в зависимости от типа населенного пункта. В целом по Мурманской области, а также отдельно в городской и сельской местности молодежь составляет треть всех выезжающих за пределы региона (33,1%). При этом если в городах доля въезжающей молодежи значительно превышает

долю выезжающей, то в сельской местности эти доли приблизительно равны.

Отследить динамику численности молодежи позволяют данные в абсолютных значениях (табл. 2).

На протяжении всех пяти лет наблюдается преобладание численности выбывших из Мурманской области молодых людей по отношению к численности прибывших в регион. Наибольшее отклонение наблюдалось в 2010, 2011 и 2013 годах. В последний анализируемый год миграционный отток составил 1774 человека, что практически вдвое превысило предыдущие максимальные значения данного показателя.

Особый интерес представляет распределение миграционных направлений по типу населенного пункта. Мурманская область является одним из наиболее урбанизированных субъектов Российской Федерации (92,7% – городское население) [11].

Анализируя все передвижения (табл. 3), мы видим, что отток молодежи наблюдается исключительно в поселениях городского типа, в сельской местности, напротив, с 2011 года наблюдается положительное

Таблица 1. Доля молодежи в структуре прибывших и выбывших, %

Год	Мурманская область		Город		Село	
	приб.	выб.	приб.	выб.	приб.	выб.
2009	52,9	34,2	54,9	33,9	39,4	37,5
2010	56,8	33,2	59,3	33,2	40,1	33,1
2011	42,7	32,6	46,6	32,7	22,2	31,0
2012	45,1	33,6	47,4	33,8	29,5	31,1
2013	45,3	31,8	48,0	32,1	27,4	28,1
ср. зн.	48,6	33,1	51,2	33,2	31,7	32,1

Таблица 2. Внешняя миграция молодежи

Год	Мурманская область		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост
2009	4484	4651	-167
2010	4438	5355	-917
2011	8034	8345	-311
2012	9474	10426	-952
2013	8894	10668	-1774

Таблица 3. Миграционный прирост молодежи по типам населенного пункта

Миграционный прирост (город)					
Год	внутрирегиональная	межрегиональная	международная (страны СНГ)	международная (другие страны)	вся
2009	227	-974	667	-50	-130
2010	315	-1804	803	-55	-791
2011	432	-1881	1026	-48	-471
2012	379	-1770	476	-41	-956
2013	225	-2413	406	-66	-1848
Миграционный прирост (село)					
2009	-227	150	42	-2	-37
2010	-315	126	14	-1	-176
2011	-432	573	19	0	160
2012	-379	358	25	0	4
2013	-225	285	16	-2	74

сальдо миграции. При этом было бы преждевременно говорить о преобладании центробежных тенденций в Мурманской области. В связи с этим необходимо провести анализ миграционных потоков – конкретных направлений передвижений молодежи региона. Молодежь, если и покидает город, то переезжает либо в другой регион в рамках страны, либо за рубеж. Село, в свою очередь, не представляя в большинстве своем интереса для местных горожан, если и пополняется молодежью, то в основном за счет выходцев из других регионов и стран ближнего зарубежья. Потери села в пользу города, отражающие центростремительные движения молодежи, показаны в сравнительной характеристике внутрирегиональных миграций по типу населенного пункта.

Для определения основных источников оттока и пополнения молодежи в регионе была построена *таблица 4*, отражающая структуру иммиграционных и эмиграционных потоков в городской и сельской местности.

На протяжении исследуемых пяти лет преобладающая доля всех передвижений лежит в области межрегиональной миграции (свыше 50%). В большей степени в результате межрегиональной миграции происходит пополнение численности сельской молодежи, а также уменьшение численности городской молодежи.

В среднем за пять лет три четверти (74,1%) прибывших в село приехали из других регионов страны, и 68,4% выезжающих из городов Мурманской области направляются в другие субъекты Российской Федерации.

Предположительно, для молодых людей из сельской местности характерна «удлиненная» стратегия эмиграции: сначала молодежь переезжает в города Мурманской области, а уже потом в другие регионы страны. Об этом свидетельствует самая высокая доля внутрирегиональной эмиграции в сельской местности: в среднем практически каждый второй (47,7%) покидающий село переезжает в город в рамках данного региона. Кроме того, об этом также говорит положительное сальдо миграции по показателю межрегионального направления.

Международный миграционный поток в большей степени представлен в городской местности, что вполне закономерно. Так, 11,4% приезжающих молодых людей в города Мурманской области – представители других стран (преимущественно ближнего зарубежья). За 2012 – 2013 гг. несколько увеличилась доля уезжающих за рубеж среди молодых эмигрантов (5,3%), но опять это в основном ближний поток эмиграции (в страны СНГ). Наибольшая доля международного потока со странами дальнего зарубежья находится в структу-

Таблица 4. Структура миграционных потоков молодежи города и села (в среднем за 2009 – 2013 гг.)

Потоки	Доля прибывших, %		Доля выбывших, %	
	город	село	город	село
внутрирегиональная	34,2	22,8	28,2	47,4
межрегиональная	54,4	74,1	68,4	51,3
страны СНГ	11,2	3,1	2,6	0,9
другие страны	0,2	0,0	0,8	0,1
российская	88,6	96,9	96,6	99,0
международная	11,4	3,1	3,4	1,0
внешняя	65,8	77,2	71,8	52,3

ре эмигрирующей городской молодежи (0,8%). В целом данное направление миграций молодежи слабо развито в регионе, несмотря на его приграничный статус.

В целом можно отметить, что уменьшение численности молодого населения Мурманской области происходит в основном в процессе межрегиональной эмиграции, в меньшей степени – международной (со странами дальнего зарубежья). Основным источником пополнения численности молодежи в регионе являются страны СНГ (это единственное направление с положительным сальдо миграции). Миграционный прирост по показателям всех остальных передвижений в регионе имеет отрицательное значение (табл. 5).

Статистические данные позволяют зафиксировать объективно сложившуюся ситуацию в миграционных процессах на Кольском Севере, измеряя фактическую численность выбывших и прибывших в регион молодых людей. То есть здесь мы имеем дело с результатом реализации миграционных установок в конкретном социальном действии, связанном с переездом. Сам же процесс формирования миграционных устремлений молодежи, наполненный субъективно-личностным содержанием, остается при таком подходе «за кадром». В связи с этим необходимость проведения эмпирического социологического исследования обусловлена потребностью «оживить» анализ проблематики, представить более рельефно за счет понимания внутренних механизмов миграционных процессов.

В качестве метода сбора эмпирических данных использовался метод анкетного опроса очной (раздаточной) и заочной (онлайн) формы. С помощью очного анкетирования опрос проводился в группах различных образовательных учреждений Мурманской области. Обращение к онлайн анкетированию носило дополнительный характер, позволяя охватить труднодоступные группы молодежи (25-30-летние, жители отдаленных населенных пунктов).

Всего было опрошено 955 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Использовалась квотная модель выборочной совокупности. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (региональный центр, крупные, средние, малые города и сельские поселения), половозрастной структуры населения (соотношение мужчин и женщин в трех возрастных группах: 14 – 19 лет, 20 – 24 года, 25 – 30 лет). Ошибка выборки не превышает 3%.

Анализ миграционных установок молодежи Мурманской области проводился на базе программы SPSS (построение одномерных и двумерных распределений, поиск корреляций между изучаемыми признаками, величин средней тенденции и пр.) и включал в себя следующие элементы:

1. Выявление установки на эмиграцию (анализ планов на переезд, желание, чтобы дети жили в регионе).

Таблица 5. Миграционный прирост (город и село)

Год	Миграционные потоки							
	внутрирегиональная	межрегиональная	страны СНГ	другие страны	российская	международная	внешняя	вся
2009	0	-824	709	-52	-824	657	-167	-167
2010	0	-1678	817	-56	-1678	761	-917	-917
2011	0	-1308	1045	-48	-1308	997	-311	-311
2012	0	-1412	501	-41	-1412	460	-952	-952
2013	0	-2128	422	-68	-2128	354	-1774	-1774

2. Определение направлений эмиграции.

3. Анализ причин эмиграции (субъективная оценка).

4. Выявление факторов, влияющих на миграционные установки (оценка привязанности к региону, характеристика привлекательности жизни в Мурманской области).

5. Анализ особенностей миграционных установок различных социально-демографических групп молодежи (в зависимости от пола, возраста, образования, типа населенного пункта и места рождения).

Ориентация на эмиграцию и направления эмиграции молодежи Мурманской области

По результатам проведенного исследования выяснилось, что лишь треть молодежи Мурманской области не планирует уезжать, из них 11,0% опрошенных готовы мигрировать только в пределах Мурманской области. Относительное большинство молодых людей (45,2%) планирует уехать из Мурманской области (рис. 1).

Такой высокий эмиграционный показатель может усугубиться еще и за счет тех, кто отметил, что затрудняется ответить на вопрос (22,0%). Все они составляют группу риска, которая при определенном стечении обстоятельств будет готова перейти в число желающих покинуть регион.

Планы уехать из области зависят от возрастной группы молодежи². Чем старше молодые люди, тем больший процент из них хочет остаться в области. Так, если в 14 – 19 лет только 13,7% отмечают, что

² Здесь и далее: зависимость проверялась по критерию хи-квадрат, уровень значимости – 0,05.

не планируют уезжать из области, то в группах старше 20 лет вдвое чаще встречается молодежь с установкой на закрепление в регионе (24,0 – 24,7%).

Наибольшей подвижностью отличается молодежь младшей возрастной группы (14 – 19 лет), из них более половины (51,3%) нацелены на эмиграцию. Напротив, самой немобильной группой являются молодые люди 20 – 24 лет: вероятно, это связано с уже начавшейся профессиональной социализацией в регионе.

Статистически значимым различием по полу является установка на переезд в пределах Мурманской области: мужчины сравнительно чаще, чем женщины, ориентированы на внутрирегиональную миграцию (12,7 против 8,8%). Преобладающую ориентацию женщин на внешнюю эмиграцию можно отметить лишь как тенденцию, требующую дополнительного анализа на больших объемах выборки (различие с мужчинами в 3,4% статистически не значимо).

Существует статистическая зависимость установки на эмиграцию от места рождения: приехавшие в Мурманскую область после своего рождения значительно чаще планируют покинуть регион (55,9 против 39,9% среди «местных»). Менее всего они нацелены на смену места жительства в рамках Мурманской области (6,2%). При этом заслуживает внимания тот факт, что даже среди родившихся в регионе достаточно высока доля ориентированных на эмиграцию (39,9%).

Наибольшую закрепленность в регионе демонстрируют молодые люди с начальным профессиональным и средним

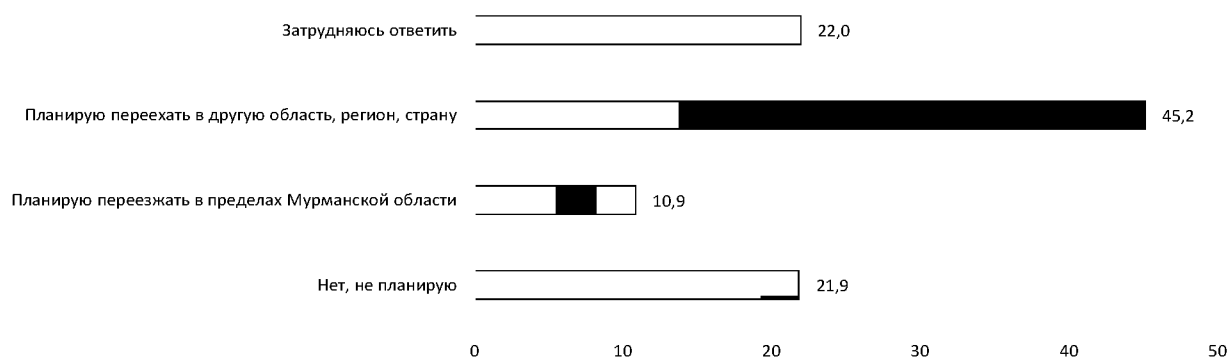

Рис. 1. Наличие планов на переезд, %

специальным образованием – представители рабочего класса, среднего технического персонала и служащих. Они значительно чаще, чем группа, имеющая среднее общее (в том числе неполное) образование, не планируют переезжать из своего города (поселка) (27,1 и 15,5% соответственно). В то же время молодые люди с начальным профессиональным и средним специальным образованием значительно реже, чем другие образовательные группы (особенно, со средним общим и высшим профессиональным образованием), имеют установку на внешнюю эмиграцию (35,5 против 47,8 – 48,9%).

Если говорить о внутрирегиональных перемещениях, то, напротив, представители рабочего класса и служащих проявляют бóльшую активность, чем обладатели высшего уровня подготовки (15,7 против 6,0%).

Интересно проследить различия в направлениях эмиграции молодежи регионального центра и других населенных пунктов. Решительнее всех нацелены на эмиграцию молодые жители крупных городов: более половины (55,3%) из них планируют уехать за пределы Мурманской области. Кроме того, каждый седьмой – восьмой планирует перемещаться в рамках региона, что значительно больше по сравнению с жителями регионального центра (4,0%), которые менее всех ориентированы на внутрирегио-

нальную эмиграцию. Наибольшую оседлость демонстрируют жители средних городов (30,2%), а также молодые мурманчане (26,1%).

Косвенным показателем миграционных установок является желание, чтобы дети продолжали жить в Мурманской области. По результатам опроса молодежи, только 22,8% указали, что хотели бы видеть своих детей жителями Мурманской области (в том числе с уверенностью – 7,9%). Чуть менее половины (48,4%) опрошенных не хотят, чтобы дети жили в Мурманской области (в том числе 19,7% категорически против).

Данный показатель свидетельствует о том, что установка на эмиграцию латентно присутствует в сознании гораздо большего числа молодежи Мурманской области, чем об этом говорит ответ на прямой вопрос о планах уехать из региона.

Интересно, что в старшей возрастной подгруппе молодежи, которая демонстрирует наибольшую закрепленность в регионе (по данным на предыдущий вопрос), сравнительно больше не желающих, чтобы их дети жили в регионе, чем в других подгруппах (23,4 против 14,5% среди 20-24-летних). Вероятно, особый семейный статус и включенность в детско-родительские отношения, характерные для старшей молодежи, формируют другую позицию в отношении эмиграции

из региона. Возможно, ими движет осознанное желание лучшей жизни для детей, которая, скорее всего, может сложиться в других условиях, в том числе и территориальных. Более всего не определившихся с этим вопросом среди 14-19-летних: 36,1% в одинаковой мере хотели и не хотели бы, чтобы их дети жили в регионе.

Мнение мужчин и женщин статистически различается лишь в однозначном желании, чтобы дети остались здесь: мужчины сравнительно более заинтересованы, чем женщины, в удержании своих детей в регионе (9,4 против 5,9% соответственно).

Существует статистически значимая связь между желанием «закрепить» детей в Мурманской области и местом рождения опрошенных. Так называемые «местные» (те, кто родились в регионе) значительно чаще положительно оценивают перспективы жизни своих детей в Мурманской области (10,2 против 3,4%), а те, кто приехал сюда после рождения, напротив – отрицательно (25,8 против 16,1%).

Важным аспектом изучения миграционных установок является анализ направлений оттока молодежи. Немногим меньше половины опрошенной молодежи (45,0%), желающей покинуть Мурманскую область, планирует переезд в другие населенные пункты страны, чуть более трети – в столичные города (в Москву и Санкт-Петербург), каждый шестой думает о переезде в другую страну (17,4%; *рис. 2*).

Жители регионального центра сравнительно чаще ориентируются на более крупные – прежде всего столичные – города, а также другие страны (44,5 и 24,8% соответственно). Жители крупных городов (свыше 30 тыс. человек) нашей области сравнительно чаще других ориентированы на переезд в другие населенные пункты России (55,4%).

Направления эмиграции молодежи статистически различаются по возрасту. Самые юные представители (14 – 19 лет) значительно в большей степени планируют эмигрировать в столичные города страны (58,9%), молодежь старше 20 лет – в другие населенные пункты России (44,1 – 57,4%). Международная миграция в большей степени интересует студенческую молодежь (20 – 24 лет) – 7,9%.

Интересно, что женщины относительно чаще мужчин ориентированы на переезд в Москву и Санкт-Петербург (41,5 против 34,3% соответственно), мужчины значимо чаще ориентированы на международную эмиграцию (21,8 против 12,2% соответственно).

Респонденты, родившиеся в Мурманской области, в большей степени ориентированы на переезд в столичные города и в другие страны (42,5 и 21,9%), чем те, кто приехал в регион после своего рождения (30,5 и 9,3%). Подавляющее большинство «неместных» собираются переехать в другие населенные пункты России.

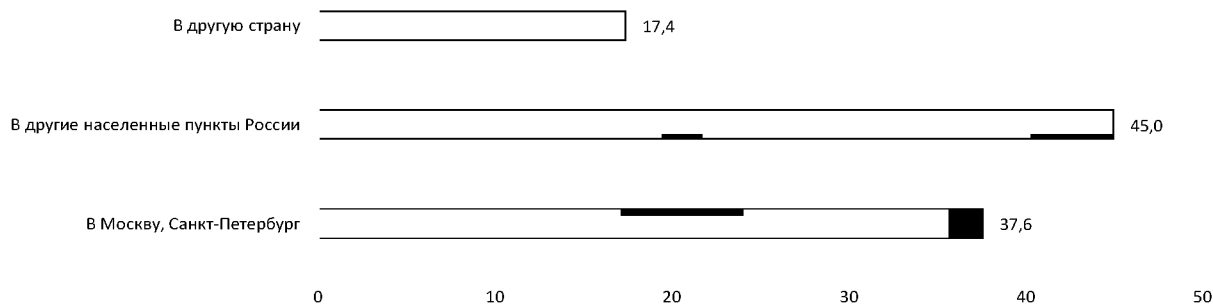

Рис. 2. Направления эмиграции молодежи Мурманской области, %

Вероятно, это отражение возвратных тенденций, когда пришлое население возвращается к своим корням.

Причины и факторы эмиграции молодежи Мурманской области

На вопрос о причинах переезда из Мурманской области респонденты отвечали в открытой форме. Указали причины 356 человек. При обработке все варианты сначала были обобщены по смыслу в 21 категорию, а категории в дальнейшем объединялись в блоки (всего 8 блоков; рис. 3).

Наиболее популярными причинами отъезда из региона, указанными молодежью, являются социально-экономические факторы (43,8%). К ним отнесены как достаточно конкретные причины (сложности в трудоустройстве и построении карьеры, получении интересующего образования), так и общие для Мурманской области в целом (отсутствие перспектив развития, нивелирование исторического и стратегического значения региона).

Второй по популярности причиной оттока являются природные факторы, отмеченные более чем третью опрошенных (34,7%). В данный блок были объединены причины, связанные прежде всего с природно-климатическими особенностями региона, экологической ситуацией и обусловленным ею состоянием здоровья,

проблемы отдаленности региона, вызванные особым географическим положением, а также недостаток природных ресурсов.

Интересно, что каждый пятый ответивший на данный вопрос руководствовался так называемыми социально-психологическими мотивами эмиграции, где основу составили разнообразные чувства и эмоции, связанные с отношением к другому региону как к своей настоящей Родине, дополненные и усиленные наличием близких и друзей за пределами Мурманской области. Значительный вес данной причины оттока молодежи из региона обусловлен высокой долей приехавших сюда после своего рождения (32,3% среди опрошенных).

Материальные и инфраструктурные группы причин актуальны для каждого восьмого респондента (13,1 и 12,8% соответственно). К первым были отнесены показатели уровня жизни, наличие жилья; второй блок включал в себя различные проблемы инфраструктуры населенных пунктов, в том числе их внешний вид, провинциальность, а также качество дорог и наличие в них сети учреждений культуры и досуга.

В узком смысле социальные причины, связанные с такими человеческими факторами, как параметры властных и по-

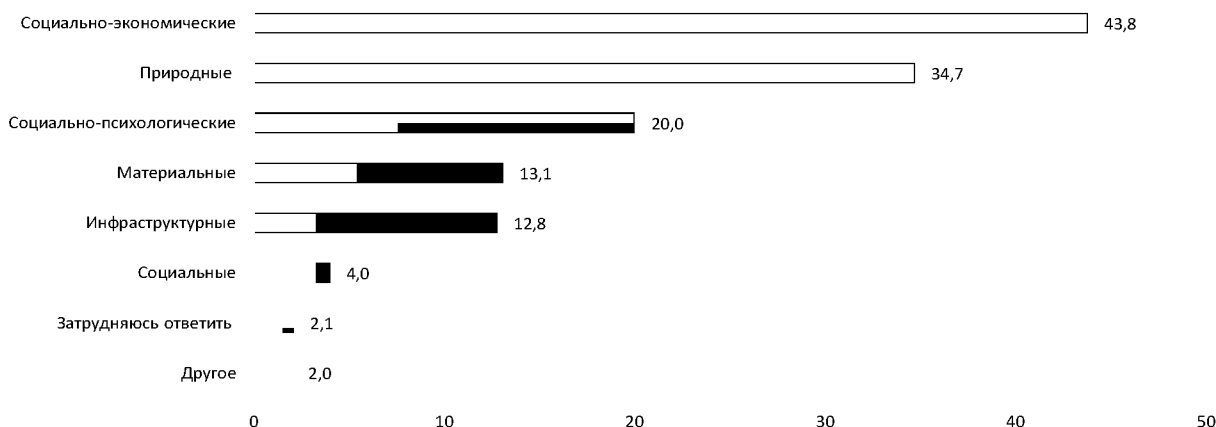

Рис. 3. Причины эмиграции молодежи из региона, %

литических отношений, наличие коррупции и преступности, качественные и количественные характеристики людей, проживающих в регионе (особенности характера и менталитета, численность населения), менее всех влияют на миграционную убыль населения. В качестве причин переезда их указали лишь 14 человек (менее 5%).

Причины эмиграции варьируются в зависимости от возраста. Так, природные факторы относительно более важны для молодежи старше 20 лет (37,1 – 43,1%), чем для 14-19-летних (18,3%). Социально-экономические факторы, напротив, в подавляющем большинстве представлены в младшей возрастной группе (68,8%); среди молодежи старше 20 лет лишь треть опрошенных указали их в качестве причин эмиграции (33,3 – 35,9%).

Гендерные различия обнаруживаются лишь в оценке социально-экономических и социальных проблем региона: первые в большей степени обуславливают отток женщин (50,9 против 37,6%), вторые – мужчин (6,2 против 1,6%). В зависимости от места рождения статистически значимым различием обладает социально-экономическая мотивация: данные факторы в большей степени важны для тех, кто родился в Мурманской области, чем для приехавших после рождения (49,0 против 33,7%). При этом можно зафиксировать в качестве тенденции преобладание природных и социально-психологических факторов оттока среди «неместных» резидентов региона (40,4 против 32,4% и 26,4 против 17,7% соответственно).

При выделении факторов миграционных установок была осуществлена попытка рассмотреть их в некоторой общей системе связей. В частности, наиболее общий феномен, включающий в себя установки на эмиграцию как поведенческий компонент, отражен в понятии региональной идентичности. Данный

феномен может быть раскрыт как «системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [6, с. 13].

Кроме миграционных установок, индикаторами региональной идентичности может выступать эмоциональное отношение к территории своего проживания. В частности, восприятие индивидами себя самих как представителей определенной общности в рамках своей страны, области, города, в том числе и душевная привязанность, связь с территорией проживания. Также к эмоциональной компоненте региональной идентичности можно отнести субъективную оценку привлекательности жизни в регионе и конкретное содержание этой оценки в чертах привлекательности – непривлекательности.

Посмотрим, каким образом сочетаются эмоциональные компоненты региональной идентичности с поведенческой составляющей, отраженной в миграционных установках.

Если говорить о привязанности, связи молодежи с местом проживания, то в исследовании было выделено несколько уровней идентификации: локальный (город/поселок), субрегиональный (Мурманская область) и макрорегиональный (Север) [3, с. 26]. Отдельно предлагалось посмотреть связь с Россией, представляющую собой общенациональную (гражданскую) идентичность.

Следует отметить, что существует статистически обоснованная зависимость (по t-критерию при уровне значимости 0,05) между миграционными установками молодежи и привязанностью к месту проживания (табл. 6). Различия существуют по каждому из параметров оценки. Так, среди предполагающих остаться в регионе связь с территорией оценивается выше, чем среди планирующих переезд за пределы Мурманской области. Более

Таблица 6. Оценка привязанности, связи с местом проживания у молодежи с разными планами на переезд (по 5-балльной шкале; ср. зн.)

	С городом, поселком	С Мурманской областью	С Севером	С Россией
Нет, не планирую	4,1	3,9	4,0	4,2
Планирую переезжать в пределах Мурманской области	3,9	3,9	4,0	4,2
Планирую переехать в другую область, регион, страну	3,5	3,0	2,9	3,8
Затрудняюсь ответить	4,0	3,5	3,5	4,0
Всего	3,8	3,4	3,4	4,0

того, различия наблюдаются и в оценке единства с Россией: 4,2 балла у предпочитающих остаться в Мурманской области и 3,8 балла среди планирующих переезд. Здесь мы наблюдаем связь региональной идентичности с общенациональной (гражданской). В группе молодежи, ориентированной на эмиграцию, связь с Севером и с Мурманской областью получила наименьшее значение (2,9 и 3,0 балла соответственно).

Другим эмоциональным компонентом региональной идентичности является оценка степени привлекательности жизни в Мурманской области, которая измерялась по 5-балльной шкале (от 1 – «совсем не привлекательна» до 5 – «очень привлекательна»). Содержание такой оценки позволяет определить тип идентичности по критерию позитивности – негативности (рис. 4).

Так, молодежь, ориентированная на эмиграцию из региона, заметно ниже оценивает привлекательность жизни в Мурманской области, чем планирующие остаться (2,7 и 3,5 соответственно).

Кроме того, в исследовании были заданы открытые вопросы, где предлагалось указать, в чем видят привлекательность жизни в регионе и что для молодежи непривлекательно. Полученные ответы на оба вопроса были проанализированы, все предложенные черты объединены в обобщающие группы. Всего было проанализировано 1090 черт привлекательности, которые указали 733 человека, а также 1129 черт непривлекательности (759 человек). Следует отметить, что мо-

лодежь более активно называла черты непривлекательности жизни в регионе, чем привлекательности (на 26 человек и на 39 ответов больше).

Интересно, что, определяя черты привлекательности и непривлекательности региона, молодежь указывала одни и те же характеристики. Более того, варианты ответа на эти два вопроса оказались сопоставимы с вариантами ответа на вопрос о причинах эмиграции. На наш взгляд, обозначенные черты привлекательности и непривлекательности жизни в регионе являются косвенной попыткой зафиксировать факторы оттока из региона и, наоборот, закрепления в нем среди всех опрошенных вне зависимости от их конкретных миграционных установок. В связи этим, объединение черт привлекательности и непривлекательности в блоки проводилось по существующей группировке причин эмиграции (см. рис. 3).

Те, кто планирует остаться жить в своем населенном пункте, значительно чаще, чем ориентированные на эмиграцию, среди черт привлекательности жизни в регионе отмечали социально-экономические (25,9 против 11,0%) и социально-психологические факторы (15,0 против 6,9%).

В то же время при ответе на вопрос о непривлекательных сторонах жизни в Мурманской области ориентированные на отъезд из региона, а также не определившиеся с миграционными планами значительно чаще указывали на социально-экономические черты (21,0 – 23,5 против 8,7%).

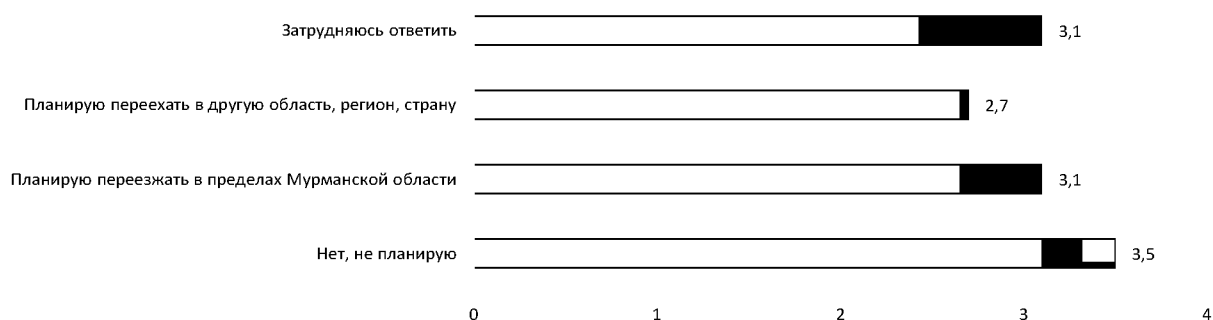

Рис. 4. Оценка привлекательности жизни в регионе у респондентов с различными планами на переезд, ср. балл

Таким образом, наличие перспектив развития, возможностей самореализации и уровень жизни в Мурманской области, а также другие социально-экономические факторы по-разному оценивались в ходе опроса, что позволило определить ключевые условия не только закрепления молодежи в регионе, но и ее оттока.

Итак, внимание к миграционным установкам молодежи обусловлено необходимостью выявления субъективных факторов оттока и закрепления молодого поколения в регионе, более рельефного понимания условий социализации и самореализации данной социально-демографической группы. Кроме того, миграционные установки характеризуют проявления региональной идентичности,

представляющей собой достаточно сложный механизм отождествления, соотношения себя с конкретной территорией. В частности, отсутствие установки на эмиграцию, характерной для трети опрошенной молодежи, может выступать свидетельством местного патриотизма. Особую научную ценность имеет анализ миграционных установок в системе связей с другими индикаторами региональной идентичности (оценкой связи с местом проживания и его субъективной привлекательности). Представленный анализ структуры и причин оттока – необходимый элемент в практике социального управления миграционными процессами и оптимизации демографической ситуации в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возрастной состав населения Мурманской области [Текст]: стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Мурман. обл. ; [редкол.: В. А. Кудицкая (пред.) и др.]. – Мурманск, 2009. – 62 с.
2. Горбачева, Е. А. Особенности миграционного поведения студенческой молодежи Омской области [Текст]: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. – М., 2007. – 133 с.
3. Денисова, Г. С., Особенности региональной идентичности населения Юга России [Текст] / Г. С. Денисова, Л. В. Клименко // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 25–34.
4. Зайончковская, Ж. А. Внутренняя миграция в России: правовая практика [Текст] / Ж. А. Зайончковская, Н. В. Мкртчян. – М., 2007. – 84 с.
5. Корчак, Е. А. Миграционные процессы в формировании трудового потенциала Мурманской области [Текст] / Е. А. Корчак // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – Режим доступа : www.science-education.ru/117-13794
6. Крылов, М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России [Текст] / М. П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.
7. Лапшина, Н. И. Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства [Текст] / Н. И. Лапшина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12. – Вып. 1. – 2010. – С. 388–394.

8. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований [Электронный ресурс] / Территор. Орган Федер. службы гос. статистики по Мурман. обл. – Режим доступа : http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/municipal_statistics/main_indicators
9. Предположительная численность населения до 2030 года по Мурман. обл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources
10. Рыбаковский, Л. Л. Исследование миграции населения в России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский // Социология в России. – 1998. – С. 215–234.
11. Численность населения по полу и отдельным возрастным группам на начало 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population
12. Шибут, И. А. Социальная и индивидуальная идентичность населения Кольского Севера в контексте региональной идентичности [Текст] : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / И. А. Шибут. – СПб., 2006. – 23 с.
13. Юдина, Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов [Текст] / Т. Н. Юдина // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 102–109.
14. Kashnitsky, I. Migration of Youths in Russia: Impact on Sex-age Structures [Text] / I. Kashnitsky // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2013. – № 4 (10). – P. 358–365.
15. Park, R. E. Human migration and the marginal man [Text] / R. E. Park // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33. – № 6. – P. 881–893.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарова Екатерина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории социологических исследований. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Мурманский государственный гуманитарный университет. Россия, 183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15. E-mail: kateshar1@yandex.ru. Тел.: (8152) 21-39-64.

Sharova E.N.

MIGRATION ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE IN THE MURMANSK OBLAST

The problem of retaining and attracting young people is extremely important for peripheral areas of the Russian society. The Murmansk Oblast is one of the regions most rapidly losing population, especially young. Intensive migration processes cause a significant lack of young people. These processes are associated not only with group specificity of the youth (its mobility), but also with the conditions of socialization and self-realization in the region. Migration attitudes and appropriate behavior are indicators of well-being and development potential of any territory.

The scientific literature devoted to migration processes pays a lot of attention paid to their results reflected in the statistics. In this study we make an integrated analysis of problems, taking into account not only the objective consequences of migration processes, but also their background. Migration attitudes are understood as subjective factors of the formation of regional mobility, reflecting its potential. The empirical base of the research consists of the regional statistical data for 2009 – 2013, as well as the data of the questionnaire survey conducted by the research laboratory of Murmansk State Humanities University with the author's participation in spring of 2014. The analysis reveals the structure of youth migration by streams, directions and types of settlement, the orientation of various socio-demographic groups of young people on emigration, the subjective reasons for emigration and the factors of outflow and retaining of young people.

Migration attitudes of the youth in the Murmansk Oblast are characterized by the dominance of external, primarily Russian interregional territorial mobility, determined by the subjective evaluation of socio-economic conditions in the region.

Youth, migration, migration processes, migration attitudes, region, regional development, regional identity.

REFERENCES

1. Vozrastnoi sostav naseleniya Murmanskoi oblasti: stat. sb. [Age Structure of the Population of the Murmansk Oblast: Statistics Digest]. *Feder. sluzhba gos. statistiki, Territor. organ Feder. sluzhby gos. statistiki po Murm. obl.* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Murmansk Oblast]. Murmansk, 2009. 62 p.
2. Gorbacheva E. A. *Osobennosti migratsionnogo povedeniya studencheskoi molodezhi Omskoi oblasti: dis. ... kand. ekon. nauk* [features of migratory behaviour of students of the Omsk Oblast: Ph.D. in Economics Dissertation]. Moscow, 2007. 133 p.
3. Denisova G. S., Klimenko L. V. Osobennosti regional'noi identichnosti naseleniya Yuga Rossii [Features of the Regional Identity of The Population in the South of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 7, pp. 25–34.
4. Zaionchkovskaya Zh. A., Mkrtchyan N. V. Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika [Internal Migration in Russia: Legal Practice]. Moscow, 2007. 84 p.
5. Korchak E. A. Migratsionnye protsessy v formirovanii trudovogo potentsiala Murmanskoi oblasti [Migration Processes in the Formation of Labor Potential of the Murmansk Oblast]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 3. Available at: www.science-education.ru/117-13794
6. Krylov M. P. Regional'naya identichnost' v istoricheskom yadre Evropeiskoi Rossii [Regional Identity in the Historical Core of European Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no. 3, pp. 13–23.
7. Lapshina N. I. Migratsiya i marginal'nost' v kontekste sotsiologii sotsial'nogo prostranstva [Migration and Marginality in the Context of Sociology of Social Space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], series 12, issue 1, 2010, pp. 388–394.
8. Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya munitsipal'nykh obrazovaniy [Main Indicators of Socio-Economic State of Municipalities]. *Territor. Organ Feder. sluzhby gos. statistiki po Murm. obl.* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Murmansk Oblast]. Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/municipal_statistics/main_indicators
9. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya do 2030 goda po Murm. obl. [Estimated Population by 2030 in the Murmansk. Oblast]. Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources
10. Rybakovskii L. L. Issledovanie migratsii naseleniya v Rossii [Study of Population Migration in Russia]. *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia], 1998, pp. 215–234.
11. *Chislennost' naseleniya po polu i ot del'nym vozrastnym gruppam na nachalo 2013 goda* [Population by Gender and Selected Age Groups at the Beginning of 2013]. Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population
12. Shibus I. A. *Sotsial'naya i individual'naya identichnost' naseleniya Kol'skogo Severa v kontekste regional'noi identichnosti: avtoreferat dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk* [Social and Individual Identity of the Population of the Kola North in the Context of Regional Identity: Ph.D. in Psychology Dissertation Abstract]. Saint Petersburg, 2006. 23 p.
13. Yudina T. N. O sotsiologicheskom analize migratsionnykh protsessov [Sociological Analysis of Migration Processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, no. 10, pp. 102–109.
14. Kashnitsky I. Migration of Youths in Russia: Impact on Sex-Age Structures. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2013, no. 4 (10), pp. 358–365.
15. Park R. E. Human migration and the marginal man. *American Journal of Sociology*, Chicago, 1928, vol. 33, no. 6, pp. 881–893.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharova Ekaterina Nikolaevna – Ph.D. in Sociology, Associate Professor at the Department of Social Sciences, Senior Research Associate at the Laboratory of Sociological Research. Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Murmansk State Humanities University. 15, Captain Egorov Street, Murmansk, 183720, Russia. E-mail: kateshar1@yandex.ru. Phone: +7(8152) 21-39-64.

УДК 373.6(470.12)
ББК 74.202(2Рос-4Вол)

© Соколова Д.В., Пеева А.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ

СОКОЛОВА ДАРЬЯ ВИТАЛЬЕВНА

инженер-исследователь отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: rozontova@yandex.ru

ПЕЕВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА

инженер-исследователь отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: sashakokoreva@mail.ru

Проблема развития готовности школьников к профессиональному выбору является актуальной не только для российского образования, но и для человеческого потенциала территорий. Новые требования, ориентированные на подготовку выпускника школы к его будущей профессиональной деятельности, стимулируют появление практических моделей и форм психолого-педагогического сопровождения профессиональной ориентации. В связи с этим контроль за эффективностью подобных мероприятий становится первостепенным для любой образовательной организации.

В данной статье представлено описание психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в Научно-образовательном центре Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Обоснована актуальность проблемы, перечислены направления и формы работы в рамках профориентационной деятельности, раскрыта ее практическая значимость для организаций г. Вологды и Вологодской области.

Подробно представлены основные результаты исследования настроений школьников, целью которого является выявление профессиональных предпочтений в 2013/2014 уч. году, а также данные о поступлении выпускников в профессиональные учебные заведения. В ходе сравнительного анализа сделан вывод о том, что в НОЦ ИСЭРТ РАН сложилась

продуктивная система профориентационных мероприятий, которую можно использовать в любой образовательной среде. В качестве перспективы данного исследования со второго полугодия 2014/2015 уч. года введен элективный курс «Профориентация» в десятых классах, который позволит актуализировать процесс самоопределения школьников и сформировать готовность к выбору учебного заведения, карьеры, жизненного пути, что в дальнейшем должно отразиться на кадровом потенциале региона.

Профориентационная работа, профессиональные предпочтения выпускников, научно-образовательный центр, экономическое направление подготовки.

Реформа российского общества предъявляет новые требования к системе образования: необходимо не только организовать образовательный процесс так, чтобы передать знания от старшего поколения к младшему, но и подготовить выпускника школы к его профессиональной деятельности в новой экономической реальности развития страны, региона, муниципалитета.

Правильный выбор профессионального будущего для молодого человека является основой самоутверждения в обществе, одним из главных решений в жизни. Это свидетельствует о необходимости улучшения качества профориентации, которая представляет собой систему подготовки к самостоятельному выбору профессии, учитывающую индивидуальные особенности, потребности личности и рынка труда. Задача сегодняшнего дня – помочь учащимся не только выбрать профессию, но и научить их оценивать свои способности в контексте требований рынка труда [2].

В поиске направлений совершенствования профориентационной работы значительная роль принадлежит идее построения такой учебной деятельности, которая ориентирована на удовлетворение разнообразных потребностей и интересов учащихся [1; 3].

Особенностям профессиональной ориентации школьников в последние десятилетия уделяется большое внимание в научно-практических трудах таких исследователей, как С.Я. Батышева, Л.В. Ботя-

кова, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, А.Д. Сазонова, С.П. Крягжде, К.К. Платонов, З.А. Решетова, Л.М. Митина, И.М. Кондаков, В.Г. Колесников и др.

Однако, несмотря на очевидный интерес ученых к данной теме, профориентационная работа в современном образовании не в полной мере достигает своей главной цели – формирования у обучающихся осознанного выбора профессии [10].

В связи с этим видится необходимость в изучении и разработке практических моделей, описывающих психолого-педагогическое сопровождение школьников в вопросах профессиональной ориентации, в том числе в учреждениях дополнительного образования.

Примером такой модели может служить система работы Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук г. Вологды (далее НОЦ), который является инновационной структурой. В НОЦ готовятся специалисты по ступеням «школьник – студент – аспирант – молодой ученый» для научной деятельности с целью формирования человеческого потенциала региона.

Организация учебного процесса первой ступени обучения (школьников) НОЦ включает в себя деятельность двух взаимодействующих групп. Первая – методическая группа, осуществляющая процесс по экономическому просвещению обучающихся. Вторая – группа психолого-пе-

дагогического сопровождения, которая реализует поддержку школьников НОЦ. В содержание деятельности данных групп включена система познавательных, развивающих, просвещающих и профилактических мероприятий [3; 5].

Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения обучающихся осуществляется непрерывно на протяжении всего учебного года по следующим направлениям [3; 6]:

1) просветительское (предоставление обучающимся информации о мире профессий, знакомство с основными понятиями рынка труда и т. д.);

2) развивающее (формирование у школьников представлений о будущей деятельности в процессе тренинговых занятий);

3) диагностическое (выявление профессиональных предпочтений);

4) консультационное (предоставление школьникам возможности индивидуальных консультаций по вопросам профессионального выбора) (табл. 1).

Одним из методов контроля за эффективностью профориентационной работы в НОЦ является ежегодное проведение анкетирования профессиональных предпочтений с целью установления готовности обучающихся НОЦ к самоопределению в мире профессий.

Цель исследования – выявление профессиональных предпочтений выпускников научно-образовательного центра.

Задачи исследования:

– собрать и проанализировать результаты анкетирования;

– определить доминирующие мотивы обучающихся при выборе профессии;

– выявить готовность выпускников к поступлению в вуз;

– определить выбор направлений деятельности выпускников;

– оценить результативность проводимой обучающимися НОЦ профориентационной работы.

Представим результаты исследования, осуществленного в конце 2013/2014 уч. года. В нем приняли участие 38 обучающихся 11-х классов. В качестве диагностического инструмента была использована «Анкета профессиональных предпочтений», разработанная сотрудниками НОЦ, с помощью которой мы смогли не только узнать о выборе выпускниками того или иного вуза, но и определить доминантные мотивы, которыми руководствуются обучающиеся НОЦ при выборе профессии и образовательного учреждения. В ходе обработки данных респондентов было выявлено, что некоторые из них представили несколько вариантов ответа на

Таблица 1. Мероприятия по профориентационной работе со школьниками НОЦ

Мероприятие	Целевая аудитория	Форма реализации	Содержание
Выявление склонностей обучающихся в рамках диагностики их личностной сферы	8 – 11 кл.	Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей (КОС) по методике В.В. Синявского, В.А. Федоришина	Помощь обучающимся в определении склонностей личности для дальнейшего выбора профессии [7]
Развивающие занятия для старшеклассников	11-е кл.	Занятие «Психологическая подготовка выпускников к экзаменам» и др.	Психологическая подготовка выпускников к предэкзаменационному периоду и т. д. [8]
Заседания Дискуссионного клуба	5 – 11 кл.	Обсуждение актуальных вопросов («Рынок труда в Вологодской области», «Проблема трудоустройства молодежи в Вологодской области»)	Обсуждение вопросов, касающихся профессионального самоопределения школьников, рынка труда, профессий и т. д.
Экскурсии на предприятия и организации г. Вологды	5 – 11 кл.	Экскурсии (КБ «Северный кредит», ОАО «Вологодский оптико-механический завод»)	Ознакомление школьников с предприятиями города, формирование практического интереса к миру профессий
Диагностика профессиональных предпочтений выпускников НОЦ	11-е кл.	Анкета профессиональных предпочтений выпускников	Выявление и анализ профессиональных предпочтений выпускников НОЦ

вопросы анкеты, поскольку сомневаются в правильности своего выбора или не готовы его сделать.

Анализ ответов испытуемых о готовности их к поступлению в вуз выявил, что почти все обучающиеся (97%, 37 чел.) считают себя в большей степени готовыми и только 3% (1 чел.) полагают, что не готовы к поступлению в вуз. Данное распределение свидетельствует о плодотворной подготовке старшеклассников к поступлению в течение всего учебного года и позитивном настрое в отношении своего будущего (рис. 1).

По результатам исследования профессиональных предпочтений можно констатировать, что большинство опрошенных определились с выбором направления, по которому они будут получать образование (рис. 2). Так, 37% (14 чел.) в качестве приоритетного направления выделяют экономическое, что согласуется с профилем обучения в НОЦ. Технические специальности выбрали для себя 26% опрошенных (10 чел.), юридические – 21% (8 чел.), сферу медицины – 11% (4 чел.), педагогические специальности – 4% (1 чел.). Свой вариант ответа предлагают 11% испытуемых (4 чел.): они выбрали для себя экологическое, искусствоведческое, культурологическое, дизайнерское направления будущего обучения.

Также анкетирование выявило, что большая часть опрошенных (89%, 34 чел.) определилась, в какой вуз будет поступать для реализации своих профессиональных предпочтений. Вместе с тем 8% (3 чел.) затрудняются с выбором, а 3% (1 чел.) на момент проведения диагностики еще не определились с учебным заведением (рис. 3). Поскольку обучающиеся НОЦ рассматривают несколько вариантов, то окончательное решение примут после сдачи ЕГЭ.

При анализе ответов о выборе вуза следует отметить, что большинство школьников (69,2%, 26 чел.) ориентируется на учебные заведения г. Вологды (рис. 4).

Ответы данной группы обучающихся распределились следующим образом. Доля испытуемых, выбравших Вологодский государственный университет, составляет 37% (14 чел.), филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде – 13% (5 чел.), филиал МГЮА им. О.Е. Кутафина – 11% (4 чел.), Вологодский филиал РАНХиГС – 5,2% (2 чел.), Вологодскую молочнохозяйственную академию им. Н.В. Верещагина – 3% (1 чел.).

Остальные обучающиеся НОЦ планируют поступать в вузы других крупных городов. Так, 16% испытуемых (6 чел.) остановили свой выбор на Санкт-Петербургском государственном эконо-

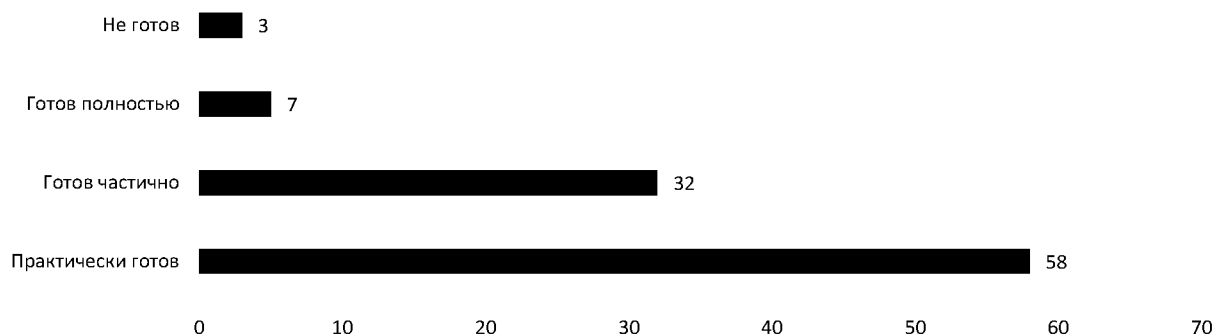

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свою готовность к поступлению в вуз?», % от числа опрошенных

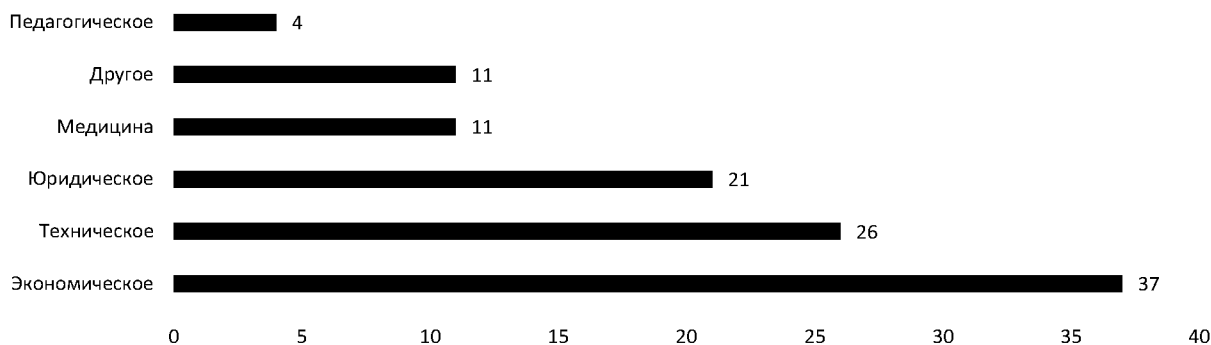

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «С каким направлением Вы планируете связать свою будущую профессию?», % от числа опрошенных

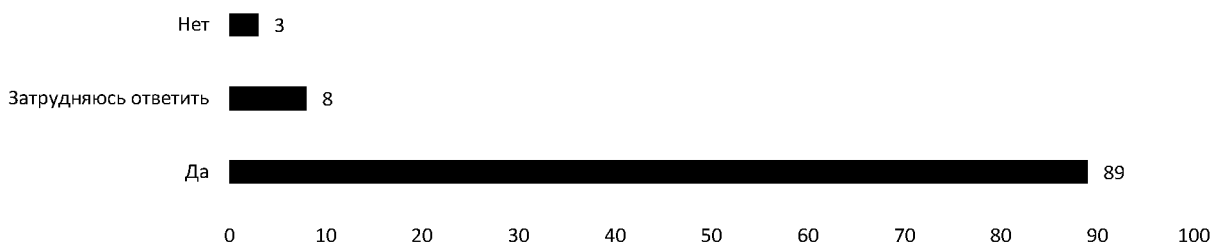

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Определились ли Вы с выбором вуза?», % от числа опрошенных

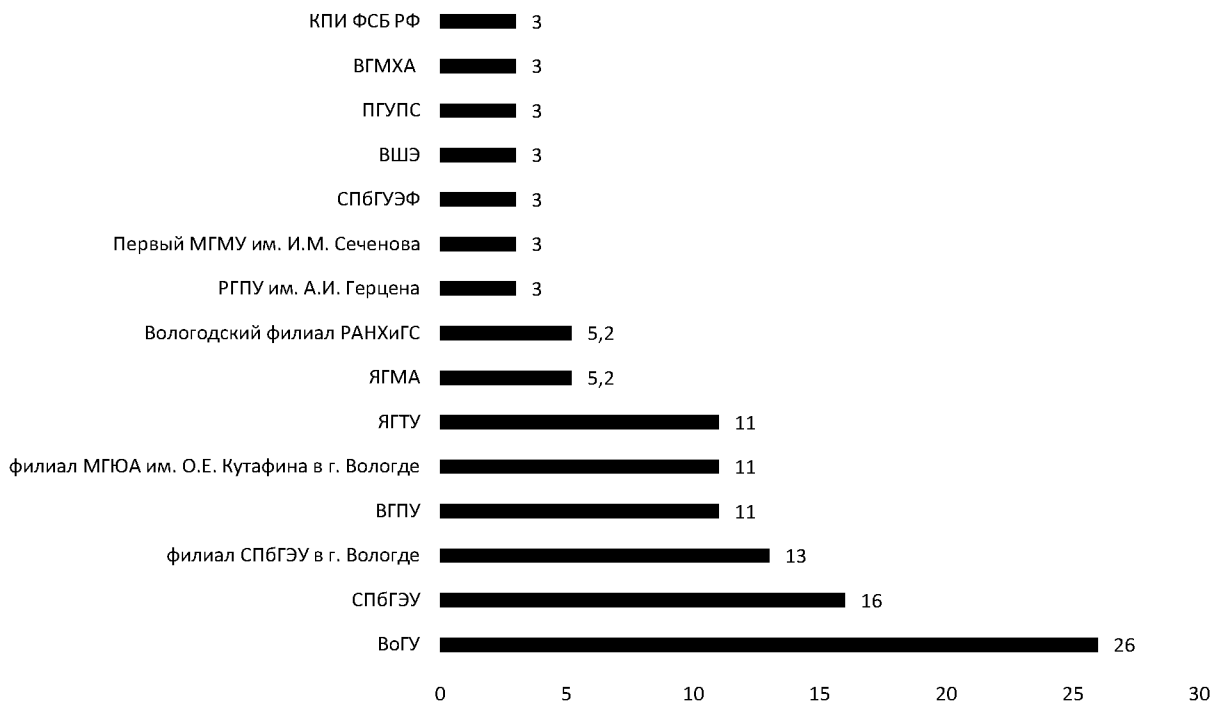

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В какой вуз Вы планируете поступать?», % от числа опрошенных

мическом университете, 11% (4 чел.) – на Ярославском государственном техническом университете, 11% (4 чел.) – на Ярославской государственной медицинской академии.

Отдельные учащиеся старших классов (по 3% – 1 чел.) остановили свой выбор на следующих вузах: Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, Первом Московском государственном медицинском университете им. И.М. Сеченова, Санкт-Петербургском государственном университете экономики, Высшей школе экономики, Петербургском государственном университете путей сообщения Императора Александра I, Калининградском пограничном институте Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Рассматривая все вузы, выбранные старшеклассниками, можно отметить, что почти все они имеют экономический профиль, что свидетельствует о приоритетности и популярности данного направления.

Причины выбора того или иного вуза обучающимися неоднородны. Наиболее важными, по мнению опрошенных, являются следующие:

- собственные интересы и увлечения (71%, 27 чел.), это характеризует ценностную основу выбора, ориентацию испытуемых, прежде всего, на собственные предпочтения и пристрастия;

- высокое качество подготовки в вузе (47,4%, 18 чел.), такой выбор дает представление о том, что обучающиеся ориентированы, прежде всего, на качество будущего образования, от которого будет зависеть их профессионализм как специалистов и, соответственно, востребованность на рынке труда;

- престижность учебного заведения (34%, 13 чел.);

- востребованность профессии на рынке труда (26,3%, 10 чел.);

- наличие бюджетных мест (15,8%, 6 чел.);

- приемлемая стоимость обучения (5,3%, 2 чел.).

Таким образом, по результатам анкетирования можно сказать, что исследуемые школьники психологически готовы к поступлению в высшие учебные заведения, имеют четкое представление о том, куда они планируют поступать и какую профессию получать, ориентированы на качественное продолжение своего образования.

Кроме того, ежегодно в НОЦ проводится сбор данных о поступлении выпускников в учебные заведения. Так, в 2013/2014 уч. году научно-образовательным центром было выпущено 54 школьника, из них 45 человек (83%) обучались в 11-х классах МОУ «Лицей № 32» и 9 человек (17%) – в 11-м общегородском классе [9].

В 2013/2014 уч. году из 54 выпускников очного факультатива НОЦ в высшие учебные заведения г. Вологды, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Ярославля поступили 52 обучающихся, что составляет 96% от общего количества выпускников. Один из выпускников продолжил свое образование в США в колледже «Футхилл» (2% от общего числа). В целом удельный вес зачисленных в вузы составил 98%. Для сравнения в период с 2010/2011 уч. года по 2012/2013 уч. год доля поступающих варьировалась в диапазоне от 90 до 93%. Результаты выбора учащимися вузов и поступления в них свидетельствуют о повышении общего уровня подготовки обучающихся НОЦ (рис. 5).

Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Вологды, 31 человек (57,4%), из них в ВоГУ поступили 22 человека (40%), в ВГМХА им. Н.В. Верещагина – 1 человек (2%), в филиал МГЮА имени О.Е. Кутафина – 5 человек (9%), в Вологодский институт экономики и права Федеральной службы исполнения наказаний – 1 человек (2%), в Вологодский институт бизнеса – 1 человек (2%),

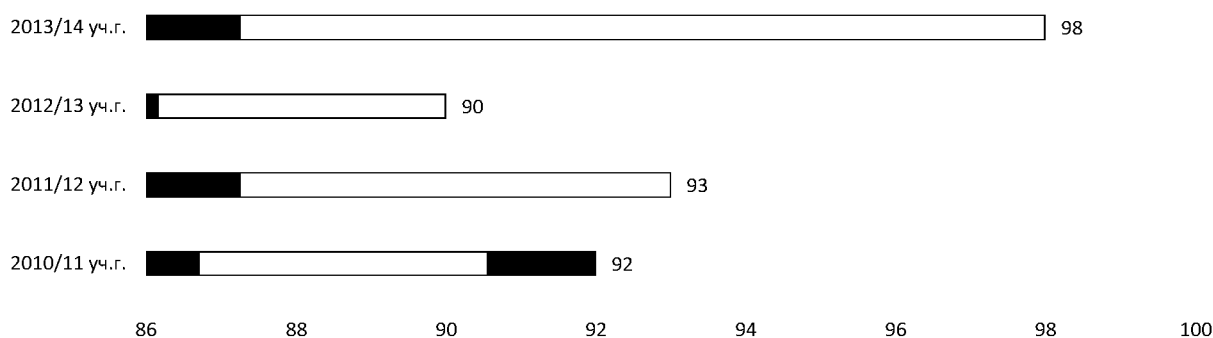

Рис. 5. Динамика поступления учащихся НОЦ в высшие учебные заведения в 2010/2011 – 2013/2014 уч. гг., % от числа опрошенных

Таблица 2. Результаты поступления в профессиональные учебные заведения выпускников НОЦ в 2013/2014 уч. году

Показатель	Всего, чел.	% от общего количества
1. Численность выпускников	54	100
2. Численность выпускников, поступивших в вузы России	53	98
нет данных	1	2
3. Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Вологды, из них:	32	59
ВоГУ	22	40
ВГМХА им. Н.В. Верещагина	1	2
Филиал МГЮА в г. Вологде	5	9
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний	1	2
Вологодский институт бизнеса	1	2
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова	1	2
4. Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Санкт-Петербурга	10	19
5. Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Москвы	6	11
6. Численность выпускников, поступивших в учебные заведения других городов	5	9
7. Численность выпускников, поступивших в учебные заведения других стран (США, Фухилл)	1	2
8. Численность выпускников, поступивших на экономические специальности	17	32
9. Численность выпускников, выбравших направления, обучение по которым организовывалось в рамках учебного процесса НОЦ (экономика, математика, информатика)	22	41

в Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (филиал в г. Вологде) – 1 человек (2%) (табл. 2).

Доля зачисленных в 2013/2014 уч. году только на экономические специальности составляет 32% (17 чел.). В сравнении с 2010/2011 уч. годом удельный вес обучающихся, выбравших экономические специальности, остался на прежнем уровне (рис. 6).

С целью определения эффективности профориентационной работы в НОЦ сравним предпочтения школьников и реальные показатели их поступления в

учреждения профессионального образования, представленные в таблице 3. Плановые показатели по выбору учреждения для дальнейшего обучения практически полностью были реализованы выпускниками этого года. Наибольшее совпадение предпочтений и фактического результата поступления наблюдается в Вологодском государственном университете (37 и 40% соответственно), филиале МГЮА им. О.Е. Кутафина (11 и 9% соответственно). Также нужно отметить небольшую разницу

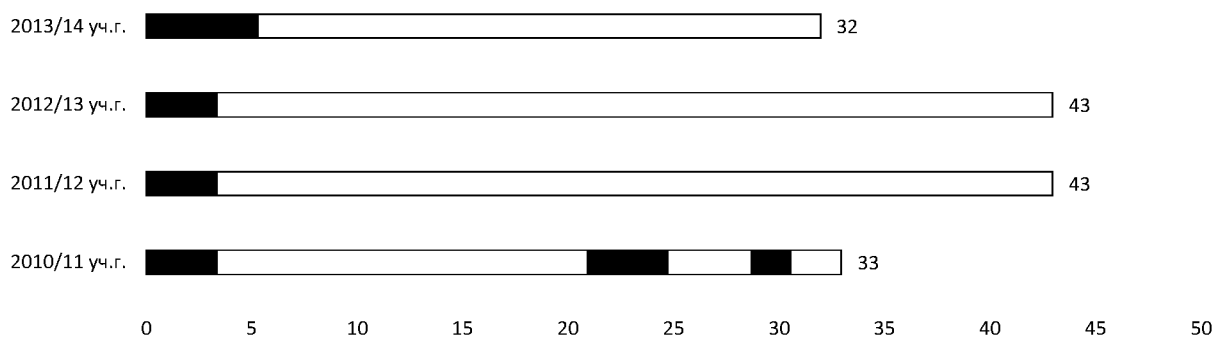

Рис. 6. Динамика поступления обучающихся НОЦ в высшие учебные заведения за 2010/2011 – 2013/2014 уч. гг., % от числа опрошенных

Таблица 3. Результаты обозначенных предпочтений и фактических поступлений в учреждения профессионального образования выпускников НОЦ в 2013/2014 уч. г.

Выбранный вуз	Предпочтения (%)	Фактический показатель (%)
Вузы г. Вологды и Вологодской области		
Вологодский государственный университет	37	40
Филиал СПбГЭУ в г. Вологде	13	0
Филиал МГЮА им. О.Е. Кутафина	11	9
РАНХиГС (ВФ)	5,2	0
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина	3	2
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (ВФ)	0	2
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний	0	2
Вологодский институт бизнеса	0	2
Вузы страны и других стран		
Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Москвы	6	11
Численность выпускников, поступивших в учебные заведения г. Санкт-Петербурга	25	19
Численность выпускников, поступивших в учебные заведения других городов	25	9
Численность выпускников, поступивших в учебные заведения других стран (США, Фухилл)	0	2
Численность выпускников, поступивших на экономические специальности	37	32

(5%) в количестве выпускников, предпочитающих экономическое направление обучения (37%) и поступивших на экономические специальности (32%).

Таким образом, проведенная в 2013/2014 уч. году профориентационная работа в НОЦ и анкетирование выпускников 11-х классов позволили сделать вывод о результативности мероприятий, проводимых с обучающимися, которые ориентируют их на поступление в высшие учебные заведения.

В целях развития профориентационной работы в научно-образовательном центре в учебную программу для десятых классов введен элективный курс

«Профориентация» со второго полугодия 2014/2015 уч. года. Темы, которые будут рассмотрены в рамках курса, имеют широкую направленность: «Классификации профессий», «Составление резюме», «Здоровье и выбор профессии», «Система профессионального образования» и т. д.

На занятиях планируется использовать различные формы работы: информационное сообщение, групповые и индивидуальные формы работы на уроках, выполнение практических заданий, экскурсии на предприятия и в учебные центры г. Вологды, онлайн-экскурсии, встречи с представителями разных профессий, деловые игры, творческие работы, дискуссии [4; 11].

Внедрение нового элективного курса в десятых классах позволит развить интерес к профессиям экономического направления, актуализировать процесс профессионального самоопределения обучающихся и сформировать готовность к обоснован-

ному профессиональному выбору учебного заведения, карьеры, жизненного пути, который предстоит сделать в выпускном классе. Данная работа будет способствовать формированию качественного человеческого потенциала территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеер, Э. Ф. Профориентология: теория и практика [Текст] : учеб. пособие для высшей школы / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Н. О. Садовникова. – М. : Академический Проект, 2004. – 192 с.
2. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения [Текст] : учеб. пособие для вузов / А. Климов – М. : Академия, 2010. – 304 с.
3. Королева, И. А. Психолого-педагогическое сопровождение профориентационной работы со школьниками [Текст] / И. А. Королева, А. Б. Кулакова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 83–92.
4. Кулакова, А. Б. Психологический аспект мотивации учебной деятельности обучающихся в образовательном процессе [Текст] / А. Б. Кулакова, Д. В. Розонтова // Проблемы и перспективы современной науки : сб. материалов I Междунар. науч. конф., г. Ставрополь. 13 апреля 2014 г. – Ставрополь, 2014. – С. 113–117.
5. Леонидова, Г. В. Научно-образовательный центр как основа профильного обучения в системе экономического образования в регионе [Текст] / Г. В. Леонидова, О. Н. Политова // Проблемы развития территории. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН. – 2004. – Вып. 25. – С. 64–65.
6. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст] / В. А. Ильин, А. А. Шабунова, В. И. Попова, Г. В. Леонидова, О. Ю. Гарманова, С. Ю. Егорихина, И. А. Королева, А. Б. Кулакова, Ж. В. Фомина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Кн. 1 : Подсистема дополнительного школьного образования. – 138 с.
7. Розонтова, Д. В. Влияние психолого-педагогических условий на процесс адаптации школьников НОЦ ИСЭРТ РАН [Текст] / Д. В. Розонтова // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 2 (12). – Режим доступа : <http://goo.gl/TXQsRa>
8. Розонтова, Д. В. Формирование коммуникативных способностей обучающихся в условиях развивающей среды НОЦ ИСЭРТ РАН [Текст] / Д. В. Розонтова, А. Б. Кулакова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 5 (73) – С. 69–77.
9. Сеничева, Н. Н. Методическое и информационное сопровождение образовательного процесса на примере ИСЭРТ РАН [Текст] / Н. Н. Сеничева, Д. В. Соколова // Проблемы и перспективы современной науки : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., г. Ставрополь, 30 ноября 2014 года. – Ставрополь, 2014. – С. 57–62.
10. Скоблева, Э. И. Высшее профессиональное образование как институциональная система [Текст] / Э. И. Скоблева // Вестник АГТУ. – 2010. – № 2. – С. 28–35.
11. Фомина, Ж. В. Развитие творческих способностей обучающихся Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН [Электронный ресурс] / Ж. В. Фомина, А. Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 1 (11). – Режим доступа : <http://goo.gl/uUibpk>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколова Дарья Витальевна – инженер-исследователь отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: rozontova@yandex.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Пеева Александра Алексеевна – инженер-исследователь отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие. Фе-

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: sashakokoreva@mail.ru Тел.: (8172) 59-78-10.

Sokolova D.V., Peeva A.A.

CAREER GUIDANCE OF STUDENTS AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

The problem to develop students' readiness to making a professional choice is relevant not only for Russian education, but also for human potential of territories. The new requirements that focus on training school leavers for their future professional activity stimulate the emergence of practical models and forms of psychological and pedagogical support of professional orientation. In this regard, the monitoring of the effectiveness of such activities becomes paramount for any educational organization.

This article presents the description of psychological and pedagogical support of professional self-determination of students at the ISEDT RAS Research-and-Educational Center. It justifies the urgency of problems, lists directions and forms of work in the framework of career guidance and discloses its practical significance for organizations of Vologda and the Vologda Oblast.

The work presents the main results of the study of students' attitudes, aimed at identification of occupational preferences in the 2013/2014 academic year, as well as the data on the leavers' entry to professional educational establishments. The comparative analysis shows that the ISEDT RAS REC has developed a productive system of career guidance activities that can be used in any educational environment. In the second semester of the 2014/2015 academic year the elective course "Career guidance" was introduced for the 10th form as a perspective of this study. It will help actualize the process of self-determination of pupils and develop readiness for the choice of an educational institution, career, life path that in future will influence human potential of the region.

Career guidance, professional preferences of leavers, Research-and-Educational Center, economic field of training.

REFERENCES

1. Zeer E. F., Pavlova A. M., Sadovnikova N. O. *Proforientologiya: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya vyshej shkoly* [Career Guidance: Theory and Practice: Textbook for High Schools]. Moscow : Akademicheskii Proekt, 2004. 192 p.
2. Klimov E. A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Psychology of Professional Self-Determination: Textbook for Universities]. Moscow : Akademiya, 2010. 304 sp.
3. Koroleva I. A., Kulakova A. B. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie proforientatsionnoi raboty so shkol'nikami [Psychological and Pedagogical Support of Professional Orientation Work with Students]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no. 3 (65), pp. 83–92.
4. Kulakova A. B., Rozontova D. V. Psikhologicheskii aspekt motivatsii uchebnoi deyatel'nosti obuchayushchikhsya v obrazovatel'nom protsesse [The Psychological Aspect of Motivation of Educational Activity of Students in the Educational Process]. *Problemy i perspektivy sovremennoi nauki : sb. materialov I Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems and Prospects of Modern Science : Materials of the I International Scientific Conference], Stavropol, 2014, pp. 113–117.
5. Leonidova G. V., Politova O. N. Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr kak osnova profil'nogo obucheniya v sisteme ekonomicheskogo obrazovaniya v regione [Research-and-Educational Center as a Basis for Specialized Courses in the System of Economic Education in the Region]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], Vologda : VNKTs TsEMI RAN, 2004, issue 25, pp. 64–65.
6. Ilyin V. A., Shabunova A. A., Popova V. I., Leonidova G. V., Garmanova O. Yu., Egorikhina S. Yu., Koroleva I. A., Kulakova A. B., Fomina Zh. V. *Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr ISERT RAN: 10 let. Ot idei do realizatsii* [ISEDT RAS Research-and-Educational Center: 10 Years. From Idea to Implementation]. Vologda : ISERT RAN, 2013. 138 p.

7. Rozontova D. V. Vliyanie psikhologo-pedagogicheskikh uslovii na protsess adaptatsii shkol'nikov NOTs ISERT RAN [Influence of Psycho-Pedagogical Conditions on the Process of Adaptation of ISEDT RAS REC Students]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of Territorial Development], 2014, no. 2 (12). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3575>
8. Rozontova D. V., Kulakova A. B. Formirovanie kommunikativnykh sposobnostei obuchayushchikhsya v usloviyakh razvivayushchei sredy NOTs ISERT RAN [The Formation of Communicative Abilities of Students in the Conditions of the Developmental Environment of ISEDT RAS]. *Problemy razvitiya territorii* [Issues of Territorial Development], 2014, no. 5 (73), pp. 69–77.
9. Senicheva N. N., Sokolova D. V. Metodicheskoe i informatsionnoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa na primere ISERT RAN [Methodological and Information Support of the Educational Process on the Example of ISEDT RAS]. *Problemy i perspektivy sovremennoi nauki: sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems and Prospects of Modern Science : Materials of the I International Scientific Conference], Stavropol, 2014, pp. 57–62.
10. Skobleva E. I. Vysshee professional'noe obrazovanie kak institutsional'naya sistema [Higher Education as an Institutional System]. *Vestnik AGTU* [Vestnik of Astrakhan State Technical University.], 2010, no. 2, pp. 28–35.
11. Fomina Zh. V., Kulakova A. B. Razvitie tvorcheskikh sposobnostei obuchayushchikhsya Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra ISERT RAN [Development of Creative Abilities of Students of ISEDT RAS Research-and-Educational Center]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of Territorial Development], 2014, no. 1 (11). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3494>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolova Dar'ya Vital'evna – Research Engineer at the Department for the Studies of the Influence of Integration Processes in Science and Education on Territorial Development. Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: rozontova@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Peeva Aleksandra Alekseevna – Research Engineer at the Department for the Studies of the Influence of Integration Processes in Science and Education on Territorial Development. Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: sashakokoreva@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Экономическая безопасность

УДК 316.65(470.12)

ББК 60.527

© Дементьева И.Н.

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук

E-mail: irinika_74@mail.ru

Формирование и развитие социальной напряженности в обществе представляет потенциальную угрозу национальной безопасности в масштабах страны и на уровне регионов РФ с точки зрения возможности возникновения деструктивных форм социального взаимодействия, конфликтов, социально-политических «взрывов», т. е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые протестные действия, оказывающие негативное воздействие на систему властных отношений.

Одним из проявлений социальной напряженности является формирование протестного потенциала населения, который предполагает намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях.

В статье представлены результаты мониторинговых исследований динамики потенциала протеста на территории Вологодской области. Дана характеристика протестных настроений в различных социально-демографических группах населения региона. Проанализированы факторы формирования протестных настроений.

Исследование проведено на основе данных регулярного мониторинга, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН на территории Вологодской области.

Социальная напряженность, потенциал протеста, национальная безопасность, социальный конфликт, социальное самочувствие.

Проблема обеспечения национальной безопасности вызывает сегодня серьезную озабоченность общественных и государственных деятелей, ученых, всех граждан России. В Стратегии националь-

ной безопасности Российской Федерации до 2020 года термин «национальная безопасность» формулируется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних

угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [13].

В современной литературе, посвященной проблематике национальной безопасности, в качестве одной из ее возможных угроз рассматриваются социальные конфликты, которые создают опасность жизненно важным процессам жизнедеятельности нации, ослабляют устойчивость ее существования, ставят под удар само ее существование [1]. Социальными конфликтами охвачены многие сферы жизни российского общества: социально-экономическая, политическая, межнациональных отношений и т. п. Наиболее открытой формой выражения социального конфликта могут быть разного рода массовые действия. Массовый протест как активная форма защиты своих интересов от посягательств извне может быть организованным или стихийным, прямым или косвенным, принимать характер насилия или ненасилия. Формами выражения протеста могут быть митинги, демонстрации, пикетирование, кампании гражданского неповиновения, забастовки, голодовки, прогулы, «протестное голосование», терроризм, экстремистские акции, жалобы, обращения в суд, вооруженная борьба и т. д. [12].

В современной России протестное движение зародилось в конце 80-х гг. прошлого века. В первые перестроечные годы население страны ожидало быстрые и ощутимые перемены во многих областях жизни и, прежде всего, в самых насущных вопросах. При этом наряду с ростом ожиданий происходила политизация массового сознания. Нарастал разрыв между первоначальными ожиданиями и ухудшением положения дел в реальности. Это в свою очередь привело к явлениям фрустрационного порядка и нара-

танию активности участия в различных формах протеста. Пик этой активности приходился на период 1990 – 1991 гг.

В 90-е гг. показатели социального недовольства то усиливались, то слабели. Наблюдалось резкие всплески этих показателей, например, весной 1997 года, на пике неплатежей, или осенью 1998 года в результате дефолта [14].

С началом нового десятилетия произошел спад социального недовольства и протестной активности россиян. Это объяснялось повышенным электоральным ожиданием в отношении нового Президента РФ Путина, надеждами на укрепление государства, наведение порядка, усиление борьбы с коррупцией и т. п. и благоприятной экономической конъюнктурой на мировом рынке энергоносителей, которая позволяла правительству решить многие финансовые проблемы – ликвидировать задержки платежей, повысить зарплаты и пенсии и т. д. Этот период сопровождался и вспышками социального недовольства. В начале 2005 года, после введения в действие закона о «монетизации льгот», например, недовольство выплеснулось на улицы и, более того, приобрело политический характер (требование отставки правительства и т. п.).

После 2005 года в России появились активные и долговременные протестные движения. Первым направлением такой долговременной борьбы стали экологические протесты – борьба против ухудшения окружающей среды (против загрязнения воды и воздуха, против вырубки лесов, против точечной застройки крупных городов). На втором месте находился жилищный вопрос, который чаще всего возникал в виде борьбы обманутых дольщиков. Заметное место в социальном протесте в этот период занимали забастовки и трудовые конфликты с требованиями либо выплаты долгов по заработной плате, либо повышения платы, которые, од-

нако, не выходили за рамки конкретных предприятий. Бытовые протесты 2000-х гг. представляли собой весьма широкий круг акций, включая протест против повышения цен на продовольствие, протесты против реформы городского транспорта в ряде городов России (Казань, Красноярск, Петербург), против перебоев в подаче воды, газа и тепла (Махачкала, Якутск), против самоуправства административных органов и др.

Следующий этап роста протестной активности связан с реакцией населения на изменение социально-экономической ситуации в условиях мирового финансового кризиса, затронувшего и Россию. С сентября 2008 года наблюдалось нарастание уровня конфликтности в обществе. Это выражалось в увеличении числа протестных акций, которые становились многоактными, т. е. протекающими в несколько этапов, причем на каждом этапе выбирались разные формы выражения протеста [3]. Уровень социальной напряженности в 2009 году во многом был связан с усилением воздействия кризисных процессов на экономику страны.

Новый подъем протестного движения начался в конце 2011 года. Поводом для массовых митингов стали подозрения в фальсификации результатов парламентских выборов и использовании административного ресурса, возмущение очередной рокировкой первых лиц государства. Протестные настроения граждан отчетливо проявились в ходе парламентских выборов 4 декабря 2011 года. «Единая Россия» потеряла практически треть электората. Самый высокий протестный потенциал был сосредоточен в больших городах. Именно на этом социально-политическом фоне стал возможен взрыв политического протеста конца 2011 – начала 2012 года.

В настоящее время наблюдается определенное ослабление выраженности социального возмущения на поведенческом уровне. Однако по данным Левада-Центра в 2014 году каждый пятый житель России указывал на вероятность протестных выступлений, а 13% декларировали готовность принять личное участие в массовых протестных акциях (рисунок). В этих условиях особую актуальность и значимость приобретает изучение протестных настроений, латентной формы

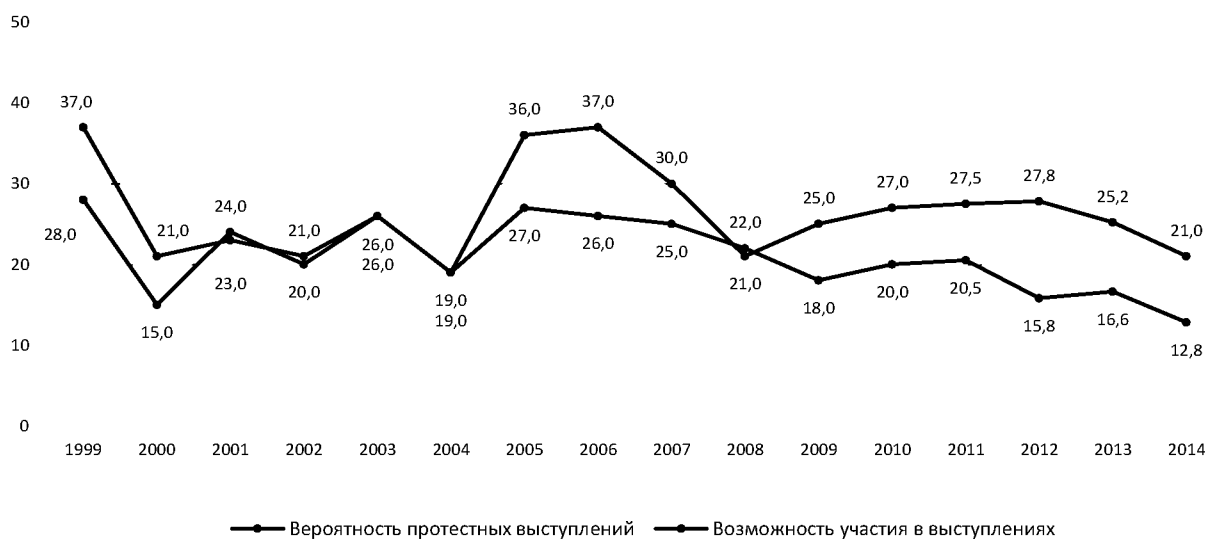

Рис. Вероятность массовых акций протеста и возможность участия в них, % от числа опрошенных
 Источник: Данные Левада-Центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru>

социального протеста. Протестный потенциал населения, под которым понимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях, представляет серьезную угрозу национальной безопасности территории в плане возможности перерастания его в активные протестные выступления.

Начиная с 1995 года, в рамках регулярного мониторинга общественного мнения Институт социально-экономического развития территорий РАН (до сентября 2009 года Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН) отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона¹. Потенциал протеста составляют респонденты, отвечающие на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады». Речь идет о том, что человек допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся определенным эмоциональным настроением, не обязательно тождественным активному социальному поведению.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год. В каждом опросе участвуют 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением;
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- половозрастной структуры взрослого населения области.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Ошибка выборки не превышает 3%.

В настоящей статье представлен анализ основных тенденций, а также социально-экономических и общественно-политических аспектов формирования протестного потенциала в Вологодской области. Это исследование основано на данных регулярного мониторинга, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН на территории региона.

Анализ регулярных наблюдений по Вологодской области показал, что за период с 2000 по 2014 гг. протестный потенциал в Вологодской области снизился (на 6 п. п.), однако в последние годы (2010 – 2014) существенных изменений не происходит: доля жителей, проявляющих протестные настроения, сохраняется на уровне 17 – 20% (табл. 1).

Следует отметить, что в «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных акций («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%), по сравнению с теми, кто высказывает готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 4%). Причем доля последних за период с 2000 по 2014 гг. сократилась почти в 2 раза.

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим настроением и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения социального конфликта.

В гендерном разрезе намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у представителей мужского пола (в среднем за 2014 год – 22%) по сравнению с женским (16%), т. е. мужчины более склонны к проявлению протестных настроений, чем женщины (табл. 2).

Склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастной категории от 30

Таблица 1. Динамика потенциала протеста в Вологодской области, % от числа опрошенных

	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.	
													к 2013 г.	к 1998 г.
Потенциал протеста	39,6	24,3	32,2	26,3	20,7	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	+1	-21
Выйду на митинг, демонстрацию	10,6	8,0	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	+1	0
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	14,2	7,7	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	0	-10
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	14,9	8,6	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	0	-11

Таблица 2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения, %

	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.	
													к 2013 г.	к 1998 г.
Пол														
Мужской	44,1	29,4	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	+2	-22
Женский	30,4	20,9	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	0	-14
Возраст														
до 30 лет	37,0	25,2	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	0	-19
30 – 55 лет	41,5	27,2	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	+2	-22
старше 55 лет	27,9	18,0	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	+1	-10
Образование														
Н/среднее и среднее	32,0	20,9	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	+5	-10
Среднее специальное	39,6	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	-1	-22
Н/высшее и высшее	32,7	22,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	0	-16
Доходная группа														
20% наименее обеспеченных	45,8	27,5	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	+1	-23
60% среднеобеспеченных	34,9	24,6	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	+3	-16
20% наиболее обеспеченных	28,8	21,1	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	-4	-19
Территория														
Вологда	20,6	24,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	-1	-2
Череповец	21,9	21,1	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	+5	+1
Районы	57,5	25,9	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	+1	-41

до 55 лет (19%), а также лицам, имеющим неполное среднее и среднее образование (22%). В зависимости от уровня доходов наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (22%) и в 60%-й категории людей со средним достатком (19%); в разрезе территорий области – в Череповце (22%). По сравнению с 2013 годом доля «протестующих» в данных категориях несколько возросла.

Многолетние регулярные социологические исследования, проводимые Институтом социально-экономического раз-

вития территорий РАН на территории Вологодской области, позволяют проанализировать социально-экономические и общественно-политические детерминанты потенциальной протестной активности в регионе [6]. Были выделены 3 группы факторов:

1. Негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением деятельности властей.

2. Неудовлетворенность населения собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и области.

3. Низкий уровень запаса социально-го терпения и негативное эмоционально-психологическое состояние населения.

Как показывают данные социологических измерений, главным фактором накопления скрытой протестной активности является отношение населения к деятельности различных структур и институтов власти.

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряженную, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем за 2014 год – 27 против 11%; табл. 3).

Не исключает возможности своего участия в протестных акциях в среднем в 2014 году 45% жителей области, негативно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 10% населения,

«полностью и в основном одобряющего» политику главы государства. При этом среди тех, кто негативно относится к деятельности главы государства, протестные настроения по сравнению с 2013 годом усилились.

В среднем в 2014 году 40% населения Вологодской области, отрицательно относящегося к деятельности Правительства РФ, допускает возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет восходящую динамику. В категории жителей области, придерживающихся противоположного мнения, «протестная группа» почти в 6 раза меньше (7%).

Наиболее высокий уровень протестного потенциала в зависимости от оценок деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобрительно отзывающихся

Таблица 3. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок политической ситуации и деятельности властей, %

	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.	
												к 2013 г.	к 1998 г.
Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?													
Благополучная, спокойная	19,6	16,8	31,3	17,8	16,2	15,1	11,8	10,1	12,2	9,9	11,1	+1	-9
Напряженная, критическая, взрывоопасная	38,7	28,8	37,2	29,0	27,1	32,9	32,9	32,6	30,4	26,7	27,4	+1	-11
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?													
Полностью и в основном одобряю	20,1	24,0	29,8	18,6	17,9	18,7	13,5	7,9	11,4	7,9	9,9	+2	-10
Полностью и в основном не одобряю	44,6	36,0	45,9	38,5	36,6	42,8	45,7	52,2	38,9	40,1	44,9	+5	0
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Правительства РФ?													
Полностью и в основном одобряю	31,5	22,9	31,0	16,4	16,7	18,8	12,4	6,3	8,8	6,1	7,4	+1	-24
Полностью и в основном не одобряю	43,7	33,7	41,6	34,0	34,1	39,5	39,2	46,1	38,2	37,1	40,2	+3	-4
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора области?													
Полностью и в основном одобряю	30,4	23,5	29,6	17,5	16,0	18,9	12,0	6,3	10,1	7,3	6,9	0	-24
Полностью и в основном не одобряю	47,8	35,8	42,5	32,1	32,9	36,5	39,3	47,2	38,3	37,4	34,1	-3	-14
Как Вы оцениваете деятельность глав местных администраций?													
Полностью и в основном одобряю	31,0	22,3	29,7	17,8	16,9	18,6	11,8	6,8	10,3	5,8	8,4	+3	-23
Полностью и в основном не одобряю	46,7	33,5	40,2	26,5	26,9	33,3	34,5	41,0	35,6	35,4	33,7	-2	-13

о работе губернатора, глав местных администраций. Доля «протестующих» в соответствующих категориях составляет по 34%. Среди жителей региона, «полностью и в основном одобряющих» работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 7 и 8% соответственно.

Таким образом, неодобрение деятельности властных структур, в большей степени – федерального уровня, является существенным фактором, детерминирующим усиление социальной напряженности в регионе.

Следующую группу факторов, влияющих на изменение протестного поведения, составляют индикаторы, отражающие оценки экономической ситуации в стране и регионе, а также материальное положение населения.

Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем потенциальной протестной активности отличаются жители области, негативно оцениваю-

щие экономическое положение России (в среднем в 2014 году – 34%) и области (30%; табл. 4). Среди тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», доля «протестующих» составляет только 5 и 4% соответственно.

По оценкам, протестные настроения чаще присущи жителям области с негативными характеристиками материального положения своей семьи (в среднем в 2014 году – 36%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (6%). Причем, если в 2005 – 2006 гг. разрыв между этими категориями по уровню потенциала протеста был несущественным, то в 2010 году он составил уже 2,2 раза, в 2013 году – 4,7 раза, в 2014 году – 6,4 раза.

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем

Таблица 4. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социально-экономической ситуации, материального положения, %

	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.	
												к 2013 г.	к 1998 г.
Как бы Вы оценили экономическое положение России?*													
Очень хорошее и хорошее	н. д.	н. д.	32,7	22,6	18,6	19,0	11,1	11,5	16,5	7,9	5,3	-3	-
Очень плохое и плохое	н. д.	н. д.	37,3	33,5	31,7	28,1	33,0	30,7	36,1	30,1	33,5	+3	-
Как бы Вы оценили экономическое положение области?*													
Очень хорошее и хорошее	н. д.	н. д.	39,7	20,1	17,9	19,7	10,1	11,6	13,9	7,6	3,8	-4	-
Очень плохое и плохое	н. д.	н. д.	34,9	35,3	30,5	27,9	32,7	36,0	34,7	28,7	30,4	+2	-
Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?*													
Очень хорошее и хорошее	н. д.	н. д.	39,9	17,2	18,1	26,7	14,2	10,8	13,7	6,0	5,7	0	-
Очень плохое и плохое	н. д.	н. д.	33,3	33,0	32,5	32,8	30,8	33,9	35,9	33,1	36,2	+3	-
Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?*													
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	16,7	20,1	28,4	15,6	14,2	17,2	13,5	12,1	11,0	6,4	5,6	0	-11
Денег достаточно для покупки необходимых товаров	33,5	23,6	33,2	20,7	18,7	21,3	16,9	15,6	17,3	13,0	13,3	0	-20
Денег хватает в лучшем случае на еду	44,2	25,3	32,1	23,3	23,7	25,1	27,1	29,6	28,4	29,2	33,2	+4	-11
К какой категории Вы себя относите?*													
Богатым и среднеобеспеченным	23,5	19,0	29,2	15,5	15,0	19,8	11,8	10,5	12,1	8,8	9,1	0	-14
Бедным и нищим	44,0	28,5	36,3	28,3	27,0	27,5	29,7	30,7	30,5	27,0	28,5	+2	-16

*Вопрос задается с 2003 года.

**Вопрос задается с 2005 года.

в 2014 году – 29%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 9% жителей области допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2 – 1,5 раза. В 2010 году этот разрыв составил 2,5 раза, в 2013 году – 2,7 раза, в 2014 году – 3,1 раза. Это произошло благодаря увеличению доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду» – 33%). Причем в 2014 году протестные настроения в данной категории усиливаются.

В целом негативные оценки социально-экономической ситуации и материального положения населения являются значимым фактором формирования протестных настроений жителей региона.

Третья группа факторов, влияющих на уровень потенциала протеста, относится к социальному самочувствию жителей области.

В зависимости от оценок социального настроения наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых вы-

ступлениях проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску» – в среднем в 2014 году – 38%). При этом доля «протестующих» в данной категории по сравнению с 2013 годом заметно выросла. Удельный вес «протестующих» в категории людей, находящихся в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», составляет в среднем по области 12% и имеет явную тенденцию к снижению (табл. 5).

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – в среднем 40%). Причем по сравнению с 2013 годом протестные настроения в данной категории усилились. Протестный потенциал той части населения, которая высказывает позитивные суждения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»), более чем в 2 раза ниже (15%).

Таким образом, формирование и развитие протестного потенциала в обществе представляет потенциальную угрозу национальной безопасности в масштабах страны и на уровне регионов РФ с точки зрения возможности возникновения деструктивных форм социального взаимодействия, конфликтов, социально-по-

Таблица 5. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социального самочувствия, %

	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-), 2014 г.	
												к 2013 г.	к 1998 г.
Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?													
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	27,4	20,6	28,6	16,8	16,1	15,4	13,9	14,3	13,7	11,6	12,1	+1	-15
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	42,4	30,0	39,3	31,2	29,0	35,4	32,7	35,6	35,3	33,3	37,6	+4	-5
Какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?													
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	23,6	21,1	29,6	18,0	16,2	19,1	14,8	13,3	14,2	14,1	15,4	+1	-8
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	50,4	36,9	47,8	43,5	45,3	41,2	45,3	51,0	51,4	37,0	40,2	+3	-10

Таблица 6. Результаты выборов в регионах РФ, где избирались губернаторы 14 сентября 2014 года (по данным ВЦИК)

№ п/п	Наименование субъекта РФ	Явка избирателей, %	Победитель по итогам выборов	Результат, %	На посту губернатора с ...
1	Самарская обл.	61,58	Меркушкин Н.	92	1995
2	Волгоградская обл.	36,38	Бочаров А.	90	2014
3	Калмыкия	64,64	Орлов А.	89	2010
4	Орловская обл.	62,65	Потомский В.	89	2014
5	Тюменская обл.	57,35	Якушев В.	89	2005
6	Нижегородская обл.	54,49	Шанцев В.	87	2005
7	Челябинская обл.	42,51	Дубровский Б.	86	2014
8	Курганская обл.	39,77	Кокорин А.	85	2014
9	Удмуртия	43,09	Соловьев А.	85	2014
10	Воронежская обл.	57,21	Гордеев А.	84	2009
11	Ставропольский край	47,88	Владимиров В.	84	2013
12	Ненецкий АО	42,87	Кошин И.	82	2014
13	Башкортостан	74,89	Хамитов Р.	82	2010
14	Липецкая обл.	47,57	Королев О.	81	1998
15	Оренбургская обл.	44,15	Берг Ю.	80	2010
16	Ивановская обл.	36,85	Коньков П.	80	2013
17	Коми	59,05	Гайзер В.	79	2010
18	Псковская обл.	37,91	Турчак А.	78	2009
19	Приморский край	40,20	Миклушевский В.	77	2012
20	Астраханская обл.	40,40	Жилкин А.	75	2004
21	Санкт-Петербург	39,08	Полтавченко Г.	75	2011
22	Алтайский край	34,38	Карлин А.	73	2005
23	Кировская обл.	36,25	Бельх Н.	70	2008
24	Курская обл.	38,97	Михайлов А.	67	2000
25	Мурманская обл.	31,02	Ковтун М.	65	2012
26	Новосибирская обл.	30,73	Городецкий В.	65	2014
27	Красноярский край	31,26	Толоконский В.	63	2014
28	Вологодская обл.	29,72	Кувшинников О.	62,9	2011
29	Якутия	52,75	Борисов Е.	59	2010
30	Алтай	54,23	Бердников А.	51	2005

литических «взрывов», т. е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые протестные действия, оказывающие негативное воздействие на систему властных отношений.

В результате социологических измерений было выявлено, что в среднем в 2014 году протестный потенциал жителей Вологодской области составляет 19%.

Группами риска являются жители области в возрасте от 30 до 55 лет и старше, представители 20%-ной категории наименее обеспеченных, жители Череповца. В данных категориях протестный потенциал превышает среднеобластной показатель. Более того, протестные настроения усиливаются среди жителей области,

негативно характеризующих социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и регионе, собственное материальное положение; не одобряющих деятельность властных структур; испытывающих отрицательные эмоции.

В целом сохраняющийся, хотя и невысокий, уровень протестного потенциала в регионе создает определенный резерв «горючего» материала, который при определенных условиях может быть использован для дестабилизации ситуации. Одной из форм проявления протестного потенциала является апатия, безразличие населения как к делам страны, так и к собственной жизни, усугубляемые отсутствием доступа к высоко ценимым в обще-

стве целям (образование, материальный достаток и т. д.) [5]. В качестве примера можно назвать неучастие населения в голосовании. В Вологодской области отмечается наиболее низкий результат явки избирателей на выборы (30%; табл. 6). В среднем по 30 субъектам РФ, в которых проходило голосование, явка избирателей составила 46%. Для сравнения, в Липецкой и Челябинской областях, которые сопоставимы с Вологодской областью по высокой доле черной металлургии в их промышленном производстве, явка избирателей на выборы главы региона составила 48 и 43% (результат выбранных губернаторов О. Королева и Б. Дубровского – соответственно 81 и 86%).

Основными условиями снижения уровня протестного потенциала в обществе, исключения возможности перерастания латентного недовольства в волнения и беспорядки являются оптимизация государственного управления на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном), а также повышение материального благо-

состояния населения. В 2013 году на совещании о ходе исполнения указов от 7 мая 2012 года Президентом РФ В.В. Путиным были обозначены стратегия преобразований и целевые ориентиры государственной политики, которых необходимо достигнуть к 2018 году. Они заключались в том, чтобы «обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации, прежде всего, за счет кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора» [10].

Одним из главных ресурсов повышения эффективности государственного управления является взаимодействие общества и государства, в котором роль посредника играет социологическая наука [7]. Социологические исследования предоставляют достоверную, своевременную и достаточную информацию о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества, что является необходимым условием организации эффективного управления его развитием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белевский, О. А. Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] / О. А. Белевский // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>
2. Бизюков, П. В. Трудовые конфликты в период кризиса [Электронный ресурс] / О. А. Белевский. – Режим доступа : <http://www.trudprava.ru>
3. Гулин, К. А. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области [Текст] / К. А. Гулин, И. Н. Дементьева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64–71.
4. Гулин, К. А. Протестные настроения населения региона в условиях кризиса [Текст] / К. А. Гулин, И. Н. Дементьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3 (15). – С. 53–65.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) [Электронный ресурс] / Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. – Режим доступа : http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
6. Дементьева, И. Н. Протестные настроения в комплексе трендов общественного развития [Текст] / И. Н. Дементьева // Проблемы развития территории. – 2014. – № 4 (72). – С. 67–81.
7. Ильин, В. А. Социологическое измерение эффективности государственного управления [Текст] / В. А. Ильин, А. А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18–32.
8. Плюснин, Ю. М. Скрытая социальная напряженность в российском обществе: динамика последних лет и прогноз [Текст] / Ю. М. Плюснин // Социология и общество: тез. Первого Всеросс. социол. конгресса. – 2000. – С. 74–75.

9. Попов, А. С. Национальная безопасность России на современном этапе [Текст] / А. С. Попов // Вестник Воронежского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 115–118.
10. Путин, В. В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/news/18039/print>
11. Самушкин, А. И. Социальная напряженность как общественно-политическое явление [Текст] / А. И. Самушкин // Проблема социальной напряженности: материалы международной научно-практической конференции 5 – 6 июня 2010 года. – Пенза – Ереван – Прага. – 2010. – С. 10–13.
12. Семенов, В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием [Текст] / В. С. Семенов // Социологические исследования. – 1993. – № 7. – С. 73.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета Безопасности РФ. – Режим доступа : [http:// www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html](http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html)
14. Стребков, Д. О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России [Текст] / Д. О. Стребков // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С. 48–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дементьева Ирина Николаевна – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: (8172) 59-78-21.

Dement'eva I.N.

PROTEST POTENTIAL IN THE REGION IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Formation and development of social tension in society represents a potential threat to national security at the national level and at the level of regions of the Russian Federation with regard to possibility of destructive forms of social interaction, conflicts, socio-political "explosion", i.e. a sharp transition of latent protest moods into open protest actions that have a negative impact on the system of power relations.

One of the manifestations of social tension in the certain territory is the formation of population's protest potential, which refers to the intention (inclination) of citizens to participate in protests under certain conditions.

The article presents the results of monitoring studies of the dynamics of protest potential in the Vologda Oblast; it also characterizes protest mood in different socio-demographic groups of the region's population and factors that contribute to the formation of protest sentiments.

The study was conducted on the basis of regular monitoring by ISEDT RAS in the Vologda Oblast.

Social strain, protest potential, national security, social conflict, social well-being.

REFERENCES

1. Belevskii O. A. Sovremennyi sotsial'nyi konflikt kak ugroza natsional'noi bezopasnosti [Modern Social Conflict as a Threat to National Security]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Research in the Humanities], 2014, no. 1. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>
2. Bizyukov P. V. *Trudovye konflikty v period krizisa* [Labor Conflicts in Times of Crisis]. Available at: <http://www.trudprava.ru>

3. Gulin K. A., Dement'eva I. N. Osnovnye tendentsii protestnykh nastroyenii zhitelei Vologodskoi oblasti [Main Trends in Protest Mood of the Vologda Oblast Residents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 11, pp. 64–71.
4. Gulin K. A., Dement'eva I. N. Protestnye nastroyeniya naseleniya regiona v usloviyakh krizisa [Protest Sentiments of the Region's Population in Crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 3 (15), pp. 53–65.
5. Dvadsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov) [Twenty Years of Reforms through the Eyes of the Russians (Experience of Sociological Measurements)]. *Analiticheskii doklad Instituta sotsiologii RAN v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridrikha Eberta v Rossiiskoi Federatsii* [Analytical Report of RAS Institute of Sociology in Cooperation with the Representative Office of Friedrich Ebert Foundation in the Russian Federation]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
6. Dement'eva I. N. Protestnye nastroyeniya v komplekse trendov obshchestvennogo razvitiya [Protest Sentiments in the Complex of Trends of Social Development]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2014, no. 4 (72), pp. 67–81.
7. Ilyin V. A., Shabunova A. A. Sotsiologicheskoe izmerenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Sociological Assessment of Public Administration Efficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2 (32), pp. 18–32.
8. Plyusnin Yu. M. Skrytaya sotsial'naya napryazhennost' v rossiiskom obshchestve: dinamika poslednikh let i prognoz [Latent Social Tensions in the Russian Society: Dynamics of Recent Years and the Forecast]. *Sotsiologiya i obshchestvo: tez. Pervogo Vseross. sotsiol. Kongressa* [Sociology and Society: Proceedings of the First All-Russian Sociological Congress]. 2000. Pp. 74–75.
9. Popov A. S. Natsional'naya bezopasnost' Rossii na sovremennom etape [National Security of Russia at the Present Stage]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Voronezh State University], 2009, no. 2, pp. 115–118.
10. Putin V. V. Rech' na soveshchaniy o khode ispolneniya ukazov Prezidenta ot 7 maya 2012 goda [Speech at the Meeting on the Implementation of Presidential Executive Decrees of May 7, 2012]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/18039/print>
11. Samushkin A. I. Sotsial'naya napryazhennost' kak obshchestvenno-politicheskoe yavlenie [Social Tension as a Socio-Political Phenomenon]. *Problema sotsial'noi napryazhennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 5 – 6 iyunya 2010 goda* [The Problem of Social Tension: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference June 5–6, 2010]. – Penza – Erevan – Praga, 2010. Pp. 10–13.
12. Semenov V. S. Rossiya v seti konfliktnosti: mezhdvu vzryvom i soglasiem [Russia in the Conflict Network: between Explosion and Consent]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1993, no. 7, p. 73.
13. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda [National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. *Ofitsial'nyi sait Soveta Bezopasnosti RF* [Official Website of the Russian Federation Security Council]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html>
14. Strebkov D. O. Ekonomicheskie determinanty protestnogo povedeniya naseleniya Rossii [Economic Determinants of Protest Behavior of Russia's Population]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2000, vol. 1, no. 1, pp. 48–66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dement'eva Irina Nikolaevna – Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, Russia, 160014. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: (8172) 59-78-10.

УДК 316.624

ББК 60.5

© Кандрычын С.В., Разводовский Ю.Е.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УРОВНЯ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН¹

КАНДРЫЧЫН СЕРГЕЙ ВАЦЛАВОВИЧ

кандидат социологических наук, врач-кардиолог, отделение кардиологии

Минская областная клиническая больница

E-mail: kandrycz@yandex.ru

РАЗВОДОВСКИЙ ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

преподаватель, кафедра патологической физиологии

Гродненский государственный медицинский университет

E-mail: yury_razvodovsky@mail.ru

Рассматривается характер распределения показателей смертности от внешних причин на территории России и Беларуси за период 1980 – 2013 гг. Проанализирован ранговый порядок распределения уровня насильственной смертности по 73 регионам – субъектам Российской Федерации и 6 областям Беларуси. Проведен анализ географического распределения показателя по оси север – юг на территории Европейской части России и Беларуси. Результаты анализа демонстрируют существование устойчивого паттерна в географическом распределении показателей насильственной смертности на территории России и Беларуси. Порядок рангового распределения показателя по регионам Российской Федерации оценивался с помощью коэффициента ранговой корреляции, который демонстрировал значимость на всем временном интервале. Оценка пространственного распределения показателя смертности от внешних причин на территории Европейской части России и Беларуси выявила устойчивый вектор роста в северном направлении. В рамках данной работы обсуждаются этно-исторические и антропологические предпосылки устойчивого паттерна пространственной дифференциации показателя смертности от внешних причин, в частности, совпадение вектора его распределения с направлением исторической миграции древних славян в период раннего средневековья. Подчеркивается значимость междисциплинарных подходов в решении социодемографических проблем.

---

¹ В текущем выпуске публикуется первая часть статьи.

Смертность от внешних причин, южные и северные регионы, Российская Федерация, Беларусь, коэффициент ранговой корреляции, этническая история.

Всестороннее изучение причин насильственной смертности является одной из актуальных социальных проблем. Представляется очевидным, что факторы социокультурной среды, духовный климат в обществе являются определяющими в формировании этой группы смертности, однако без понимания полифакторности в ее генезе эффективность мер социального противодействия будет ограниченной.

В пионерских работах в области «статистики морали» Зюсмилх, Кетле, Морселли, Дюркгейм и ряд других исследователей не скрывали своей заинтересованности устойчивым характером распределения этих показателей. Ими были сформулированы проблемы, которые стали ключевыми для многих последующих исследований. Почему по отдельным странам и регионам приблизительно одно и то же число людей из года в год погибают от чужих рук или добровольно лишают себя жизни? А также почему показатели насильственной смертности распределяются неравномерно на карте Европы и отчего эти различия носят устойчивый характер? История проблемы подробно изложена во вступительной части работ J. Douglas [12] и Э. Нолиас [9].

Наиболее показательны трудности с поиском интерпретаций продемонстрировал анализ пространственного распределения показателя самоубийств. Прежде всего, речь о существовании устойчивого пространственного градиента, который проявляется ростом числа самоубийств в направлении с юго-запада на северо-восток континента. Он означает, что территории Средиземноморья и Британские острова демонстрируют более низкие показатели по сравнению с центральными и северо-восточными

регионами Европы. Этот же градиент проявляет себя и на территории отдельных европейских стран, таких как Франция и Италия, где северо-восточные и северные регионы имеют более высокие показатели смертности от самоубийств по сравнению с южными [29]. Наличие указанного градиента дублируется и на востоке континента – на территории бывшего СССР, в Европейской части России и в Беларуси [8; 17].

Существование указанного градиента было известно уже первым исследователям «статистики морали» в XIX столетии. Наиболее полно проблема отражена в работах Энрико Морселли (представителя итальянской медико-антропологической школы) и Эмиля Дюркгейма (одного из родоначальников современной социологии) [2; 21]. За минувшее столетие региональный паттерн статистики самоубийств на Европейском континенте сохранился (следует учитывать, что в странах, расположенных на «периферии» континента, надежные статистические данные появились позже) [16; 18; 19]. Также остались неизменными варианты интерпретации явления, ранее сформулированные в русле этно-антропологического (медико-биологического, впоследствии и этно-генетического), социокультурного, социо-экономического и физико-географического (климатического) подходов. Проведение аргументации затруднено рядом принципиальных моментов.

Во-первых, полиэтиологический характер генеза самоубийств и перспективы использования интегральных методов в профилактике служат основанием для множественности теоретических подходов и одновременного функционирования в научном дискурсе конкурирующих схем интерпретации.

Во-вторых, в процессе исторического и эволюционного развития неизбежно формировалась зависимость в действии причинных факторов различной природы, например, между социокультурными и экономическими детерминантами самоубийств, или между этно-антропологическими, климатическими и психологическими факторами, поэтому проводить дифференциацию между различными причинными механизмами или же оценить их эффект изолированно друг от друга можно только условно.

В-третьих, устойчивый характер географического распределения показателей самоубийств предполагает участие исторических механизмов, а возможности использования научной операционализации в данном случае более чем скромные. История, как и биологическая эволюция, допускает лишь использование процедуры сравнения, которая не может служить доказательством той или иной гипотезы.

Среди причин, дополнительно затрудняющих интерпретацию различий региональных показателей, следует указать особенности социальной и экономической ситуации, а также степень надежности в функционировании национальных систем статистической отчетности.

Во главу данной дискуссии поставлено обсуждение географического паттерна «север-юг», который наблюдается в распределении показателей насильственной смертности на территории Европейской части России и в Беларуси [8; 10; 15; 26]. Это значит, что предлагается обсудить, как на территории Восточной Европы проявляется себя проблема неравномерности показателей смертности, известная как «югославский» или «албанский парадокс» [13; 20]. Указанная проблема, заставляет обратиться к причинам, из-за которых менее благополучные в социальном и экономическом плане регионы юга Европы имеют лучшие показатели здо-

ровья, включая некоторые показатели насильственной смертности. Кроме того, влияние данного гипотетического фактора, вероятно, обуславливает и регулярность пространственного распределения показателей смертности. Соответственно, обсуждение пространственного градиента показателей смертности предполагает проведение широких теоретических интерпретаций.

Проблема устойчивости в географическом распределении показателей смертности от насильственных причин на территории Российской Федерации являлась предметом ряда исследований [1; 8; 10]. Некоторые из исследователей пытались проследить длительную динамику характера в распределении показателей смертности (убийств и самоубийств) по регионам России, начиная с конца XIX – начала XX века (т. е. с периода существования Российской Империи) [23]. Однако значимые социальные потрясения и войны, национальные и территориальные преобразования, через которые прошла Россия в XX столетии, трансформация структуры региональных популяций, а также низкая надежность данных статистики царского периода (т. е. периода становления институтов статистики) существенно ограничивают ценность подобных долговременных сравнений. Более обоснованным представляется обращение к региональным статистическим данным, аккумулированным в послевоенный период, когда была достигнута устойчивость социальной организации и административного деления территории, а надежность статистического метода существенно возросла и стала контролируемой.

Различия социокультурной и этно-исторической композиции регионов, особенности хозяйственной деятельности, своеобразии географических и метеоклиматических условий в совокупности составляют непреодолимое препятствие

для проведения обобщенных сравнительных процедур. Поэтому сопоставление показателей смертности и их группировка по всем субъектам Российской Федерации превращается в сугубо формальную процедуру, имеющую лишь ознакомительное значение. Достаточно указать, что в одном «ареале» по уровню смертности оказываются столичные города Москва, Санкт-Петербург и республики Северного Кавказа [1; 10]. В таких обобщающих случаях ограниченную значимость имеют попытки разноплановой дифференциации структуры смертности по возрасту, полу, месту жительства (город/село), социальной принадлежности, образованию, доходам, распространенности практики злоупотребления алкоголем, и т. д. Тут можно только наблюдать, как исходная региональная разнородность множится и дублируется, вместе с чем растет возможность появления спекулятивных интерпретаций. В то время как основной причинный агент может остаться в «серой зоне». Следует подчеркнуть, что мультифакторная природа каждой из составляющей показателя смертности представляет широкое поле для воспроизводства различных теоретических подходов.

Анализ статистики показателей насильственной смертности на территории бывшего СССР продемонстрировал, что республики, занимающие северные территории – Российская Федерация, Украина, Беларусь и республики Балтии – имеют более высокие показатели общей смертности и смертности от внешних причин, чем республики Закавказья и Среднеазиатского региона [24; 28]. Иными словами, «албанский парадокс» дублировался на территории бывшего СССР. Для объяснения указанных различий, проявляющихся в уникальном социокультурном и экономическом пространстве бывшего СССР, авторы обычно

обращаются к национальным и культурным традициям, религиозности, силе семейных связей, а также к стереотипам в стиле потребления алкоголя [24; 28]. В то же время большинство из предложенных объяснений соотносят региональные показатели смертности с социальной структурой, культурными и национальными традициями региональных популяций. Полномасштабное объяснение подобных причин неизменно заставляет обратиться к историческому ракурсу.

Экономическая ситуация в регионе, как и благосостояние населения и формы хозяйственной деятельности традиционно рассматриваются в качестве одного из факторов, определяющих уровень насильственной смертности. Рост показателя смертности в период социальных потрясений, который прошли все республики бывшего СССР после его распада, казалось бы, является лучшим тому свидетельством. Однако данные сравнительного регионального анализа, выполненного на материале России, Украины и Беларуси, указывают на то, что группа экономических причин не является ответственной за устойчивость региональных различий в показателях насильственной смертности [8; 10; 28]. Более того, во всех трех странах скорее наблюдается обратная, но не значимая в статистическом аспекте тенденция, которая означает, что регионы с более низким уровнем доходов населения имеют более низкие показатели смертности от внешних причин. Наиболее показательным в этом отношении является пример с северокавказскими автономиями Российской Федерации.

Имеющиеся данные указывают на то, что географическое положение региона, национальный и этнический состав населения представляют большую значимость для формирования вариаций показателя внешней смертности, чем социально-экономические факторы (о чем,

собственно, и свидетельствует упомянутый ранее «албанский парадокс») [13]. Представленное положение имеет непосредственное отношение к материалу бывшего многонационального СССР, где в масштабах всего государства было достигнуто относительное равенство социально-экономических условий.

Представляется очевидным, что социально-экономическая однородность в большей степени характерна для близлежащих регионов, в которых сходны климатические условия, методы хозяйствования, а также условия формирования культурных традиций. Поэтому в рамках данного исследования акцент будет сделан на сравнении показателей насильственной смертности в группе европейских регионов.

Ранее обсуждались отличия в показателях насильственной смертности между южными и северными регионами Европейской части России и устойчивая закономерность этого распределения [8; 28]. Был выявлен интегральный характер различий между северными и южными регионами, который охватывал сразу комплекс разнородных показателей. Помимо ряда показателей смертности от насильственных причин, он включал показатели преступности и некоторые показатели электорального поведения [7; 8; 28]. В то же время исследователи отмечали, что указанные географические вариации не могут объясняться исключительно с помощью актуальных социальных и экономических параметров. Иными словами, в область исследования входили «глубинные факторы», определяющие социально-психологические и ментальные характеристики населения данных регионов. Поэтому было предложено расширить поиск теоретической интерпретации и углубить ее до поиска соотношений с процессом этнической истории.

Следует подчеркнуть, что причины, которые обуславливают высокие показатели насильственной смертности, в значительной мере ответственны за процесс депопуляции. Они требуют комплексного рассмотрения, и поэтому изучение региональной дифференциации показателей смертности представляет разноплановый интерес.

Анализ распределения показателей насильственной смертности на территории России и Беларуси представляет уникальную возможность для комплексной реализации исторического и географического метода. На этой территории, значительно превосходящей по своим размерам территорию любой из европейской стран, сформировалась своеобразная зависимость характера распределения социальных и демографических показателей от действия исторических факторов. Следует учитывать, что рассматриваемая территория входила в состав СССР, а ранее в состав Российской Империи, что обусловило общность социокультурного пространства. Наиболее значимым в плане выравнивания социокультурных и экономических характеристик являлся советский период. В этот период по единым принципам было проведено административное деление территории и были выработаны единые методы функционирования института социальной и демографической статистики.

Исследование континуальности географического паттерна смертности в соседних странах преследует сразу несколько целей:

1. Продемонстрировать и сопоставить характер распределения показателей смертности от внешних причин на прилегающих территориях России и Беларуси.
2. Предоставить дополнительное свидетельство тому, что ареалы смертности формируются вне зависимости от линий государственных и административных границ.